

Захватывающая  
история,  
рассказанная  
замечательным  
автором.

*The Associated Press*



18+

ДЕВЯТНАДЦАТЬ  
МИНУТ

РОМАН

ДЖОДИ  
ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт  
**Девятнадцать минут**

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-44

**Пиколт Д.**

Девятнадцать минут / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2007

ISBN 978-5-389-17469-6

За девятнадцать минут можно постричь газон перед домом, или покрасить волосы, или испечь лепешки к завтраку. За девятнадцать минут можно остановить землю или спрыгнуть с нее. За девятнадцать минут можно получить отмщение. Стерлинг — провинциальный сонный городок в штате Нью-Гэмпшир. Однажды его тихую жизнь нарушают выстрелы в старшей школе. И чтобы пережить это событие, недостаточно добиться торжества правосудия. Для жителей Стерлинга навсегда стерлась грань между правдой и вымыслом, добром и злом, своим и чужим. Джози Кормье, дочка судьи, могла бы быть ценным свидетелем обвинения, но не помнит того, что произошло у нее на глазах, а те факты, которые проясняются в ходе разбирательства, бросают тень вины как на школьников, так и на взрослых, разрушая даже самые крепкие дружеские и семейные узы. Роман «Девятнадцать минут» ставит простые вопросы, на которые нет простых ответов. Можно ли не знать собственного ребенка? Что значит быть не таким, как все? Оправданно ли желание жертвы нанести ответный удар? И кому вершить суд, если кто-нибудь из нас вообще вправе судить другого?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-17469-6

© Пиколт Д., 2007  
© Азбука-Аттикус, 2007

## Содержание

Часть первая	7
6 марта 2007 года	8
Семнадцать лет назад	23
Несколько часов спустя	36
Двенадцать лет назад	51
День спустя	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

# Джоди Пиколт

## Девятнадцать минут

*Посвящается Эмили Бестлер, лучшему редактору и самому яростному защитнику, о каком только можно мечтать. Она делает все возможное, чтобы я показывала себя с лучшей стороны. Спасибо ей за зоркий глаз, за поддержку и, главное, за дружбу*

Jodi Picoult  
NINETEEN MINUTES  
Copyright © 2007 by Jodi Picoult  
Originally published by Atria Books,  
a Division of Simon & Schuster Inc.  
All rights reserved

Перевод с английского Марии Николенко

© М. П. Николенко, перевод, 2019  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019  
Издательство АЗБУКА®  
© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019  
Издательство АЗБУКА®

## Часть первая

*Кто не свернул с тропы, приходит туда, куда направлялся.  
Китайская пословица*

*Надеюсь, когда ты это прочтешь, меня уже не будет в живых. Сделанного не воротить, произнесенного вслух слова обратно не возьмешь. Ты будешь думать обо мне и жалеть, что не успела меня отговорить. Начнешь гадать, как можно было меня остановить. Наверное, я должен сказать: «Не мучай себя, ты ни в чем не виновата», но тогда я совру. Мы оба знаем: сам бы я на такое никогда не решился.*

*На моих похоронах ты будешь плакать. Будешь говорить, что все должно было быть по-другому. Будешь вести себя так, как и подобает в подобных ситуациях. Но будет ли тебе на самом деле меня не хватать?*

*И главное, будет ли мне не хватать тебя?*

*Хотим ли мы оба услышать ответ на этот вопрос?*

## 6 марта 2007 года

За девятнадцать минут можно постричь газон перед домом, покрасить волосы или посмотреть один период хоккейного матча. За девятнадцать минут можно поставить пломбу, или испечь сконы к завтраку, или разложить по стопкам выстиранное белье семьи из пяти человек.

За девятнадцать минут были распроданы билеты на игру «Теннесси тайтенс» в плей-офф чемпионата по американскому футболу. Столько длится одна серия ситкома без рекламы. За это время можно доехать от границы штата Вермонт до Стерлинга, городка в Нью-Гэмпшире.

За девятнадцать минут вам доставят пиццу из ресторана. Вы успеете прочитать ребенку сказку или поменять в машине масло. Можно пройти милю или подшить край одежды.

За девятнадцать минут можно остановить землю или спрыгнуть с нее.

За девятнадцать минут можно получить отпущение.

Алекс Кормье, как всегда, опаздывала. Дорога от ее дома в Стерлинге до главного суда первой инстанции округа Графтон, штат Нью-Гэмпшир, занимала тридцать две минуты, если не было пробок в Орфорде. Алекс торопливо спустилась по лестнице, держа в одной руке туфли на каблуке, а в другой – документы, которые брала домой на уик-энд. Закрутив густые волосы цвета меди в низкий узел и закрепив его шпильками, она превратилась в настоящую деловую женщину.

Прошло тридцать четыре дня с тех пор, как Алекс получила должность судьи в главном суде первой инстанции. До этого она пять лет проработала судьей окружного суда, успела хорошо себя зарекомендовать и поэтому надеялась, что переходный период будет не очень сложным. Но ей было всего сорок, и, как самый молодой судья в штате, она была вынуждена завоевывать репутацию беспристрастной вершительницы правосудия. Поскольку Алекс начинала как государственный защитник, прокуроры подозревали ее в том, что и как судья она будет чуть ли не всегда принимать сторону защиты. В свое время, подавая прошение о назначении на судейскую должность, Алекс искренне хотела способствовать тому, чтобы в рамках американской судебной системы люди считались невиновными до тех пор, пока не доказана их вина. В то время Алекс и в голову не приходило, что, когда она станет судьей, на нее самую презумпция невиновности, то есть в данном случае презумпция объективности, распространяться не будет.

Почувствовав запах свежесваренного кофе, Алекс вошла в кухню. Дочка сидела за столом с дымящейся кружкой в руках, сгорбившись над учебником. Вид у Джози был изможденный: голубые глаза покраснели, собранные в хвост каштановые волосы растрепались.

– Скажи, что ты не всю ночь так просидела, – проговорила Алекс.

– Я не всю ночь так просидела, – даже не посмотрев на мать, словно попугай, ответила Джози.

Алекс налила себе кофе и села напротив дочери:

– Правда?

– Правду ты у меня не спросила. Ты сказала, что я должна тебе сказать.

– Тебе вредно пить кофе, – нахмурилась Алекс.

– А тебе вредно курить.

Алекс почувствовала, как ее лицо вспыхнуло.

– Я не...

– Мама, – вздохнула Джози, – даже если ты открываешь в ванной окно, когда куришь, полотенца все равно пахнут табаком. – Она подняла глаза, как будто спрашивая мать, не попытается ли та высказать ей новый упрек.

Однако, кроме курения, других вредных привычек у Алекс не было. У нее попросту не хватало на них времени. Она была бы рада, если бы могла с уверенностью сказать то же самое про свою дочь, но ей, как и всем, кто видел Джози, оставалось только предполагать, что эта симпатичная девочка, круглая отличница, пользующаяся популярностью в своем классе, достаточно разумна, чтобы не наделать серьезных ошибок. У этой девочки большое будущее. Она именно такая, какой Алекс мечтала видеть свою дочь.

Когда-то Джози очень гордилась тем, что ее мама – судья, и хвасталась этим всем подряд: стюардессам, кассирам в банке, продавщицам в супермаркете. Она расспрашивала Алекс о делах, которые та рассматривала, и о решениях, которые выносила. Все изменилось три года назад, когда Джози перешла в старшую школу и постепенно между ней и матерью выросла стена. Алекс не думала, что дочка скрывает от нее больше, чем скрывает от родителей любой другой подросток. Только вот обычные матери могли судить друзей своих детей только в переносном смысле, а Алекс могла судить их буквально.

– Что у тебя сегодня на повестке дня? – спросила Алекс.

– Тест по всему разделу курса. А у тебя?

– Предъявление обвинений. – Алекс прищурилась, пытаясь вверх ногами прочесть то, что было написано в учебнике дочери. – Это химия?

– Катализаторы, – ответила Джози, потирая виски. – Вещества, которые ускоряют реакцию, но не расходуются в процессе. Например, берешь оксид углерода и водород, добавляешь оксид цинка и оксид хрома и... Что-то не так?

– Нет, все в порядке. Просто я вспомнила свою «С»<sup>1</sup> по органической химии... Ты завтракала?

– Выпила кофе.

– Кофе не считается.

– Считается, когда нет времени, – парировала Джози.

Алекс попыталась взвесить, что хуже: на пять минут опоздать на работу или получить очередной жирный минус напротив своего имени во всемирном журнале хороших матерей. *Ну разве в семнадцать лет девочка не должна уметь сама заботиться о себе по утрам?* Алекс достала из холодильника яйца, молоко и бекон.

– Однажды я рассматривала дело о принудительном помещении в психиатрическую больницу женщины, которая возомнила себя Эмерилом<sup>2</sup>. Муж отвез ее в сумасшедший дом, после того как она, сунув в блендер целый фунт бекона, начала гоняться за ним по кухне с ножом, крича: «Бам!»

Джози оторвалась от учебника:

– Что, правда?

– Такое нарочно не придумаешь, – вздохнула Алекс, разбивая яйцо в сковородку. – Когда я спросила, зачем она положила фунт бекона в блендер, несчастная посмотрела на меня и сказала: «Просто мы с вами по-разному готовим».

Джози встала и, опершись о столешницу, принялась наблюдать за тем, как мать возится у плиты. Ведение домашнего хозяйства не было сильной стороной Алекс. Она не умела запекать жаркое в горшочке, зато гордилась тем, что наизусть знает телефоны всех пиццерий и китайских ресторанов Стерлинга с бесплатной доставкой.

– Не беспокойся, – сухо сказала Алекс. – Я в состоянии приготовить яичницу, не спалив дом.

---

<sup>1</sup> В большинстве учебных заведений США используется шкала оценивания знаний «А – F», где «А» приблизительно соответствует пятерке, «F» – двойке, а «С» – тройке. – *Здесь и далее примеч. перев.*

<sup>2</sup> *Джон Эмерил* – шеф-повар, ресторатор, звезда телеэкрана и автор кулинарных бестселлеров.

Но Джози взяла сковородку из рук матери, аккуратно разложила на ней полоски бекона, а потом спросила:

– Зачем ты так вырядилась?

Алекс, нахмурившись, посмотрела на свои туфли, юбку и блузку:

– А что? Слишком похоже на Маргарет Тэтчер?

– Да нет, просто... зачем тебе одеваться так строго? Никто же не видит, что у тебя под мантией. Носи под ней хоть пижаму, хоть свитер, которому уже лет двадцать и который протерся на локтях.

– Видят меня или нет, я должна быть одета, как подобает... представителю системы правосудия.

По лицу Джози пробежала тень, словно мать сказала что-то не то. Алекс посмотрела на дочку: на ее обкусанные ногти, на родимое пятнышко за ухом, на зигзагообразный пробор, но вместо всего этого увидела двухлетнюю девочку, которая вечерами сидела у окошка в доме няни и ждала, когда мама ее заберет.

– В пижаме я на работу не хожу, – сказала Алекс, – зато иногда запираю дверь своего кабинета, чтобы прикорнуть на полу.

На лице Джози медленно возникла удивленная улыбка. Мамино признание обрадовало ее, как обрадовала бы бабочка, которая внезапно села на руку и к которой нельзя привлечь внимание, не рискуя ее спугнуть. Но на работу надо было ехать, а химические уравнения – решать, и к тому времени, когда Джози выложила бекон на бумажное полотенце, чтобы удалить лишний жир, момент был упущен.

– Не понимаю, почему я должна завтракать, а ты – нет, – пробормотала Джози.

– Потому что получить право портить собственное здоровье получаешь лишь по достижении определенного возраста. – Алекс указала на яичницу-болтунью, которую Джози помещивала на сковородке: – Обещай мне, что съешь ее.

Джози посмотрела матери в глаза:

– Обещаю.

– Ну, тогда я побежала.

Алекс взяла термокружку с кофе и вышла. Алекс еще только выезжала из гаража, а ее голова уже была забита делами, которые назначены к слушанию, решениями, которые предстояло вынести, и ходатайствами, которые накопились за выходные и, наверное, уже завалили ее стол. Почти мгновенно Алекс мысленно перенеслась далеко от дома, где прямо сейчас ее дочь соскребала яичницу со сковородки в мусорное ведро, не взяв в рот ни единого кусочка.

Иногда собственная жизнь казалась Джози комнатой без окон и дверей – бесспорно, шикарной комнатой, за шанс пожить в которой многие ребята из школы отдали бы правую руку. Но сама Джози не знала, как отсюда выбраться. То ли она была тем, кем ей совсем не хотелось быть, то ли была просто никому не нужной.

Джози подставила лицо под горячий душ, такой горячий, что стекла запотевали, дыхание перехватывало, а на коже появлялись красные пятна. Она досчитала до десяти, выключила воду и встала, голая и мокрая, перед зеркалом. Лицо опухло и покраснелось, толстые пряди волос прилипли к плечам. Джози повернулась боком, посмотрела на свой плоский живот и немного его втянула. Она знала, что видит Мэтт, когда смотрит на нее, что видят Кортни, Мэдди, Брейди, Хейли и Дрю. Ей самой тоже хотелось бы это видеть. Но к сожалению, глядя в зеркало, она видела не внешнюю оболочку, а то, что внутри.

Джози понимала, как ей полагается выглядеть и как себя вести. Она носила прямые распущенные волосы, одевалась в «Аберкромби и Фитч», слушала *Dashboard Confessional* и *Death Cab for Cutie*. Ей нравилось, что все девчонки смотрят на нее, когда она, сидя в кафетерии, подкрашивает губы помадой Кортни. Ей нравилось, что учителя уже на первом уроке знают

ее имя. Ей нравилось, что парни смотрят ей вслед, когда она проходит по коридору в обнимку с Мэттом.

И в то же время Джози спрашивала себя, как они все отреагируют, если она расскажет им свой секрет. Расскажет, как ей трудно вставать по утрам с постели и натягивать на лицо улыбку, как трудно смеяться над «правильными» шутками, шепотом передавать «правильные» сплетни и флиртовать с «правильным» парнем, как трудно быть фальшивкой, которая уже почти забыла, кто она такая на самом деле. Забыла и, если честно, не хочет вспоминать, потому что от этого ей станет еще больнее.

О том, чтобы с кем-нибудь поговорить, не могло быть и речи. Если ты начнешь сомневаться в своем праве принадлежать к избранным, то тут же выпадешь из их круга. Что касается Мэтта, то ему, как и всем остальным, нравилась та Джози, что лежала на поверхности. В сказках, когда герои предстают друг перед другом в истинном обличье, принц не отрекается от своей избранницы, и такая любовь сама по себе делает ее принцессой. Но в старших классах все по-другому. Здесь действовала какая-то странная логика: Джози была принцессой, потому что встречалась с Мэттом, а Мэтт встречался с Джози, потому что она была одной из школьных принцесс.

С матерью она тоже не могла поделиться. «Выйдя из зала суда, не перестаешь быть судьей», – говорила Алекс Кормье, которая не пила на людях больше одного бокала вина, никогда не кричала и не плакала. И никогда не сомневалась: ты должна соответствовать стандарту, и точка. Многие успехи дочери, которыми Алекс так гордилась: оценки, внешность, принадлежность к «хорошей» компании, – были не результатом желаний самой Джози, а результатом ее боязни не дотянуть до идеала.

Завернувшись в полотенце, Джози прошла к себе в комнату. Надела джинсы и две футболки с длинным рукавом, подчеркивающие грудь. Посмотрела на часы: если она не хочет опоздать, то выходить надо прямо сейчас.

Но Джози все-таки задержалась еще на минутку: села на кровать и нащупала под крышкой ночного столика полиэтиленовый пакетик с таблетками амбиена – снотворного, которое врач прописал матери. Чтобы Алекс ничего не заметила, нужно было воровать изредка и только по одной. Поэтому за шесть месяцев удалось накопить всего пятнадцать штук. Но наверное, этого количества хватило бы, особенно если запить стаканом водки. Нет, у Джози не было конкретного плана: покончить с собой в следующий вторник или когда растает снег. Это была своего рода подстраховка на случай, если правда раскроется и никто не захочет с ней общаться, да и сама Джози тоже.

Убрав пакетик на место, она спустилась в кухню, чтобы собрать рюкзак. Рядом с раскрытым учебником по химии лежала красная роза на длинном стебле.

Мэтт стоял, прислонившись к холодильнику, – видимо, вошел в открытую дверь гаража. Когда Джози смотрела на своего парня, ей всегда казалось, что она очутилась сразу во всех сезонах года: его волосы переливались всеми красками осени, голубые глаза напоминали о зимнем небе, а широкая улыбка – о летнем солнце. Мэтт был в бейсболке, надетой задом наперед, и в фуфайке с логотипом хоккейной команды старшей школы Стерлинга, а из-под нее выглядывала термофутболка, которую Джози однажды стащила и целый месяц продержала у себя, чтобы иметь возможность, когда захочется, вдохнуть его запах.

– Все еще дуешься? – спросил он.

– Это не я вчера слетела с катушек, – после небольшой паузы ответила Джози.

Мэтт отлепился от холодильника, подошел ближе и обнял Джози за талию:

– Такой уж у меня характер.

На его правой щеке образовалась ямочка, и Джози растаяла:

– Дело не в том, что я не хотела тебя видеть. Просто мне действительно нужно было позаниматься.

Мэтт убрал волосы с лица Джози и поцеловал ее. Вот потому-то она и не разрешила ему прийти накануне. Иногда, когда он прикасался к ней, ей казалось, что она растворяется – превращается в облачко пара. Его поцелуй со вкусом кленового сиропа был красноречивее любых извинений.

– Ты сама виновата, – сказал он. – Я бы не вел себя так по-дурацки, если бы не был по уши в тебя влюблен.

В этот момент Джози забыла о таблетках. Забыла о том, как плакала в душе. Она чувствовала себя любимой, и в ее сознании серебристой лентой струилась только одна мысль: *я счастливая, счастливая, счастливая...*

Патрик Дюшарм, единственный детектив полиции Стерлинга, сидел на скамье в дальнем конце раздевалки и слушал, как патрульные утренней смены поддразнивают новичка, не отличавшегося спортивной фигурой.

– Эй, Фишер, – сказал Эдди Оденкирк, – ребенка-то кто ждет? Твоя жена или, может, ты сам?

Все парни покатались со смеху, и Патрику стало жалко парня.

– Еще рано, Эдди. Ты можешь подождать, пока мы все хотя бы по чашке кофе не выпьем?

– Без проблем, капитан, – расхохотался Эдди. – Только Фишер, похоже, уже успел сожрать все пончики... Черт, а это что за хрень?!

Проследив за взглядом Эдди, Патрик посмотрел на свои ноги. Вообще-то, ему не полагалось переодеваться вместе с патрульными, но в то утро он не приехал на работу, как обычно, на машине, а прибежал трусцой – боролся с последствиями воскресного переедания. Уик-энд Патрик провел в Мэне, в обществе молодой особы, которой в настоящее время принадлежало его сердце, – своей крестницы, пятилетней Тары Фрост. Нина, мама девочки, была первой любовью Патрика, и с его стороны это чувство, возможно, до сих пор не угагло, хотя Нине прекрасно жилось и без него. За два дня он десять тысяч раз намеренно проиграл в «Конфетную страну», намотал тысячу кругов по комнате в качестве пони, позволил Таре себя причесать и – вот это была роковая ошибка! – накрасить ногти на ногах ярко-розовым лаком, а потом забыл этот лак снять.

– Девочкам нравится, – буркнул Дюшарм, подобрав пальцы.

Семеро полицейских еле сдерживались, чтобы не рассмеяться над старшим по званию. Патрик надел носки, сунул ноги в лоферы и вышел, держа галстук в руке. Стоило ему мысленно досчитать до трех, как из раздевалки донесся дружный хохот.

Зайдя в кабинет, Патрик посмотрелся в маленькое зеркало, прикрепленное к двери с внутренней стороны: черные волосы еще влажные после душа, лицо красное от бега. Патрик завязал галстук, расправил узел и сел за стол.

За выходные в электронной почте скопилось семьдесят два непрочитанных письма. Если набиралось больше пятидесяти, это, как правило, означало, что всю неделю придется засиживаться в участке до восьми вечера, а то и дольше. Патрик принялся рассортировывать их, делая пометки в списке дел, который, как ни бейся, короче не становился.

Сегодня нужно было отвезти наркотики на экспертизу в центральную лабораторию штата – задача, конечно, несложная, но часа четыре на это уйдет. Потом он должен заняться насильником, которого опознали по университетскому альбому и показания которого были готовы для передачи в офис окружного прокурора, затем телефоном, украденным из машины каким-то бродягой. Далее на очереди стояли полученные из лаборатории результаты анализа крови, которые могут стать прорывом в деле об ограблении ювелирного магазина; слушание об укрытельстве и новое заявление, поступившее только сегодня: кража бумажника с кредитными картами, причем кто-то уже успел ими воспользоваться, оставив ниточку, по которой Дюшарму предстояло размотать и это дело.

Поскольку Патрик был детективом в маленьком городке, работа для него никогда не заканчивалась. В полицейских департаментах больших городов дело, не раскрытое за двадцать четыре часа, сдавалось в архив как «глухарь», а Патрику приходилось браться за все дела подряд и биться над ними до упора. Иногда он тратил целую неделю на фальшивый чек или на кражу, за которую преступника приговаривали к штрафу в двести долларов, хотя расследование обходилось налогоплательщикам в пять раз дороже. Но как только Патрику начинало казаться, что он занимается ерундой, его убеждала в обратном личная встреча с потерпевшим: с бьющейся в истерике мамашей, у которой стащили кошелек, с владельцами семейного ювелирного магазинчика, у которых украли то, на что они собирались жить в старости, или с перепуганным профессором, чьими личными данными кто-то воспользовался, чтобы взять кредит. Патрик знал: расстояние между ним и обратившимся за помощью человеком измеряется надеждой. Если отнестись к проблеме поверхностно, не выложиться на все сто процентов, пострадавший навсегда останется жертвой. Именно поэтому с самого начала своей работы в отделении полиции Стерлинга Патрик ни единого дела не оставил нераскрытым.

И все-же...

Лежа дома в одиночестве на кровати и мысленно прокручивая свою жизнь, Патрик вспоминал не очевидные успехи, а потенциальные неудачи. Расхаживая по чьему-нибудь опустошенному складу, или находя машину, которую угонщики полностью «вычистили», прежде чем бросить в лесу, или подавая носовой платок девушке, которую парень изнасиловал на свидании, Патрик не мог не чувствовать, что опоздал. Он был следователем, но не мог за всем уследить. Всякий раз к нему в руки попадало то, чего уже не исправишь.

Сегодня был первый теплый мартовский день, когда начинаешь верить: снег скоро растает, а там уже и лето не за горами. Джози сидела на капоте «сааба» Мэтта, припаркованного возле школы, и думала о том, что большая часть учебного года уже позади. Еще три жалких месяца – и она станет ученицей выпускного класса.

Мэтт, устроившийся рядом, прислонился спиной к лобовому стеклу и подставил лицо солнцу.

– Может, прогуляем уроки? – спросил он. – Погода слишком хорошая, чтобы весь день торчать в четырех стенах.

– За прогул тебя отправят на скамейку запасных.

Сегодня начинался чемпионат штата по хоккею, Мэтт играл правым нападающим. В прошломоднем турнире Стерлинг победил, и в этом году были все шансы повторить успех.

– Ты придешь на игру, – произнес Мэтт тоном утверждения, а не вопроса.

– Собираешься засадить им?

– А разве я не всегда это делаю? – хитро улыбнулся Мэтт, усаживая Джози себе на колени.

Она почувствовала, как краска заливает ее лицо и замотанную шарфом шею, ведь сейчас Мэтт говорил не о хоккее.

Внезапно по спине Джози забарабанили градины. Они с Мэттом резко выпрямились, когда увидели Брейди Прайса, игрока футбольной команды, и Хейли Уивер, королеву выпускного бала. Хейли снова бросила в них пригоршню мелких монеток. Таким образом в старшей школе Стерлинга было принято желать удачи спортсменам.

– Ройстон, надери им сегодня задницу! – крикнул Брейди.

На противоположном конце парковки показался учитель математики с черным кожаным портфелем и термосом с кофе.

– Здравствуйте, мистер Маккейб! – окликнул его Мэтт. – Что у меня за последний пятничный тест?

– К счастью, мистер Ройстон, вы обладаете многими талантами, – ответил учитель, запуская руку в карман.

Подмигнув Джози, он бросил в них с Мэттом пригоршню монеток, которые посыпались им на плечи, как конфетти или как звездочки, упавшие с неба.

«Ну вот! Опять!» – подумала Алекс, в десятый раз перерыв сумочку в поисках забытого ключа от служебного входа в здание суда. Никто не торопился ее впускать, хотя она уже устала давить на кнопку звонка.

Ругаясь себе под нос, Алекс зашагала к главному входу, обходя лужи, чтобы не испортить туфли из крокодиловой кожи. Служебная парковка была хороша еще и тем, что обычно позволяла избегать подобных прогулок. Алекс могла пройти к себе через секретариат, а если повезет, то и попасть в зал суда без опоздания.

У главного входа выстроилось человек двадцать. Однако охранники узнали Алекс, которая вот уже полгода как работала здесь, в то время как на прежней должности ей приходилось бегать из одного здания суда в другое, и пропустили ее без очереди. Поскольку в руках Алекс была термोकружка из нержавеющей стали, а на плече – сумочка, набитая всякой всячиной, сработал металлоискатель. Услышав писк сигнализации, все, кто был в вестибюле, устремили на Алекс любопытные взгляды. Пригнув голову, она быстро засемила по гладким плитам, поскользнулась и едва не упала. Какой-то коренастый мужчина подхватил ее.

– Ого, детка, – плотоядно ухмыльнулся он, – туфли у тебя отпад!

Оставив нахала без ответа, Алекс высвободилась и зашагала к дверям секретариата. Никому из ее коллег-судей не приходилось сталкиваться с таким фамильярным обращением. Судья Вагнер был славным малым, но его лицо напоминало тыкву, которую забыли выбросить после Хэллоуина, а судья Герхард, еще одна женщина, носила блузки, которым было больше лет, чем Алекс. Когда Алекс впервые заняла свое место в зале суда, ей показалось, что очень даже неплохо оставаться достаточно молодой и привлекательной женщиной, ведь это расшатывает определенные стереотипы, однако такие происшествия, как сегодняшнее, подрывали ее уверенность.

Наконец оказавшись в своем кабинете, Алекс бросила сумочку, накинула мантию и выделила пять минут, чтобы выпить кофе и просмотреть список дел к слушанию. Материалы по каждому делу хранились в отдельной папке, но, если человек совершал преступление повторно, его дела складывались вместе и скреплялись банковской резинкой. Иногда судьи оставляли друг другу записки внутри папки. Открыв одну из папок, Алекс нашла стикер со схематичным изображением человечка за решеткой: судья Герхард предлагала дать нарушителю последний шанс, а в следующий раз он отправится в тюрьму.

Алекс нажала на кнопку, сообщая секретарю о своей готовности начать заседание, и через несколько секунд послышалось знакомое: «Встать! Суд идет! Председательствует судья Александра Кормье». Входя в зал суда, Алекс всегда чувствовала себя артисткой, впервые выходящей на сцену во время бродвейской премьеры: вроде бы заранее знаешь, что почувствуешь на себе сотни взглядов, но в первый момент все равно перехватывает дыхание. Не можешь поверить, что все эти люди пришли смотреть именно на тебя.

Алекс быстро прошла на свое место и села. На сегодняшнее утро было запланировано семьдесят слушаний, и в зале не было ни единого свободного места. Вызвали первого ответчика. Он вышел, шаркая ногами и глядя куда-то в сторону.

– Мистер О’Рейли, – прочла Алекс и, когда обвиняемый наконец-то посмотрел ей в лицо, узнала парня из вестибюля, который явно был не в своей тарелке, так как понял, с кем он пытался флиртовать. – Вы тот джентльмен, который помог мне сегодня при входе, верно?

– Верно, Ваша честь, – слотнув, ответил он.

– Мистер О’Рейли, если бы вы знали, что я судья, то сказали бы мне: «Ого, детка, туфли у тебя отпад»?

Ответчик потупился, пытаясь найти более или менее достойный выход из положения.

– Думаю, да, Ваша честь – ответил он после небольшой паузы. – Туфли у вас действительно очень красивые.

Весь зал замер в ожидании реакции Алекс.

– Не могу с вами не согласиться, мистер О’Рейли, – широко улыбнулась она.

Лейси Хоутон наклонилась к рыдающей в голос роженице и, посмотрев той прямо в глаза, твердо сказала:

– Вы можете. Давайте.

Роды длились уже шестнадцать часов. За это время измучились все: и будущая мать, и Лейси, и будущий отец, который в этот решительный момент чувствовал себя совершенно лишним, потому что сейчас его жене была гораздо нужнее акушерка, чем он.

– Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, поддерживайте Джанин под спину. А вы, Джанин, посмотрите на меня и еще раз как следует потужьтесь.

Женщина заскрежетала зубами, отдавая все свои силы ради того, чтобы произвести на свет нового человека. Лейси нащупала головку и быстро освободила шею ребенка от петли пуповины, не сводя глаз с роженицы.

– В ближайшие двадцать секунд ваша малышка будет самым молодым существом на планете. Хотите с ней познакомиться?

Ответом на эти слова была еще одна потуга, сопровождаемая надтреснутым воплем предельного напряжения, и через секунду Лейси положила скользкое лиловое тельце ребенка на грудь родильницы, чтобы, когда девочка впервые в жизни закричит, мама сразу же смогла ее утешить.

Женщина снова заплакала в голос, но теперь это были уже не слезы боли, и звучали они совсем по-другому. Родители склонились над младенцем. Лейси сделала шаг назад, чтобы полюбоваться ими.

После первого крика ребенка акушерке еще многое нужно сделать, но сейчас она на секунду отвлеклась от своих хлопот и посмотрела в глаза крошечному существу. Там, где родители замечали тетин подбородок или дедушкин нос, Лейси видела взгляд, преисполненный мудрости и покоя, словно новорожденные осознавали, какие безграничные возможности открываются перед ними. Лейси они напоминали маленьких будд – настолько одухотворенными были их личики. Но все это очень быстро исчезало. Уже через неделю на плановый осмотр приносили обычных, хотя и очень маленьких человечков, и Лейси спрашивала себя, куда же девалась вся их изначальная святость.

В то время, когда мать помогала появлению на свет нового жителя Стерлинга, Питер Хоутон еще только просыпался в своей постели. Уходя на работу, отец постучал в дверь его комнаты, выполнив функцию будильника. Внизу, на кухне, Питера ждала миска с хлопьями, которую мама не забывала для него оставить, даже если ее вызывали на роды в два часа ночи. Рядом на столе лежала записка с пожеланием хорошо провести день в школе. Можно подумать, будто это было так просто!

Питер отбросил одеяло и прямо как был, в пижамных штанах, сел за компьютер и вошел в Интернет.

Буквы сообщения расплывались перед глазами. Питер надел очки, которые всегда держал рядом с компьютером, и тут же уронил очечник на клавиатуру, увидев то, что надеялся никогда больше не увидеть.

Он нажал *Ctrl*, *Alt* и *Delete*, но сообщение все равно стояло перед глазами, даже когда экран погас, даже когда он зажмурился, даже когда по щекам покатились слезы.

В городишках вроде Стерлинга все всегда всех знают. Живешь, как в большой семье: то чувствуешь любовь к себе, то впадаешь в немилость. Такая жизнь иногда давала Джози ощущение защищенности, а иногда становилась для нее невыносимой. Например, теперь, когда в кафетерии она стояла в очереди за Натали Зленко, которую на дух не выносила. Во втором классе Натали пригласила ее к себе поиграть и уговорила пописать на лужайке перед домом, как это делают мальчики. «И о чем вы только думали», – сказала Алекс, когда пришла забрать дочку из гостей и застала их сидящими с голой задницей над нарциссами... С тех пор прошло десять лет, но каждый раз при виде Натали Зленко Джози спрашивала себя, помнит ли эта девица со стрижкой ежик, везде таскающая за собой зеркалку, о том событии.

За Джози стояла Кортни Игнатио, альфа-самка старшей школы Стерлинга, обладательница роскошных волос медового цвета, которые окутывали плечи, словно шелковая шаль, и выписанных по почте низко сидящих джинсов из магазина «Фред Сигал». По школе ходили десятки ее клонов. Кортни взяла на свой поднос только банан и бутылку воды, а Джози насыпала себе полную тарелку картошки фри: после двух уроков, как и предсказывала мама, наступил жуткий голод.

– Эй, – сказала Кортни так громко, чтобы слышала Натали. – Попроси-ка *вагитарианку* нас пропустить.

Натали, вспыхнув, прижалась к витрине салат-бара. Кортни и Джози проскочили мимо нее, расплатились и прошли вглубь зала. В кафетерии Джози всегда чувствовала себя натуралистом, наблюдающим за представителями различных видов в естественной неакадемической среде. Гики склонились над учебниками или рассказывали друг другу математические анекдоты, которые, кроме них, никто не понимал, да и не хотел понимать. За ними расположились повернутые на искусстве фрики, курившие ароматизированные сигареты на спортплощадке за зданием школы и рисующие комиксы в стиле манги на полях тетрадок. Возле стойки с соусами и приправами сидели шлюшки: тянули черный кофе в ожидании автобуса, который возил их через три соседних городка на послеобеденные занятия в профучилище. Тут же ошивались нарики, которые к девяти утра уже успевали обдолбаться. Были и изгои, не попадавшие ни в одну из групп. Они от безысходности держались вместе, как Натали с Анжелой Флюг.

У Джози была своя компания, занимавшая целых два стола, поскольку состояла из исключительно важных персон. Эмма, Мэдди, Хейли, Джон, Брейди, Трей, Дрю... Поначалу Джози путала их имена, потому что они казались ей взаимозаменяемыми по сути и похожими друг на друга внешне.

Все парни носили красно-коричневые фуфайки с эмблемой местной хоккейной команды и бейсболки, повернутые козырьками назад, из-под которых торчали огненно-рыжие пряди волос. Девчонки старательно копировали Кортни. Джози незаметно вошла в этот кружок, потому что ее внешность тоже соответствовала стандарту: длинные зеркально-гладкие волосы, высокие каблуки, даже когда на улице снег. Поскольку снаружи она была такой, как все, ей легче было не замечать того, что у нее внутри.

– Привет, – сказала Мэдди, когда Кортни села рядом.

– Привет.

– Слышала про Фиону Кирланд?

Глаза Кортни загорелись: сплетни – отличный катализатор для любой реакции.

– У которой титьки разного размера?

– Нет, та в десятом классе. Я про Фиону, которая в девятом.

– Это которая все время ходит с коробкой бумажных платков, потому что у нее аллергия? – спросила Джози.

– Или по другой причине, – вмешалась Хейли. – Угадайте, кто недавно нанюхался кокса и загремел в больницу?

– Да иди ты!

– Но не это главное, – продолжила Эмма. – Знаете, кто оказался ее дилером? Руководитель группы по внеклассному чтению Библии.

– О мой бог! – воскликнула Кортни.

– Вот именно.

– Эй, – сказал Мэтт, садясь возле Джози, – ты чего так долго?

Она повернулась к нему. Мальчишки, сидевшие рядом с ним, скатывали шарики из оберток от соломинок, обсуждая скорое окончание лыжного сезона.

– Как думаешь, долго еще будет открыт хафпайп на Сунапи? – спросил Джон, плюясь скатанным шариком в парня, уснувшего за соседним столиком.

В прошлом году этот парень ходил вместе с Джози на факультатив по языку глухонемых, а теперь они оба учились в предпоследнем классе. Он храпел, разинув рот и раскинув бледные руки и ноги, тонкие, как у паука.

– Промазал, лузер, – сказал Дрю. – Если закроют Сунапи, можно будет кататься в Киллингтоне. Там снег лежит чуть ли не до августа.

Шарик Дрю угодил спящему парню в волосы.

*Дерек.* Парня звали Дерек.

– Ты ведь не собираешься это есть? – Мэтт кивнул на картошку фри, которую взяла себе Джози.

– Я умираю с голоду.

Мэтт ущипнул ее за талию, одновременно оценивающе и критически. Джози посмотрела на картошку фри. Десять секунд назад она видела золотистые ароматные ломтики, а теперь – только жир, застывающий на бумажной тарелке. Мэтт взял пригоршню себе, а остальное передал Дрю, который только что совершил успешный бросок – попал бумажным шариком в рот спящему. Дерек, захрипев, резко проснулся и выплюнул бумажку.

– Клево! – Джон хлопнул ладонью о ладонь Дрю.

Дерек еще раз сплюнул в салфетку и вытер рот, потом посмотрел вокруг: вдруг кто-нибудь еще видел его унижение. Почти все жесты из курса по языку для глухонемых Джози забыла, как только сдала экзамен, но один вдруг вспомнился ей. Кружок, нарисованный сжатым кулаком над сердцем, означал «извини».

Мэтт наклонился и поцеловал Джози в шею.

– Пошли отсюда, – сказал он, потянув ее за руку, а потом бросил друзьям: – Пока!

Спортивный зал старшей школы Стерлинга располагался на втором этаже, над помещением, в котором изначально предполагалось оборудовать бассейн, но денег на него не хватило. В итоге помещение превратили в три обычных класса, где всегда были слышны гулкие удары мяча и топот ног. Майкл Бич и его лучший друг Джастин Фридман, оба девятиклассники, сидели за чертой баскетбольной зоны. Учитель в сотый раз объяснял технику ведения мяча. Это была напрасная трата времени, поскольку одни ребята, такие как Ноа Джеймс, уже отлично играли, а другие, такие как Майкл и Джастин, в совершенстве знали эльфийский язык Толкина, зато хоумран<sup>3</sup> был для них настолько чуждым и непонятным, что освоить его могла только угроза быть подвешенными за трусы на крючки для одежды в раздевалке. Мальчишки сидели, скрестив тонкие, с выпирающими коленками ноги, и прислушивались к скрипу белых кроссовок учителя, который торопливо расхаживал по игровой зоне.

– Спорю на десять баксов, что меня возьмут в команду последним, – пробормотал Джастин.

---

<sup>3</sup> *Хоумран* – удар в бейсболе, при котором мяч улетает настолько далеко, что, прежде чем он будет пойман, бьющий успевает пробежать по всем базам и вернуться к своей команде.

– Вот бы как-нибудь отсюда выбраться, – отозвался Майкл тем же удрученным тоном. – Хоть бы пожарная сигнализация, что ли, сработала...

– Я согласен даже на землетрясение, – усмехнулся Джастин.

– А можно и потоп.

– Или нашествие саранчи.

– Или теракт.

Белые кроссовки остановились прямо перед Майклом и Джастином. Тренер Спирс, скрепив руки на груди, смерил мальчиков взглядом:

– Может, вы двое объясните мне, что такого смешного в баскетболе?

Майкл быстро взглянул на Джастина, потом поднял глаза на учителя:

– Совершенно ничего.

Приняв душ, Лейси Хоутон заварила себе зеленого чая и принялась расхаживать по дому. Когда дети были маленькими и она разрывалась между работой и семейными обязанностями, Льюис спрашивал ее, чем он может ей помочь. Забавно было слышать такие вопросы от человека его профессии: он преподавал экономику счастья в местном колледже. Да, в экономической теории действительно есть такое направление, и Льюис им занимался: вел семинары, писал статьи, давал на телевидении интервью о взаимосвязи уровня доходов с чувством удовлетворенности человека собственной жизнью. Но при этом он умудрялся не знать, чем порадовать жену. Может быть, Лейси хочет сходить в ресторан? Или сделать педикюр? Или поспать? Когда же она сказала, чего ей хочется, он не понял. А ей просто хотелось побыть дома одной, хоть раз в жизни не разрываясь между сотней неотложных дел.

Войдя в комнату младшего сына, она поставила кружку на комод, чтобы застелить постель. «А зачем? – недоумевал Питер, когда ему говорили, что он должен делать это сам. – Все равно через несколько часов опять расстелать». Лейси редко заходила в комнату Питера в его отсутствие. Вероятно, именно поэтому ей сейчас показалось, будто чего-то не хватает. Может, самого хозяина? Нет, дело было в чем-то другом. Точно! Не хватало гудения компьютера и мерцания монитора.

Лейси разгладила простыню и заправила края под матрас, расстелила стеганое одеяло, взбила подушки. Выходя, она задержалась на пороге и улыбнулась: комната выглядела идеально.

Зои Паттерсон пыталась представить себе, каково это – целоваться с парнем, который носит брекеты. Не то чтобы в ближайшее время ей светило испытать подобные ощущения. Просто она не хотела быть застигнутой врасплох, а потому решила обдумать этот вопрос заранее. Ей вообще было интересно, каково это – целоваться с парнем. Независимо от того, носит он брекеты, как она, или нет. А когда еще удастся спокойно поразмышлять об этом, как не на дурацкой геометрии?

Мистер Маккейб, считавший себя Крисом Роком в математике, решил, что пора развлечь учеников очередной шуткой:

– Какой объем имеет блюдо радиусом «це» и высотой «а»?

Зои, глядя на часы, считала секунды до тех пор, пока стрелки не показали 9:50. Тогда она вскочила с места и протянула мистеру Маккейбу записку, в которой говорилось, что ей нужно уйти с урока.

– Ах, к ортодонту? – вслух прочитал учитель. – Что ж, удачи вам, мисс Паттерсон. Смотрите, чтобы он не зашил вам проволокой рот. Итак, кто мне вычислит объем блюда радиусом «це» и высотой «а»? Блюдо, грубо говоря, имеет форму цилиндра. Значит, чему равен его объем? Верно: число «пи» умножаем на квадрат радиуса основания и на высоту. Получаем: «пи ц ц а»!

Зои закинула рюкзак на плечо и вышла из класса. Они с мамой договорились встретиться перед школой ровно в десять. Припарковаться будет негде, поэтому в назначенное время Зои должна быть уже на месте, чтобы быстро сесть и уехать. В пустых коридорах шаги звучали гулко, как в утробе кита. Заглянув в офис секретаря, чтобы отметить, Зои чуть не сшибла девочку, которая второпях оттуда выходила.

Снаружи припекало солнце. Можно было расстегнуть куртку и подумать о разных приятных вещах: о лете, о футбольном лагере, о том, что брекетсы когда-нибудь все-таки снимут... Если же Зои сейчас поцелует мальчика, у которого нет брекетов, и надавит слишком сильно, не поцарапает ли она ему десны? Что-то подсказывало ей: пустить парню кровь – не лучшее начало отношений. А если у него тоже брекетсы? Как у того блондина, который недавно перевелся к ним из Чикаго и сидел перед Зои на английском. Не то чтобы он нравился ей, просто в прошлый раз, когда они передавали по рядам тетрадки с домашней работой, он повернулся к ней и просидел так чуточку дольше, чем было нужно. Так что же будет, если они поцелуются? Вдруг они намертво сцепятся брекетами и им придется ехать в больницу? Боже, какое унижение! Зои пробежала языком по неровному металлическому забору у себя во рту. Может, пока брекетсы не снимут, стоит уйти в монастырь?

Вздыхнув, Зои посмотрела на дорогу, стараясь разглядеть в нескончаемом потоке машин мамин зеленый «форд-эксplorер». Вдруг раздался взрыв.

Патрик стоял на светофоре в служебной машине без опознавательных знаков и ждал, когда можно будет свернуть на шоссе. Рядом, на пассажирском сиденье, лежал бумажный пакет со склянкой кокаина. Дилер, которого взяли в старшей школе, признался, что это кокаин, но Патрик все-таки должен был потратить полдня, чтобы кто-нибудь в белом халате сообщил ему то, что он уже и так знает. Прибавив громкость у приемника диспетчерской радиосвязи, он услышал: в старшую школу направлена пожарная бригада, там произошел взрыв. Наверное, паровой котел. Школьное здание было достаточно старым, и его техническое оснащение, вероятно, уже никуда не годилось. Патрик попытался вспомнить, где именно в школе установлен паровой котел. Хорошо бы потушить пожар без жертв.

*Кто-то открыл огонь...*

Загорелся зеленый свет, но Патрик не двинулся с места. Он прислушался к радио, ожидая объяснений.

*В старшей школе... В старшей школе Стерлинга...*

Диспетчер заговорил быстрее и громче. Патрик резко развернул машину и помчался к школе с включенной мигалкой. Начались помехи: стали вклиниваться голоса других полицейских, докладывающих о своем местонахождении, дежурный координатор просил, чтобы прислали подкрепление из Хановера и Лебанона. Все говорили одновременно, и в этой какофонии почти ничего невозможно было разобрать.

– Код тысяча, – произнес диспетчер. – Код тысяча.

За все время работы детективом Патрик слышал эти слова только два раза. Один раз в Мэне, когда неплательщик алиментов взял полицейского в заложники, а другой раз здесь, в Стерлинге, когда сообщили об ограблении банка, но тревога оказалась ложной. Код 1000 означал, что все должны освободить эфир для диспетчера. Это означало, что произошло нечто, выходящее за рамки полицейской рутины.

Это означало, что речь идет о жизни или смерти.

Хаос – это неуправляемая толпа учеников, которые в панике выбегают из школы, наступая на раненых. Это мальчик, который держит лист с надписью «Помогите!», в окне верхнего этажа. Это две девочки, которые плачут, тесно прижавшись друг к другу. Хаос – это снег, розовый от крови. Это родители, которые, выкрикивая имена своих детей, тянутся к школе сначала

тонким ручейком, потом мощным потоком. Хаос – это объектив камеры, направленный тебе в лицо, это нехватка врачей, нехватка полицейских, отсутствие плана, по которому нужно действовать, когда привычный мир рушится.

Въехав двумя колесами на тротуар, Патрик достал бронежилет. От прилива адреналина в глазах поплыло, слух и осязание обострились. О’Рурк, начальник городского полицейского управления, стоял посреди всей этой страшной сумятицы с мегафоном в руках.

– Мы пока толком не знаем, с чем имеем дело, – сказал он. – Сюда уже направили спецназ.

Патрику было плевать на спецназ. К тому моменту, когда прибудет помощь извне, преступник мог выстрелить еще сотню раз.

– Я иду туда, – сказал Патрик, доставая пистолет.

– Никуда вы не пойдете. Это не по инструкции.

– К черту инструкции! Потом можете меня уволить.

Взбегая на крыльцо школы, Патрик краем глаза заметил еще двоих полицейских, которые поспешили за ним вопреки запрету начальника. Их он направил в разные коридоры, а сам ворвался в гущу толпы. Дети толкались, пытаясь выбраться наружу. Пожарная сирена выла так громко, что Патрик с трудом расслышал выстрелы.

– Кто там? Кто стреляет? – прокричал он, поймав за куртку какого-то мальчика.

Тот молча помотал головой, вырвался, пронесся как обезумевший по коридору и исчез в прямоугольнике солнечного света. Проводив его взглядом, Патрик остался стоять посреди людского потока, как валун в бурной реке. Клубящийся дым жег глаза. Снова послышалось стаккато выстрелов, и Патрик с трудом сдержался, чтобы не побежать на этот звук.

– Сколько их? – спросил он у девочки, пробежавшей мимо.

– Я... я не знаю...

Оказавшийся рядом мальчик обернулся и в нерешительности посмотрел на Патрика. Парнишка явно разрывался между желанием поделиться информацией и поскорее выбраться из здания.

– Там парень... Он во всех стреляет...

Этого было достаточно. Патрик стал пробираться сквозь бегущую толпу, как рыба, которая плывет против течения. На полу валялись тетрадки, стреляные гильзы и пластиковые панели, сбитые выстрелами с потолка. На скрюченных телах лежал слой мелкой серой пыли. Патрик пренебрегал многим из того, чему его в свое время учили: пробежал мимо дверей, за которыми мог скрываться преступник, и оставлял без внимания комнаты, которые следовало бы обыскать. Он двигался вперед, держа оружие наготове и каждым сантиметром кожи чувствуя пульс. Позднее он вспоминал детали, которые тогда не успел правильно интерпретировать: открытые заслонки теплопроводного канала, куда дети пытались заползти, чтобы спрятаться, обувь, сброшенную владельцами на бегу... Возле кабинета биологии валялись листы толстого пергамента с очертаниями человеческих тел: ребята обводили друг друга на уроке анатомии. Скоро такие же очертания, только мелом, появятся на полу.

Патрик несся по коридорам, которые, казалось, перетекали один в другой, образуя замкнутый круг. «Где?!» – выкрикивал он каждый раз, когда кто-нибудь попадался ему навстречу. Других ориентиров у него не было. Он видел следы крови, видел скорчившихся раненых, но не мог позволить себе остановиться. Взбежав по центральной лестнице на второй этаж, он услышал, как распахнулась какая-то дверь, и, резко развернувшись, наставил пистолет на молодую учительницу, которая тут же подняла руки и упала на колени. За белым овалом ее лица маячили еще двенадцать таких же овалов. Запахло мочой.

Патрик опустил оружие и махнул в сторону лестницы.

– Идите! – скомандовал он и побежал дальше, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, выполнена ли его команда.

Повернув за угол, Патрик поскользнулся на крови. Раздался еще один выстрел – на этот раз так громко, что в ушах зазвенело. Влетев в распахнутые двери спортзала, Патрик увидел несколько тел, перевернутую стойку для мячей и гимнастические шары у дальней стены. Но никого с оружием в руках. Иногда по пятницам Патрик сверхурочно работал наблюдателем на школьных вечерних матчах. Поэтому он знал, что из спортзала идти некуда – только обратно, к выходу из здания. Значит, тот, кто стрелял, либо прятался где-то здесь, либо незаметно отсюда ускользнул, либо специально заманил его, детектива, в этот тупик. Обернувшись, чтобы проверить последний вариант, Патрик услышал еще один выстрел и побежал к другой двери, которую сначала не заметил. Она вела из спортзала в выложенную белым кафелем раздевалку. Увидев, что пол забрызган кровью, Патрик прислонился к стене, снял пистолет с предохранителя и осторожно заглянул в дверной проем. Возле дальней стены неподвижно лежали два тела, а напротив, ближе к Патрику, сидел, прислонившись к шкафчику, субтильный парнишка в перекошенных очках на тонком лице. Его трясло.

– Ты в порядке? – шепотом спросил Патрик, но в ответ мальчик только заморгал. – Где он? – задал вопрос Патрик.

И тут мальчик вытащил из-под бедра пистолет и приставил его к своей голове. Патрика обдало жаром.

– Не двигаться! – крикнул он, держа парня на мушке. – Оружие на пол, или буду стрелять!

По лбу и по спине Патрика заструился пот, когда его палец коснулся курка. Патрик был готов изрешетить мальчика пулями, когда тот, растопырив руки, выронил пистолет, и тот заскользил по полу.

В это время в раздевалку ворвались двое полицейских, один из них подобрал оружие, а сам Патрик бросился к мальчишке, повалил его на живот, сильно прижав коленом, и надел ему наручники.

– Ты один? Кто еще с тобой?

– Я один, – сдавленно произнес парень.

У Патрика кружилась голова, сердце отбивало барабанную дробь, и он только смутно расслышал, как его коллега сказал по рации:

– Одного взяли. Есть ли кто-то еще, пока не знаем.

Все закончилось так же внезапно, как началось – если такие вещи вообще могут заканчиваться. Патрик не знал, остались ли в школе мины-ловушки или бомбы, не знал, сколько человек погибло, сколько с серьезными ранами доставили в медицинский центр Дартмут-Хичкок, сколько определили в дневную больницу Элис Пек; не знал, с чего ему как детективу следует начать работу на месте такого преступления. Стрелявшего обезвредили, но какой ценой! Патрик затрясся всем телом при мысли о том, что для многих учителей, родителей и просто горожан он сегодня опять опоздал.

Сделав несколько шагов, Патрик упал на колени. На самом деле у него подкосились ноги, но он предпочел сделать вид, что просто хочет осмотреть тела жертв. Парня, который стрелял, вывели, чтобы посадить в стоявшую у крыльца патрульную машину. Патрик едва заметил, как это произошло. Даже не обернувшись вслед преступнику, он склонился над телом, лежавшим прямо перед ним.

Это был мальчик в фуфайке с логотипом местной хоккейной команды. Под ним растеклась лужа крови – вероятно, из раны в животе, еще одна рана зияла во лбу. Патрик поднял и повертел в руках валявшуюся бейсболку с вышитой эмблемой местной команды. Рядом с парнем ничком лежала девочка; ей пуля попала в висок. Ногти на босых ногах были покрыты ярко-розовым лаком – таким же Тара покрасила ногти на ногах Патрика. От этой мысли у него замерло сердце. Точно так же, как его крестница, ее братик и миллионы других детей по всей стране, эта девочка проснулась сегодня утром и пошла в школу, не подозревая об опасности, которая ей угрожала. Она верила, что находится под надежной защитой взрослых. После тер-

актов 11 сентября 2001 года учителя были обязаны постоянно носить при себе удостоверения личности, а двери школ запирались на время занятий. Как и все, девочка думала, что враг – это кто-то извне, а не мальчик, сидящий за соседней партой. Вдруг она пошевелилась:

– Помогите...

– Сейчас, сейчас. – Патрик осторожно дотронулся до раны, определяя, насколько она серьезная. – Все в порядке.

Оказалось, пуля только задела кожу. Патрик провел ладонями по рукам и ногам раненой, не переставая бормотать слова утешения, довольно бессмысленные, но они позволяли девочке чувствовать, что она не одна.

– Как тебя зовут, милая?

– Джози...

Она пошевелилась, пытаясь сесть. Патрик намеренно заслонил от нее убитого: хватит ей на сегодня потрясений, видеть труп было ни к чему. Девушка потрогала лоб и, увидев на ладони кровь, запаниковала:

– Что... случилось?

Патрику полагалось вызвать медиков по рации и дожждаться, когда они заберут раненую. Однако он, наплевав на все инструкции, подхватил Джози на руки, вынес из раздевалки, где она чуть не погибла, быстро спустился с ней по лестнице и вышел через главный вход в школу, как будто он должен спасти их обоих.

## Семнадцать лет назад

Перед Лейси сидели четырнадцать человек, причем все семь женщин, пришедших на пренатальное занятие, были беременны. Некоторые принесли с собой блокноты и вот уже полтора часа старательно все конспектировали: записывали рекомендации по приему фолиевой кислоты, как тератогенные факторы воздействуют на плод, как правильно питаться. Две женщины, дослушав описание естественных родов только до половины, позеленели и убежали в туалет с «утренней тошнотой», которая, разумеется, длилась у них целыми днями (использовать это выражение – то же самое, что весь год называть летом).

Лейси устала. Она сама всего неделю назад вышла из послеродового отпуска, и ей казалось крайне несправедливым то, что если она не сидела без сна у кровати своего собственного ребенка, то вскакивала посреди ночи ради чужого малыша, готового появиться на свет. Болезненные ощущения в груди напомнили о том, что пора сцеживаться, иначе завтра няне нечем будет покормить Питера.

И все-таки Лейси слишком любила свою работу, чтобы от нее отказаться. У Лейси было достаточно баллов, чтобы поступить в медицинский на акушера-гинеколога, но тогда она еще не знала, что не сможет сидеть возле пациентки, не чувствуя ее боли. Врачи обычно возводят стену между собой и больным, а медсестры эту стену разбивают. Поэтому Лейси записалась на курсы медсестер-акушеров, чтобы помогать будущим мамам не только правильно вести себя во время родов, но и справляться с эмоциональной нагрузкой. И пусть некоторые врачи не понимали ее, считали чокнутой, тем не менее Лейси была уверена, что положительный ответ на вопрос «Все ли у вас в порядке?» не менее значим, чем отрицательный.

На столе возле пластмассовой модели плода лежало популярное пособие для беременных. Лейси взяла его и всем показала:

– Кто из вас уже видел такую книгу?

Поднялось семь рук.

– Понятно. Не покупайте ее и не читайте. А если уже купили, то выбросьте. Потому что в этой книге говорится, что беременность может закончиться кровотечением, инсультом или смертью. Однако процент положительного исхода родов гораздо выше, чем полагают авторы данного бестселлера.

Сидевшая сзади женщина в черном костюме, с аккуратно собранными в низкий хвост волосами, схватилась за бок.

«Может, спазмы? – подумала Лейси. – Или внематочная беременность?»

Женщина вновь схватилась за бок, но на этот раз сняла с пояса маленький пейджер. И тут же встала:

– Я... Извините, я должна идти, – поднявшись, сказала она.

– Ваши дела не могут подождать пару минут? – спросила Лейси. – Я собиралась показать вам родильное отделение.

Однако женщина отдала Лейси заполненную анкету и торопливо вышла, бросив на прощание:

– Это срочно.

– Что ж, – сказала Лейси. – Пожалуй, нам всем пора сделать небольшой перерыв.

Оставшись в кабинете одна, Лейси заглянула в анкету, которую все еще держала в руках. «Александра Кормье», – прочла она и подумала: за этой нужно приглядеть.

Лумис Бронкетти впервые стал подзащитным Алекс, после того как обворовал три дома, а потом попытался сбыть украденную электронику прямо в Энфилде, штат Нью-Гэмпшир. Лумису хватило ума, чтобы придумать, как проникнуть в чужое жилье и вынести вещи, но

он не сообразил, что в маленьком городке попытка продать крутую стереосистему привлечет нежелательное внимание. Прошлой ночью Лумис открыл новую страницу своей криминальной биографии: они с приятелями решили прессануть дилера, который недостаточно щедро снабжал их дурью. Предварительно накурившись, они втроем связали его, и Лумис проломил парню череп бейсбольной битой, отчего у того начались конвульсии. Когда он стал захлебываться собственной кровью, Лумис повернул его на бок, чтобы он не задохнулся.

– И на меня хотят повесить нанесение тяжких?! – недоумевал арестованный, разговаривая с Алекс через решетку. – Да я жизнь ему спас!

– Но перед этим сами же подвергли ее опасности.

– Устройте так, чтобы мне дали не больше года. Не хочу гнить в конкордской тюрьме...

– Вы бы лучше радовались, что вас не обвиняют в попытке убийства.

– Это копы пускай радуются, что я чищу улицы от всякой мрази!

Именно так можно было сказать и о самом Лумисе Бронкетти, и Алекс это знала, но судить его ей не полагалось. Ей полагалось защищать клиента, как бы она к нему ни относилась. Работая с Лумисом, она чувствовала, что прячет свое истинное лицо под маской. Чувства не должны были помешать ей сделать все, чтобы подзащитного оправдали.

– Я подумаю, чем вам помочь, – сказала она.

Лейси понимала, что все младенцы разные. Что у этих крошечных человечков свои желания, привычки и причуды. И все-таки она ждала, что ее второй малыш будет больше похож на Джоуи – золотого мальчика, глядя на которого прохожие останавливались, чтобы сказать: «Какой он у вас красавчик!» Питер тоже был хорошеньким ребенком, но при этом более сложным. Когда его мучили колики, он так плакал, что приходилось класть его в автомобильном креслице на вибрирующую сушилку. Иначе он не успокаивался. Во время кормления он иногда внезапно отстранялся от груди.

Было два часа ночи. Питер проснулся, и Лейси пыталась снова его убаюкать. Если Джоуи сразу как будто проваливался в сон, то Питер засыпал долго и трудно. Лейси похлопывала его по спинке и рисовала ему кружочки между лопатками, а он все икал и плакал. Самой Лейси, если честно, тоже хотелось плакать. За прошедшие два часа она несколько раз посмотрела по телевизору длинную рекламу кухонных ножей гинсу. Она пересчитывала тонкие полоски на громоздком диванном подлокотнике до тех пор, пока они не начали сливаться у нее перед глазами. От усталости болело все тело.

– Ну что же с тобой не так, малыш? – вздохнула она. – Как же мне сделать тебя счастливым?!

«Счастье – понятие относительное», – говорил Льюис Хоутон. Люди чаще всего смеялись, когда она говорила им, что работа ее мужа заключается в том, чтобы определять цену человеческой радости, но ведь все отрасли экономики так или иначе занимаются именно этим – пытаются перевести в денежный эквивалент нематериальные ценности нашей жизни. Коллеги Льюиса писали статьи о том, что может дать человеку хорошее образование, или эффективное здравоохранение, или удачное трудоустройство. Сам Льюис выбрал нетрадиционное, но оттого не менее важное направление. Не случайно его часто приглашали выступить в программе Национального общественного радио, в ток-шоу Ларри Кинга и на корпоративных семинарах: экономические выкладки сразу вызывали у людей интерес, когда речь шла, например, о денежной оценке удовольствия от хорошей комедии или от анекдота про тупую блондинку. Льюис доказывал, что регулярный секс с точки зрения удовольствия равноценен повышению дохода на пятьдесят тысяч долларов, а само по себе такое повышение радует гораздо меньше, если прибавку получили не только вы, но и все ваши коллеги. То, что радовало вас раньше, может не приносить радости сейчас. Пять лет назад Лейси оказывалась на седьмом

небе от счастья, когда муж приходил домой с букетом роз. Теперь она сходила с ума от восторга, если он предлагал ей десять минут вздремнуть.

Даже если оставить в стороне статистические исследования, Льюис должен был войти в историю как экономист, нашедший математическую формулу счастья:  $P/O$ , где  $P$  – реальность,  $O$  – ожидания. Стать счастливым можно двумя путями: улучшив реальность и снизив ожидания. Однажды на праздничном обеде, который сообща устраивали жители их округа, Лейси спросила Льюиса, как быть с теми, кто ничего не ждет, ведь делить на ноль нельзя. Если жизнь тебя бьет, а ты знай себе катишься, значит ли это, что счастья тебе не видать? Потом, когда они ехали домой, Льюис упрекнул жену в том, что она пыталась посадить его в калошу.

Лейси старалась не задумываться о том, насколько у них счастливая семья. Резонно было бы предположить, что человек, выведший формулу счастья, уж точно обеспечит его себе и своим близким, но на деле все выходило не так просто. Льюис часто заставлял жену вспоминать старинную поговорку: «Сыновья сапожника бегают босиком». Можно ли было назвать счастливыми детей экономиста, умевшего измерять человеческую радость в денежном эквиваленте? В ту пору, когда Льюис засиживался допоздна в своем кабинете, готовя к сдаче очередную статью, а Лейси от усталости едва не засыпала стоя в больничном лифте, она старалась внушить себе, что у них просто такой период. Когда малыши немного подрастут, в их семью обязательно придет и удовлетворенность жизнью, и радость, и чувство единения, и все другие параметры, которые Льюис измеряет с помощью компьютерных программ. В конце концов, у нее, Лейси, было двое здоровых детей, был любящий муж, была работа, позволяющая чувствовать себя нужной людям. Разве человек не счастлив, если он получил то, о чем всегда мечтал?

Случилось чудо из чудес: Питер уснул, прислонившись персиковой щечкой к голому материнскому плечу. Лейси на цыпочках поднялась в детскую, осторожно положила младенца в кроватку и посмотрела на старшего сына, который спал в другом конце комнаты в волшебном ореоле лунного света. «Интересно, – думала она, – каким будет Питер в его возрасте? Может ли женщине дважды так повезти?»

Алекс Кормье оказалась моложе, чем Лейси думала. Ей было всего двадцать четыре, но держалась она так уверенно, что можно было дать ей на десять лет больше.

– Ну и как же разрешилось то срочное дело? – спросила Лейси.

Сначала Алекс посмотрела на нее с недоумением, но потом вспомнила, как неделю назад сбежала с экскурсии по родильному отделению.

– Удалось найти компромисс.

– Вы юрист? – спросила Лейси, отрывая глаза от бумаг.

– Государственный защитник. – Алекс поджала губы, словно ожидая упреков в сочувствии плохим парням.

– У вас, надо полагать, очень тяжелая работа. Начальство знает, что вы беременны?

– Это не имеет значения, – покачала головой Алекс. – Отпуск по уходу за ребенком я брать не буду.

– Может быть, вы передумаете, когда...

– Я не оставлю ребенка, – заявила Алекс.

– Понятно. – Лейси не считала себя вправе судить женщин, которые отказывались от детей. – Тогда давайте рассмотрим разные варианты.

При сроке одиннадцать недель Алекс еще могла прервать беременность.

– Я собиралась сделать аборт, – сказала Алекс, словно прочитав мысли Лейси. – Записалась, но не пришла. – Она подняла глаза: – Два раза.

Лейси знала: можно совершенно искренне считать, что женщина имеет право выбора, но при этом, когда дело касается тебя и твоего ребенка, воспользоваться этим правом было не так-то просто.

– Тогда я расскажу вам о процедуре усыновления, если вы еще никуда не обращались по этому поводу.

Лейси достала из ящика стола папку, в которой была собрана информация об агентствах при разных религиозных общинах и о частных адвокатах, занимающихся определением детей в приемные семьи. Алекс взяла брошюры и разложила их в руке, как игральные карты.

– Но сначала давайте все-таки поговорим о вас и о том, как вы себя чувствуете, – продолжала Лейси.

– Я чувствую себя отлично, – без заминки ответила Алекс. – Меня не тошнит, я не устаю. – Она посмотрела на часы. – Извините, мне пора на встречу.

Лейси поняла, что эта женщина из тех людей, которые привыкли контролировать все аспекты своей жизни.

– Сбавить темп – это нормально, когда вы беременны. Это может быть необходимо вашему телу.

– Я в состоянии о себе позаботиться.

– Может быть, иногда стоит позволить кому-нибудь позаботиться о вас?

На лице Алекс промелькнула тень раздражения.

– Послушайте, мне не нужен сеанс психотерапии. Спасибо за участие, но...

– Ваш партнер поддерживает ваше решение отдать малыша?

На секунду Алекс отвела глаза, но, прежде чем Лейси успела подобрать слова, чтобы сгладить неловкость момента, снова посмотрела на нее и холодно ответила:

– Никакого партнера нет.

Последний раз, когда Алекс позволила своему телу восторжествовать над разумом, в итоге привел к зачатию ребенка. Все начиналось довольно невинно: профессор Логан Рурк, ведущий курс судебной адвокатуры, пригласил ее в свой кабинет, чтобы сказать, как удивительно хорошо Алекс владеет аудиторией. Он также заметил, что ни один присяжный не мог отвести от нее глаз, и он сам тоже. Логан был для Алекс Кларенсом Дэрроу, Фрэнсисом Ли Бейли<sup>4</sup> и Богом в одном лице. Престиж и власть делали его неотразимым. Алекс казалось, будто перед ней мужчина ее мечты. Поэтому она поверила, когда он сказал, что за десять лет работы в университете не встречал более талантливой студентки. Она поверила и в то, что его брак трещит по швам. Она поверила, даже когда Логан, подвезя ее до дома на своей машине, взял ее лицо в свои ладони и прошептал: «Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о тебе».

Юриста должны интересовать факты, а не эмоции. Однако, когда дело касалось Логана, Алекс забывала об этом правиле и таким образом совершала огромную ошибку. Алекс стала жертвовать собственными планами, ожидая звонка от Логана, а он то звонил, то не звонил. Она делала вид, будто не замечает его заигрываний с первокурсницами, которые смотрели на своего профессора точно так же, как недавно смотрела она. А потому, забеременев, Алекс легко убедила себя, что он ее не бросит.

Однако Логан посоветовал ей избавиться от ребенка. Она записалась на аборт, но забыла отметить дату и время в своем календаре. Записалась еще раз, но потом вспомнила, что у нее в этот день выпускной экзамен.

– Это знак, – сказала она.

– Возможно, – ответил Логан, – но свидетельствует он не о том, о чем ты подумала. Будь благоразумна. Мать-одиночка никогда не станет успешным адвокатом. Тебе придется выбирать между этим ребенком и карьерой.

На самом деле он имел в виду, что она должна сделать выбор между ребенком и им.

---

<sup>4</sup> *Кларенс Сьюард Дэрроу* (1857–1938) – американский юрист и правозащитник. *Фрэнсис Ли Бейли* (р. 1933) – американский адвокат, автор книг и телеведущий.

Женщина, стоявшая к Алекс спиной, показалась ей смутно знакомой. Так часто бывает, когда видишь человека в непривычной среде: трудно узнать продавщицу продуктового магазина, если сталкиваешься с ней в банке, а почтальона – если он сидит через проход в кинотеатре. Через секунду Алекс поняла, что ее сбил с толку ребенок, которого женщина держала в переноске. Это была Лейси Хоутон. Алекс пересекла вестибюль и подошла к окошку, возле которого та стояла.

– Нужен юрист? – спросила она.

Лейси подняла глаза. Ей тоже понадобилось несколько секунд, чтобы узнать Алекс, которая не была у нее почти целый месяц.

– Ах, здравствуйте, – улыбнулась она.

– Что привело вас в эти края?

– Да так, вношу залог за бывшего, – ответила Лейси и, увидев на лице собеседницы недоумение, рассмеялась. – Я пошутила. Просто оплачиваю штраф за неправильную парковку.

Алекс поймала себя на том, что невольно разглядывает ребенка Лейси. Пухлые щечки торчали из голубого флисового чепчика, завязанного под подбородком. Под носиком блестела влага. Заметив взгляд Алекс, малыш беззубо улыбнулся.

– Может, выпьем по чашечке кофе? – предложила Лейси.

Сунув в окошко десять долларов вместе с квитанцией, она поправила переноску, висевшую у нее на руке, и направилась в кафе «Данкин донатс» через дорогу. Выйдя из здания суда, Лейси подала еще одну десятидолларовую бумажку нищему. Алекс закатила глаза: накануне этот бездельник торчал в ближайшем баре.

В кафе Лейси, не прерывая разговора, ловко освободила малыша от верхнего слоя одежды, вынула из переноски, положила себе на колени и, прикрывшись детским одеялом, поднесла к груди.

– Это трудно? – неожиданно для самой себя спросила Алекс.

– Что? Кормить грудью?

– Не только. Вообще ухаживать за ребенком.

– Эти навыки приходят с опытом, – ответила Лейси, приподняв младенца и прислонив его к своему плечу.

Ножка, обутая в ботиночек, барабанила по материнской груди, как будто мальчик уже пытался установить дистанцию между собой и мамой.

– По сравнению с вашей работой материнство, возможно, покажется вам парой пустяков.

Алекс вспомнила, как Логан Рурк рассмеялся, когда она сообщила ему, что устроилась на должность государственного защитника. «Ты и недели не продержишься, – сказал он. – Ты слишком мягкая». Впоследствии Алекс иногда спрашивала себя, не потому ли она стала хорошим адвокатом, что хотела доказать Логану его неправоту. Как бы то ни было, она сумела профессионально состояться: стала таким защитником, который способен дать отпор обвинению, но при этом не подпускает клиента слишком близко к себе. Достаточно того, что однажды она совершила такую ошибку с Логаном.

– Вы уже договорились с каким-нибудь агентством насчет усыновления? – поинтересовалась Лейси.

– Я сделала несколько звонков, – соврала Алекс.

Тогда, в больнице, она даже не взяла буклеты. Этот вопрос значился у нее в списке дел, но постоянно находилось что-нибудь более важное.

– Можно личный вопрос? – спросила Лейси.

Алекс медленно кивнула: она не любила личных вопросов.

– Почему вы решили отказаться от ребенка?

А она решила? И если да, то сама ли? Может, кто-то принял решение за нее?

– Сейчас не самое подходящее для этого время, – ответила она.

– Мне кажется, подходящего времени для таких вещей не бывает в принципе, – рассмеялась Лейси. – Появление ребенка всегда переворачивает жизнь женщины с ног на голову.

– Ну а мне хотелось бы оставить мою жизнь такой, какая она есть.

Несколько секунд Лейси молча возилась с рубашечкой малыша, потом сказала:

– Может быть, между вашей профессией и моей больше сходства, чем кажется.

– Вы имеете в виду, что у ваших клиентов и у моих примерно с завидной регулярностью случаются рецидивы?

– Я имею в виду, что к нам обеим люди обращаются в непростое для них время. Я, например, именно за это и люблю свою работу. Она позволяет мне видеть, какой сильной бывает женщина, когда ей больно. – Лейси на секунду оторвала взгляд от ребенка и посмотрела на Алекс. – Разве не удивительно, до чего похожими оказываются люди, если убрать все лишнее и оставить только их самих?

Алекс подумала о своих подзащитных. Все они сливались в ее памяти в единую массу. Но вот почему? Потому ли, что все они похожи, как сказала Лейси, или потому, что она, Алекс, выработала у себя профессиональную способность не приглядываться к ним? Лейси между тем усадила малыша себе на колени. Он стал барабанить ручками по столу и издавать тихие булькающие звуки. Внезапно Лейси встала и сунула малыша Алекс:

– Подержите, пожалуйста, Питера, пока я сбегаю в туалет.

Алекс запаниковала. Ей захотелось остановить Лейси: «Постойте! Я же не знаю, что делать!» – но та уже ушла. Ребенок задрыгал ножками в воздухе, словно мультяшный персонаж. Алекс неловко усадила его себе на колени. Он оказался тяжелее, чем можно было подумать, а его кожа на ощупь напоминала влажный бархат.

– Питер, я Алекс, – серьезно произнесла она.

Мальчик потянулся за чашкой с кофе, и Алекс отодвинула ее от края стола. Тогда Питер сморщился, словно проглотил лимон, и заревел во все горло. Люди начали оглядываться.

– Прекрати, – взмолилась Алекс.

Она встала и начала похлопывать Питера по спинке, как делала Лейси. Когда же он наконец устанет кричать и сжалится над своей неопытной няней? В зале суда Алекс никогда не лезла в карман за остроумным ответом и не моргнув глазом находила выход из почти безнадежных положений, а теперь совершенно растерялась. Она снова села, взяв ребенка под мышки. Он успел раскраснеться, как помидор, и на фоне яростно побагровевшей кожи пушок волос казался светлым, как платина.

– Послушай, – сказала Алекс, – я понимаю: ты хочешь к маме, но мамы сейчас нет, поэтому потерпи немножко.

Питер, икнув, затих. Он посмотрел своей новой знакомой в глаза, как будто пытаюсь определить, что она за птица. С облегчением вздохнув, Алекс положила его на руку, согнув ее в локте, и приосанилась. Сверху ей было видно, как пульсирует родничок. Когда она перестала судорожно сжимать малыша, он тоже расслабился. Неужели проблема решилась так просто?

Алекс провела пальцем по родничку на голове Питера. Она знала, что это участок между несросшимися костями, позволяющий черепу сжиматься при родах, и что мы все рождаемся такими уязвимыми, а потом в прямом смысле слова окостеневаем.

– Извините, – сказала Лейси, подбегая к столику. – Спасибо большое.

Алекс быстро вернула младенца матери, как будто он обжег ей руки.

Женщину привезли в больницу после того, как она тридцать часов промучилась дома. Скептически относясь к официальной медицине, она пропускала осмотры и ни разу не делала УЗИ. Но когда детям приходит пора появиться на свет, они всегда находят способ добиться должного внимания. Лейси положила руки на дрожащий живот женщины, как народная цели-

тельница. «Шесть фунтов, – подумала она, – предлежание головное». Доктор заглянул в приоткрытую дверь:

– Как дела?

– Передайте в реанимации, что у нас женщина на тридцать пятой неделе, – ответила Лейси. – Но думаю, все будет хорошо. – Когда доктор исчез, она устроилась между ног женщины. – Понимаю, вам кажется, что это длится целую вечность. Но давайте поработаем вместе, и через час мы вас поздравим. Начинайте тужиться, а вы, папа, сядьте сзади и поддерживайте жену под спину.

Пока ее инструкции выполнялись, Лейси почувствовала, как на поясе голубовато-зеленой формы медсестры завибрировал пейджер. «Черт возьми, кто это?! – подумала она. – Секретарша ведь знает, что я уже на родах».

– Извините, я на минуточку. – Передав эстафету ассистентке, Лейси вышла к медсестринской стойке и позвонила в регистратуру: – В чем дело?

– Одна из ваших пациенток очень просит, чтобы вы ее приняли, – ответили на другом конце.

– Я слегка занята, – раздраженно произнесла Лейси.

– Женщина сказала, что подождет. Даже если вы освободитесь не скоро.

– Как ее зовут?

– Алекс Кормье.

Обычно в таких случаях Лейси перенаправляла пациенток к другим акушеркам, но Алекс Кормье казалась ей особым случаем, хотя она пока точно не знала, что именно здесь не так. Это было нечто неуловимое.

– Хорошо. Но скажите ей, что ждать, возможно, придется несколько часов.

Положив трубку и вернувшись в родовую, Лейси проверила у пациентки раскрытие.

– Десять сантиметров! Давно бы так! Видимо, мне надо было выйти пораньше, – пошутила она. – Осталось еще разок хорошенько поднапрячься – и готово!

Через десять минут Лейси уже держала на руках девочку, весившую всего три фунта. Пока родители изумленно рассматривали новорожденную, Лейси переглянулась с коллегой. Происходило что-то очень тревожное.

– Совсем крошечная, – сказал отец. – Это нормально?

Лейси задумалась. Она сама не знала, в чем дело. «Может, фиброид?» – подумала она. Только одно не вызывало сомнений: трехфунтовый ребенок – это было далеко не все, что находилось в матке женщины. И в любой момент могло начаться кровотечение. Лейси ввела руку внутрь и застыла:

– Вам кто-нибудь говорил, что у вас близнецы?

– Там двое? – побелел отец.

Лейси улыбнулась: с близнецами она справится. Второй младенец – это бонус, а не ужасная патология.

– Остался один.

Мужчина склонился к жене, поцеловал ее в лоб и радостно воскликнул:

– Ты слышала, Терри? Близняшки!

Женщина не могла отвести глаз от младенца.

– Это хорошо, – сказала она. – Только, боюсь, у меня больше нет сил.

– Решили второго там оставить? – рассмеялась Лейси. – Мне кажется, я помогу вам пере- думать.

Через сорок минут, попрощавшись со счастливыми родителями и их двумя дочками, Лейси зашла в комнату отдыха персонала, умылась и переоделась. На пути в акушерскую регистратуру она обратила внимание на беременных, которые сидели в коридоре, держа руки на животах разной величины. Они напомнили ей картинку, иллюстрирующую лунные фазы. Одна

из женщин встала и, пошатываясь, приблизилась к Лейси, словно та притянула ее к себе магнитом.

– Алекс! – Только теперь Лейси вспомнила, что ее ждут. – Идемте со мной.

Они вошли в пустой кабинет и сели за стол друг против друга. Лейси заметила, что голубой джемпер Алекс надела задом наперед: в вырезе виднелся ярлычок. Второпях или от волнения кто угодно мог ошибиться, но только не Алекс Кормье. Такая рассеянность для нее совершенно нетипична.

– У меня было кровотечение, – произнесла Алекс ровным голосом. – Небольшое, но... было.

Следуя примеру пациентки, Лейси спокойно сказала:

– Ну так давайте проверимся.

И она повела Алекс по коридору в кабинет ультразвуковой диагностики, где, пустив в ход свое обаяние, уговорила техника принять их без очереди. Алекс легла, а Лейси включила аппарат и начала водить датчиком по животу. На семнадцатой неделе плод уже был похож на ребенка – пусть крошечного, пусть настолько прозрачного, что отчетливо был виден скелетик, но тем не менее практически совершенного.

– Видите? – Лейси показала Алекс ритмично пульсирующую точку на экране. – Это сердце малыша. – Алекс отвернулась, но Лейси все-таки заметила, что по ее щеке скатилась слеза. – Ребенок в порядке. Небольшие кровянистые выделения – это нормально. Они возникают не по вашей вине, и предотвратить вы их не можете.

– Я подумала, что у меня может быть выкидыш.

– Когда на УЗИ хорошо различим здоровый малыш, как в нашем случае, риск потери плода составляет менее одного процента. Или лучше скажу по-другому: вероятность того, что вы благополучно выносите ребенка, составляет девяносто девять процентов.

– Хорошо, – кивнула Алекс, вытирая глаза рукавом.

– Наверное, не мне задавать вам подобные вопросы, но почему вы сейчас испытали такое облегчение, если решили не оставлять малыша?

– Я не... Я не могу...

Лейси бросила взгляд на монитор, на котором застыло изображение ребенка:

– Просто подумайте об этом.

– У меня уже есть семья, – сказал Логан Рурк, когда Алекс сообщила ему о своем решении оставить ребенка. – Еще одна мне не нужна.

В тот же вечер Алекс устроила аутодафе: насыпала в гриль угля и поджарила на огне все рефераты и курсовые, которые оценивал Логан Рурк. У нее не было ни совместных фотографий, ни любовных посланий от него. Только теперь она увидела, насколько осторожно он себя вел. Потому-то теперь она так легко смогла удалить его из своей жизни.

«Ребенок будет только мой», – решила Алекс. Глядя на пламя, она подумала о том, сколько пространства потребует для себя растущий эмбрион. Ее кожа растянется, внутренние органы сдвинутся, сердце сожмется. Алекс не особо задумывалась о причинах такого решения. Чтобы доказать, что не возлагала на отношения с Логаном никаких надежд? Или чтобы причинить ему боль, которую он причинил ей? Любой опытный адвокат знает: не нужно задавать свидетелю вопросов, на которые сам не знаешь ответа.

Через пять недель Лейси была уже не просто акушеркой Алекс, но ее доверенным лицом и лучшей подружкой. Обычно Лейси не выходила за рамки делового общения, но для Алекс сделала исключение. Ведь у этой женщины, которая теперь твердо решила оставить ребенка, не было никого, кто мог поддержать и выслушать ее.

Лейси убеждала себя, что только по этой причине она согласилась пойти с Алекс и ее коллегами в ресторан. Желание повеселиться и отдохнуть от детей было здесь якобы ни при чем. Так или иначе, вскоре выяснилось, что лучше провести время у стоматолога, чем в компании юристов. Каждый из них, очевидно, очень любил послушать самого себя. Находясь в эпицентре разговора, но не участвуя в нем, а только молча подливая колу в винный бокал, Лейси казалась себе камнем посреди бурной реки. Ресторан был итальянский. Повар не жалел чеснока и плохого томатного соуса. «Интересно, – подумала она, – а в Италии бывают американские рестораны?»

Алекс с головой ушла в разгоряченное обсуждение какого-то дела, вынесенного на суд присяжных. Со всех концов стола до Лейси долетали незнакомые термины, названия нормативных актов, какие-то фамилии. Расфуфыренная соседка справа, покачивая головой, сказала:

– Присудить возмещение убытков за нелегальную работу – это все равно что позволить компании быть выше закона.

Алекс рассмеялась:

– Сита, позволь тебе напомнить, что ты здесь единственный прокурор. И черта с два ты выиграешь это дело!

– Вы все смотрите на вещи предвзято. Нам нужен объективный наблюдатель. – Сита улыбнулась Лейси. – Что вы думаете о пришельцах?

Вероятно, Лейси следовало слушать разговор более внимательно. Похоже, пока она витала в облаках, речь наконец-то зашла об интересных вещах.

– Я, конечно, не специалист, но недавно прочитала книгу о секретной военной базе «Зона 51». Там подробно рассказывается о мутациях у скота. Например, у одной коровы в Неваде не оказалось почек, хотя никаких следов повреждения тканей не обнаружили. А у меня самой была кошка, которую, как я считала, похитили инопланетяне. Она где-то пропадала ровно четыре недели, минута в минуту, а когда вернулась, у нее на спинке были выжженные следы – наподобие тех кругов, которые остаются на полях. – Подумав, Лейси добавила: – Только не на пшенице, а на шерсти.

Все молча уставились на нее. Блондинка с гладким каре и ртом, похожим на булавоочную головку, удивленно заморгала:

– Пришельцами мы между собой в шутку называем нелегальных мигрантов.

Лейси почувствовала, как лицо и шею заливают краска.

– Ах вот как... Понятно, – пробормотала она.

– А знаете, что я думаю? – произнесла Алекс, отвлекая внимание на себя. – Лейси Хоутон нужно назначить министром труда вместо Элейн Чао. Уж она-то сообразит, как заставить страну хорошенько поднатужиться.

Пока все хохотали, Лейси посмотрела на Алекс и поняла: эта женщина вписывается в любую компанию. И здесь, и у них, Хоутонов, дома, и в зале суда, и, наверное, даже за чаем у королевы. Алекс Кормье везде отлично приспособится к обстоятельствам. Как хамелеон. Лейси вдруг пришло в голову, что она не знает, какого цвета хамелеон бывает до того, как начинает меняться.

В начале каждого пренатального осмотра Лейси ненадолго «включала» целительницу: клала руки пациентке на живот и угадывала, как расположен плод. Это напоминало аттракцион, на который они с Джоуи ходили в Хэллоуин. Просовываешь руку за занавеску и трогаешь кишки из холодных макарон или желатиновый мозг. То, что Лейси сейчас делала, не было точной наукой, но помогало определить главное: где у ребенка голова, а где попа. Это две самые твердые части тела малыша, и они неплохо прощупываются. Голова двигается относительно позвоночника, а таз нет. Если трогаешь головку, туловище остается в прежнем положении, а

если поворачиваешь таз, поворачивается все. Проведя руками по животу Алекс, который уже возвышался, как остров, Лейси помогла ей сесть и сказала:

– Есть две новости: хорошая и не очень. Малышка здорова, но лежит неправильно. Попой вперед.

Алекс похолодела:

– Придется делать кесарево?

– До родов еще восемь недель. Есть много способов заставить малыша перевернуться.

– Что, например?

– Моксотерапия. – Лейси села напротив Алекс. – Я направлю тебя к специалистке, которая этим занимается. Она прижжет тебе специальной полынной сигарой мизинцы на обеих ногах. Будет не больно, а только немного жечь. Ты научишься делать это сама, и вполне вероятно, что за неделю или две малыш примет правильное положение.

– Если я буду жечь себя сигаретами, то ребенок перевернется?

– Не факт. Поэтому еще нужно положить гладильную доску на диван так, чтобы получилась наклонная плоскость, и лежать на ней вниз головой три раза в день по пятнадцать минут.

– Боже мой, Лейси, может, ты мне еще и амулет на шею повесишь?

– Уверяю тебя: то, что я предложила, гораздо безболезненнее, чем если малыша будет переворачивать врач. И чем кесарево.

Алекс сложила руки на животе:

– Не верю я в эти народные средства.

Лейси пожала плечами:

– Можешь не верить. Не ты попой вперед застрянешь в проходе.

Вообще-то, было не принято подвозить клиентов в суд, но для Нади Саранофф Алекс сделала исключение. Надин муж сначала стал распускать руки, а потом ушел к другой женщине. На содержание двоих сыновей не давал ни цента, хотя прилично зарабатывал, а Надя работала в ресторане «Сабвей», где за час получала пять долларов с четвертью. Она подала заявление, но правосудие действует неторопливо. Поэтому Надя пошла в дешевый супермаркет и украла для одного из своих мальчиков штаны и белую футболку: ему исполнилось пять лет и через неделю он должен был пойти в школу, а из всей старой одежды он вырос.

Надю признали виновной. Поскольку штраф заплатить она не могла, ей дали тридцать суток тюрьмы с отсрочкой исполнения приговора.

– В вашем распоряжении год, – сказала Алекс своей подзащитной, стоя у входа в женский туалет. – Если после этого вас все-таки посадят, мальчикам придется очень тяжело. Я понимаю, что вы были в отчаянии, но всегда есть другой выход: церковь, Армия спасения.

Надя вытерла мокрые от слез глаза:

– Я не могу добраться ни до церкви, ни до Армии спасения. У меня нет машины.

Алекс знала это. Потому и привезла Надю в суд сама. Когда та зашла в туалет, Алекс постаралась подавить в себе излишнее сочувствие. Если подзащитный виновен, задача адвоката – добиться мягкого приговора, и Алекс это удалось с учетом того, что Надя попала на краже повторно – после того, как стащила в аптеке детский тайленол.

Алекс подумала о собственном ребенке, который заставлял ее каждый вечер лежать вниз головой на гладильной доске и больно прижигать пальцы на ногах специальными сигарами. Если малыш так и не перевернется, сильно ли он пострадает оттого, что ему придется войти в этот мир задом наперед?

Прошло десять минут, а Надя все не выходила. Алекс, постучав, заглянула внутрь. Ее клиентка всхлипывала, стоя у раковины.

– Что с вами?

Надя сокрушенно опустила голову:

– У меня начались месячные, а денег на тампон нет.

Алекс отыскала в сумочке двадцать пять центов и сунула их в автомат, висевший на стене. В тот момент, когда в приемник выкатился маленький картонный цилиндрок, внутри у Алекс что-то щелкнуло. Она поняла: хотя решение по делу уже вынесено, ее работа не закончена.

– Встречаемся у главного входа. Я иду за машиной.

Алекс отвезла Надю в «Уоллмарт», где та совершила кражу, и бросила в тележку три большие упаковки тампонов.

– Что еще вам нужно?

– Трусы, – прошептала Надя. – Эти были последние.

Алекс ходила с тележкой по проходам между стеллажами и складывала в нее футболки, носки, трусы и пижамы для Нади, штанишки, курточки, шапочки и перчатки для мальчиков, а еще упаковки крекеров, консервированных супов, макарон и печенья с кремовой прослойкой. Вопреки неписаным правилам она делала то, в чем ощущала острую потребность в данный момент, не теряя головы и твердо зная, что в первый и последний раз оказывает клиентке подобную помощь. Она потратила восемьсот долларов в магазине, по милости которого ее подзащитная должна была отправиться за решетку, но это была адекватная цена, чтобы не думать о том, в какой несовершенный мир скоро вступит ее собственный ребенок.

Передавая кассиру кредитную карту, Алекс вдруг услышала в голове голос Логана Рурка, который как-то назвал ее кровоточащим сердцем. Что ж, ему виднее. Ведь он первым разорвал это сердце на части.

«Ну вот, – спокойно подумала Алекс, – моя смерть пришла». Ее живот опять как будто бы прошило пулями. Полмесяца назад, на тридцать седьмой неделе, Лейси заговорила про обезболивание.

– Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что обезболивающие лучше закупать в Канаде, – пошутила Алекс.

Потом она сказала, что ей обезболивающее не понадобится. Пускай процесс протекает естественно. Наверняка эту боль можно как-нибудь перетерпеть.

Оказалось, нельзя. Алекс вспомнила занятия для беременных: Лейси заставляла их посещать и сама же была ее партнершей, потому что другие женщины приходили с отцами своих будущих детей. На этих уроках показывали видеоролики, где роженицы гримасничали, скрежетали зубами и издавали какие-то первобытные крики. Алекс фыркала: «Нас просто запугивают. Наверняка это худший сценарий. Болевой порог у всех разный».

Боль сползла, как кобра, по позвоночнику, обвилась вокруг живота и вонзила в него клыки. Алекс тяжело упала коленями на кухонный пол. На занятиях ей говорили, что схватки могут длиться двенадцать часов и дольше. «Если это будет продолжаться еще полсуток, – подумала она теперь, – я или сама подохну, или застрелюсь».

В первые месяцы работы акушеркой Лейси везде ходила с линейкой. Прошло несколько лет, прежде чем она могла с первого взгляда определить, что диаметр кофейной чашки – девять сантиметров, а апельсин, который лежит возле телефона в медсестринской, – восемь.

– Два сантиметра, – сказала она, снимая латексную перчатку.

– Только два? Я не смогу... – заплакала Алекс, тяжело дыша и извиваясь от боли.

Она попыталась спрятаться под маской уверенности в себе, как обычно делала, когда ей бывало тяжело, но поняла, что, видимо, в спешке оставила эту маску дома.

– Понимаю твое разочарование, – сказала Лейси. – Но с тобой все в порядке, а если при двух сантиметрах все в порядке, то и при восьми будет так же. Так что давай не торопить события.

Лейси знала: рожать тяжело всем, особенно женщинам, у которых все распланировано и занесено в списки. Рождение ребенка никогда не происходит по расписанию. Чтобы родить относительно легко, нужно позволить телу взять верх над разумом. Нужно раскрепостить даже те стороны себя, о которых сама женщина и не подозревала. Алекс, привыкшей все контролировать, это давалось чрезвычайно трудно. Теряя самообладание, она рисковала стать такой, какой не хотела становиться, но другого пути не было.

Лейси помогла Алекс подняться и повела ее в кабинет водных процедур. Там включила инструментальную музыку, приглушила свет и развязала на пациентке халат. Алекс уже ничего не стеснялась. Лейси догадывалась, что сейчас она разделась бы на виду у целой мужской тюрьмы, если бы это сулило ей прекращение схваток.

– Залезай! – велела Лейси, помогая Алекс сесть в вихревую ванну.

Погружение в теплую воду вызывает у организма рефлекторную реакцию. У некоторых людей пульс замедляется, стоит им только опустить ногу в ванну.

– Лейси, – прерывающимся голосом произнесла Алекс, – ты должна пообещать мне...

– Пообещать что?

– Что не скажешь ей. Моей дочке.

– Чего не скажу? – Лейси взяла подругу за руку.

Алекс закрыла глаза и прислонилась щекой к бортику ванны.

– Что сначала я не хотела ее оставлять.

Не успев ответить, Лейси заметила, что схватки усилились.

– Дыши глубже, – сказала она.

*Выдуй боль из себя, выпусти ее сквозь пальцы. Представь, что она красного цвета. Обоприьсь на ладони и колени и вытекай вниз, как будто ты песок в часах. Ты на пляже. Ложись и почувствуй, как пригревает солнышко. Обманывай себя, пока ложь не станет правдой.*

Лейси по опыту прекрасно знала, что, когда человеку очень больно, он уходит в себя. Эндорфины, собственные наркотики организма, уносят его туда, где боль до него не доберется. Однажды Лейси принимала роды у неблагополучной пациентки, жертвы домашнего насилия. Так до той вообще невозможно было достучаться. Чтобы вернуть ее «на берег» к моменту, когда нужно будет тужиться, Лейси пришлось петь ей колыбельную на испанском.

Прошло три часа. Благодаря эпидуральной анестезии Алекс успокоилась. Немного поспала, поиграла с Лейси в карты. Но теперь ребенок опустился, начинались потуги.

– Почему опять становится больно? – спросила Алекс, повышая голос.

– Так работает обезболивающее. Если увеличить дозу, ты не сможешь тужиться.

– Я не рожу! Я не готова!

– Ладно, – сказала Лейси. – Давай поговорим об этом.

– О чем я только думала?! Правильно Логан говорил... Ни черта я не соображала, на что иду! Я не мать, я юрист! У меня нет ни мужчины, ни даже собаки... У меня ни один цветок на подоконнике долго не протянет! Я даже толком не знаю, как на ребенка подгузник надеть...

– Картинка должна быть спереди.

Лейси положила между ног пациентки ее же собственную ладонь. Алекс отдернула руку:

– Это...

– Да.

– Уже идет?

– Идет, и ей все равно, готова ты или нет, – ответила Лейси; последовало еще одно мышечное сокращение. – Алекс, я вижу бровки. – Лейси начала вытягивать ребенка из родовых путей, держа головку прижатой к груди. – Знаю, каково тебе сейчас. Но потерпи: вот уже и подбородочек. Какая красавица! – Вытерев малышке лицо и освободив рот от слизи, Лейси

перекинула петлю пуповины через шею ребенка и подняла глаза: – Ну давай. Вместе. – Она помогла подруге нащупать голову ребенка. – Держи вот так, а я достану плечо.

Когда девочка, выскользнув, оказалась в дрожащих руках матери, Лейси ее отпустила. Алекс, облегченно всхлипывая, поднесла маленькое извивающееся тельце к груди. Как всегда пораженная беззащитностью новорожденного существа, Лейси потеряла спинку младенца и посмотрела в затуманенные голубые глазки, которые впервые в жизни разглядывали маму.

– Алекс, она твоя.

*Никто не хочет этого признавать, но печальные вещи будут происходить в жизни всегда. Может быть, все наши невзгоды – звенья одной цепи: давным-давно кто-то сделал что-то не то, и началось... Как в игре «испорченный телефон», где все шепотом передают по кругу какую-нибудь фразу, которая в конце изменилась до неузнаваемости.*

*А может, плохое просто нужно нам для того, чтобы мы не забывали ценить хорошее.*

## Несколько часов спустя

Однажды в баре Нина, лучшая подруга Патрика, спросила его: «Ты, наверное, всяких ужасов навиделся на своей работе. Но что было ужаснее всего?» Он честно ответил: «Это случилось в Мэне. Человек покончил с собой, привязав себя проволокой к рельсам». При виде такого кровавого месива опытные полицейские блевали в кустах. Патрик отошел в сторонку, чтобы собраться с духом, и увидел отрезанную голову: рот был по-прежнему открыт в беззвучном крике.

Теперь это уже не было самой страшной картиной в памяти Патрика.

Из здания школы все еще доносились крики подростков, когда медики начали выносить раненых. Несколько десятков ребят получили порезы и ушибы во время массового бегства. Тех, кто впал в шоковое состояние, бился в истерике или задыхался от испуга, было не счесть. Патрику полагалось в первую очередь заняться убитыми, которые лежали на полу от кафетерия до спортзала, обозначая кровавую траекторию движений преступника.

По коридору текла целая река: это сработала система пожаротушения, которая до сих пор, воя, разбрызгивала воду. Медики, вымокшие, как под дождем, склонились над девушкой, раненной в плечо.

– На каталку ее, – сказал один другому.

Патрик почувствовал, как по телу пробежала дрожь: он узнал эту девчонку. Она работала в видеопрокате, где он на прошлой неделе брал фильм «Грязный Гарри». Тогда она еще сказала ему, что у него набежали пени: три доллара сорок центов. Он виделся с ней каждую пятницу, когда брал напрокат очередной фильм, но не додумался спросить, как ее зовут. Почему, черт побери?! Девушка застонала. Медик взял маркер и вывел у нее на лбу цифру 9.

– У многих нет при себе удостоверений личности, – пояснил он Патрику. – Приходится нумеровать.

Когда раненую переложили на каталку, Патрик взял желтое антишоковое одеяло – такие есть в каждой патрульной машине, – разорвал его на четыре части и на одной из них нарисовал девятку:

– Положим это здесь. Когда установим личности раненых, будем знать, кто где был найден.

Еще один медик высунул голову из-за угла:

– В медицинском центре Дартмут-Хичкок говорят, что мест больше нет. Мы разложили ребят на газоне, но машинам «скорой помощи» просто некуда их везти.

– А какая ситуация в дневной больнице Элис Пек?

– Там тоже все забито.

– Тогда звоните в Конкорд. Скажите, что мы пришлем раненых на автобусах, –скомандовал Патрик.

Краем глаза он заметил, как один из медиков, опытный специалист, который через три месяца собирался на пенсию, отошел от трупа и, опустившись на корточки, заплакал.

– Джарвис, мне нужна ваша помощь... – Патрик схватил за рукав проходившего полицейского.

– Но, капитан, вы же отправили меня в спортзал...

Патрик распределил всех сотрудников оперативной службы и отдела особо опасных преступлений так, чтобы в каждой части школы работала своя команда.

– Не ходите в спортзал, – сказал он Джарвису. – Обойдите все здание и проследите за тем, чтобы медики клали кусок одеяла с номером на месте, где подобрали неопознанного раненого. Вот вам эти лоскуты и вот фломастер.

– В женском туалете девочка с сильным кровотечением! – прокричал кто-то.

– Иду! – отозвался один из медиков и, подхватив свой чемоданчик, убежал.

«Только бы ничего не забыть!» – сказал Патрик сам себе. Ему казалось, что его отяжелевшая голова сделана из тонкого стекла и не удержит всей информации, которая на нее обрушилась. Он не мог находиться во всех местах одновременно, не мог думать и говорить так быстро, как того требовала ситуация, у него не получалось распределять людей везде, где они были нужны. Все считали его, детектива Дюшарма, ответственным за то, что происходило сейчас в здании школы, а ему приходилось делать вид, будто он знает, как можно разгрести последствия ночного кошмара такого чудовищного масштаба.

Когда за Патриком захлопнулись двери кафетерия, раненых, которые здесь лежали, уже осмотрели и вынесли. Остались только трупы. Стены, сложенные из шлакобетонных блоков, были испещрены дырками и царапинами от пуль. На полу валялись бутылки «спрайта», кока-колы и воды «Дасани», выкатившиеся из разбитого автомата. Один из криминалистов фотографировал брошенные портфели, кошельки и учебники: каждую вещь сначала щелкал крупным планом, потом ставил рядом желтую табличку с номером и делал еще один снимок – с большего расстояния. Второй специалист изучал следы крови на полу, а еще двое заметили что-то в углу потолка:

– Капитан, кажется, у нас есть видео.

– Где можно посмотреть запись?

– Не знаю. В кабинете директора, наверное.

– Выясните это. Немедленно! – приказал Патрик.

Он прошел по центральному проходу между столами, чувствуя себя так, будто попал в какой-то фантастический триллер: люди спокойно ели, болтали друг с другом, шутили, а потом откуда ни возьмись прилетели инопланетяне и всех похитили, оставив только артефакты. Что сумел бы сказать антрополог об учениках старшей школы Стерлинга, имея в своем распоряжении надкусанный сэндвич, тубик блеска для губ с отпечатком пальца и тетрадку с докладом о цивилизации ацтеков, поля которой исписаны замечаниями, относящимися к современной цивилизации: *Я люблю Зака С.!!! Мистер Кейфер – нацист!!!*

Патрик случайно толкнул коленом один из столов, и на пол посыпались виноградины. Одна из них отскочила от плеча мальчика, чья кровь насквозь пропитала линованный блокнот. Парень по-прежнему держал в руке очки. Может, он просто протирает их, когда Питер Хоутон начал стрельбу? Или специально снял, чтобы не видеть этого кровавого безумия?

Патрик перешагнул через тела двух девочек, которые лежали в неуклюжих, почти симметричных позах. Мини-юбки задрались, глаза раскрыты. В кухне он осмотрел контейнеры с посеревшими бобами и морковью, неаппетитные остатки пирога с курятиной, пакетики с солью и перцем, рассыпанные по полу, как конфетти. Йогурт – клубника, ягодный микс, персик и лайм – не пострадал: четыре ряда ярких пластиковых стаканчиков стояли возле кассы, как маленькая армия. Кто-то поставил на истертый поднос блюдо с желе и положил салфетку, а остальное взять не успел.

Вдруг послышался шум. Что, если Патрик ошибся и в здании есть еще один вооруженный преступник?! Что, если полицейские и медики, прочесывающие школу в поисках последних выживших, сами подвергаются опасности?! Достав пистолет, Патрик стал медленно углубляться в чрево кухни, набитое огромными банками с томатным соусом, зеленым горошком и сыром для начос, а также рулонами пищевой пленки и фольги. Осторожно подойдя к холодильному помещению, где хранились скоропортящиеся продукты, он открыл дверь ногой. Легкие обожгло холодным воздухом.

– Не двигаться! – крикнул Патрик, и в следующую долю секунды на его лице мелькнуло слабое подобие улыбки: из-за стойки с пакетированной салатной смесью робко вышла латиноамериканка средних лет с поднятыми руками.

Она дрожала, сетка для волос сползла ей на лицо и напоминала паутину.

– *No me tire!*<sup>5</sup> – пролепетала плачущая женщина.

Патрик опустил оружие и набросил ей на плечи свою куртку.

– Все, все... – успокаивающе забормотал он, понимая, как далеки эти слова от правды. Кошмар только начинался – для него самого, для Питера Хоутона, для целого города.

– Прошу вас, миссис Кэллоуэй, давайте еще раз и по порядку, – сказала Алекс. – Вам предъявлено обвинение в безответственном вождении транспортного средства и причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Но вы уверяете, что просто хотели помочь рыбе?

Ответчица, пятидесятичетырехлетняя женщина с плохой завивкой и в ужасном брючном костюме, кивнула:

– Да, Ваша честь.

Алекс оперлась локтями о стол:

– Я бы хотела услышать подробности.

Женщина посмотрела на своего адвоката.

– Миссис Кэллоуэй ехала из зоомагазина с серебряной араваной, – сказал он.

– Это тропическая рыбка, которая стоит пятьдесят пять долларов, – вставила подзащитная.

– Полиэтиленовый пакет упал с пассажирского сиденья и лопнул, – продолжил адвокат. – Миссис Кэллоуэй наклонилась, чтобы подобрать рыбку, и в этот момент произошло... неудачное происшествие.

Заглянув в бумаги, Алекс уточнила:

– Под неудачным происшествием вы понимаете то, что ваша подзащитная сбила пешехода?

– Да, Ваша честь.

Алекс обратилась к ответчице:

– Как чувствует себя рыбка?

– Прекрасно, – улыбнулась миссис Кэллоуэй. – Я назвала ее Аварией.

Краем глаза Алекс увидела, что в зал суда заглянул пристав. Он шепнул что-то секретарю, тот посмотрел на Алекс, кивнул и написал что-то на бумажке. Пристав подошел с запиской к судье.

*Стрельба в здании старшей школы.*

Алекс словно окаменела. *Джози!*

– Заседание откладывается, – пробормотала Алекс и выбежала из зала суда.

Джон Эберхард стиснул зубы и, мобилизовав все силы, продвинулся вперед на дюйм. Он ничего не видел, потому что лицо было залито кровью, левая сторона тела не слушалась. Слышать он тоже ничего не мог: в ушах до сих пор грохотали выстрелы. Тем не менее он сумел вползти из коридора второго этажа, где Питер Хоутон его ранил, в кладовую, где хранились принадлежности для уроков изо. Джон вспоминал хоккейные тренировки, на которых тренер заставлял его и других ребят бегать от ворот до ворот снова и снова, все быстрее и быстрее, пока они не падали на лед, отплевываясь и тяжело дыша. Тогда тоже казалось, что сил больше нет, но нужно было их найти, чтобы поднажать еще. Думая об этом, Джон тащил себя по полу, опираясь на локоть.

Добравшись до стеллажа, где хранились краски, глина, бисер и проволока, он попытался принять вертикальное положение, но голову пронзила ослепляющая боль. Очнувшись через несколько минут – или часов? – Джон не мог понять, можно ли уже вползти из укрытия. Он лежал навзничь, чувствуя на лице что-то холодное. Ветер. Он дул из окна.

---

<sup>5</sup> Не стреляй! (*исп.*)

Окно!

Джон вспомнил Кортни Игнатио: как она сидела напротив него за столиком в кафетерии, когда у нее за спиной осыпалась стеклянная стена; как на ее груди вдруг распустился красный цветок, яркий, как мак. Вспомнил, как сотни людей принялись орать и их крики слились воедино. Вспомнил, как учителя одновременно повысовывали головы из своих классов, будто суслики, и как их лица изменились при звуке выстрелов.

Взявшись одной рукой за металлическую полку и стараясь не замечать шума в голове, который предвещал новый обморок, Джон с огромным трудом приподнялся. Его трясло. В глазах все расплывалось. Он дотянулся до банки с краской и бросил ее в двоящееся окно. Раздался звон разбитого стекла. Скорчившись на низком подоконнике, Джон увидел пожарные машины и машины «скорой помощи», репортеров и родителей, напирających на растяннутую полицейскими оградительную ленту, стайки рыдающих подростков. На снегу, как шпалы, были разложены раненые. Медики выносили все новых и новых потерпевших, продолжая ряд. Джон Эберхард попытался закричать, но не смог выдать из себя ни слова.

– Эй! – крикнули снизу. – Там какой-то парень!

Джон, всхлипывая, попытался помахать, но рука его не слушалась. Люди подняли головы.

– Не двигайся! – заорал пожарный.

Джон хотел кивнуть, но тело больше ему не принадлежало. Он потерял равновесие и, даже не успев понять, что с ним произошло, вывалился из окна второго этажа на бетонные плиты.

Два года назад Диана Ливен ушла с должности помощника главного прокурора Бостона – решила перевестись на место поспокойнее. Сейчас она стояла в спортзале старшей школы Стерлинга над телом мальчика, который упал прямо на трехточковую линию, когда его сразил выстрел в шею. Криминалисты, скрипя ботинками на лакированном полу, делали снимки и собирали стреляные гильзы в пакеты для улики. Руководил процессом Патрик Дюшарм. Диана посмотрела на брызги крови и на разбросанные повсюду вещдоки: пистолет и патроны, школьные рюкзаки, одежду, обувь – и поняла, что не только у нее, Дианы, будет работы невпроворот.

– Что вам известно на данный момент?

– Стрелял, предположительно, один человек, – сказал Патрик. – Он задержан. Замешан ли кто-нибудь еще, мы пока не знаем. В здании сейчас все чисто.

– Сколько погибших?

– Последняя подтвержденная цифра – десять.

Диана кивнула:

– Раненых?

– Неизвестно. Но сюда согнаны машины «скорой помощи» со всей северной части штата.

– Что я могу сделать?

Патрик повернулся к ней:

– Дайте интервью, и пусть репортеры проваливаются.

Она зашагала к выходу, но он остановил ее, тронув за локоть:

– Хотите, чтобы я с ним поговорил?

– С тем, кто стрелял? – (Патрик кивнул.) – Сейчас у нас, возможно, последний шанс допросить его без адвоката. Если думаете, что вам удастся отсюда выбраться, попробуйте. – Диана торопливо вышла из спортзала и спустилась по лестнице, обходя работавших на каждом шагу полицейских и медиков.

Как только она появилась на крыльце, ее обступили журналисты. Их вопросы жалили, как пчелиные укусы: сколько жертв? Имена погибших? Кто стрелял? Почему? Диана сделала глубокий вдох и убрала с лица темные волосы. Меньше всего в своей работе ей нравилось говорить перед камерами. В ближайшие часы сюда должны были съехаться представители всех

американских теле- и радиоконпаний, но пока явились только репортеры местных филиалов Си-би-эс, Эй-би-си и «Фокс». Так что еще не поздно было порадоваться преимуществам жизни в небольшом городе.

– Я Диана Ливен, представляю окружную прокуратуру. В данный момент ведется следствие по делу о стрельбе в старшей школе Стерлинга, а потому мы не можем разглашать информацию. Но мы обнаружим детали, как только это будет возможно. Личности преступников доподлинно не установлены, как и их количество. Задержан один человек. Официальное обвинение ему еще не предъявлено.

– Сколько детей убито? – спросила журналистка, вынырнувшая из толпы.

– У нас нет точных данных.

– Сколько ранено?

– У нас нет точных данных, – повторила Диана. – Мы будем держать общественность в курсе.

– Когда будут предъявлены обвинения? – прокричал другой журналист.

– Что вы можете сказать родителям, которые волнуются за своих детей?

Диана сжала губы, готовясь к тому, чтобы прорываться сквозь враждебную толпу.

– Спасибо за внимание, – сказала она вместо ответа.

Вокруг школы скопилось столько машин, что Лейси пришлось припарковаться за шесть кварталов. Она опрометью примчалась, как только услышала о происшествии. С собой у нее было несколько одеял: по радио сказали, что они могут понадобиться детям, находящимся в состоянии шока. «Одного сына я уже потеряла, – подумала Лейси. – Потерять еще и второго я не могу».

Накануне, перед тем как Питер лег спать, у них состоялась не самая приятная беседа. Убегая в больницу на роды, Лейси сказала ему:

– Я просила тебя вынести мусор. Вчера. Ты вообще слышишь меня, когда я с тобой говорю?

Питер на секунду оторвал взгляд от монитора:

– Что?

Вдруг это был их последний разговор?

Ни во время учебы, ни на работе в больнице Лейси не сталкивалась с тем, что ей пришлось увидеть теперь, когда она повернула за угол. Ее мозг обрабатывал информацию постепенно: вот разбитое стекло, вот пожарные машины, вот дым. Сирены, кровь, слезы. Бросив одеяла возле машины «скорой помощи», Лейси нырнула в людское море. Дрейфуя среди таких же перепуганных родителей, она надеялась выловить своего потерянного ребенка, пока его не унесло течением.

На грязный двор выбежали дети – все без верхней одежды. Какая-то счастливая мать увидела среди них свою дочку. А Лейси продолжала в отчаянии вглядываться в толпу. Ей вдруг пришло в голову, что она не знает, в чем Питер сегодня вышел из дому. До нее доносились обрывки фраз:

– ...не видели его...

– Мистера Маккейба убили...

– Не могу ее найти...

– Я уж думала, я никогда...

– ...потеряла телефон...

– ...Питер Хоутон...

Лейси резко развернулась на голос, произнесший это имя. Взгляд остановился на лице девочки – той, которая только что встретила с мамой.

– Извините, – сказала Лейси. – Мой сын... Я не могу его найти. Я слышала, вы упомянули Питера Хоутона. Где он?

Глаза девочки округлились, она прижалась к матери:

– Так это же он стрелял...

Для Лейси все вокруг замедлилось: пульсация мигалок, движения людей, звуки... Может быть, она ослышалась? Лейси еще раз посмотрела девочке в лицо и тотчас об этом пожалела. Девочка плакала. Мать, бросив из-за плеча дочери полный ужаса взгляд, осторожно заслонила своего ребенка от Лейси, словно она василиск, который обращает в камень все, на что ни посмотрит.

«Наверное, это ошибка... Пожалуйста, пусть это будет ошибкой!» – твердила Лейси, оглядывая картину бойни и чувствуя, как имя сына с рыданием подступает к горлу. На негнущихся ногах она подошла к ближайшему полицейскому:

– Я ищу своего сына...

– Мэм, к сожалению, вы тут не одна такая. Мы делаем все возможное...

Осознавая, что со следующей секунды ее жизнь бесповоротно изменится, Лейси сделала глубокий вдох и произнесла:

– Его зовут Питер Хоутон.

Алекс застряла каблуком между плитками тротуара и тяжело упала на одно колено. Вставая, она схватилась за руку женщины, которая бежала следом:

– Списки раненых... где?

– Вывешены на хоккейной площадке.

Алекс метнулась на другую сторону улицы. Движение здесь перекрыли, и теперь на проезжей части медики рассортировывали раненых и грузили их в машины. Сбросив туфли на высоком каблуке, Алекс побежала по мокрому тротуару босиком. Хоккейная площадка, где тренировались и школьники, и студенты колледжа, находилось от школы в пяти минутах ходьбы. Алекс добежала за две. Ее тут же подхватила толпа других родителей: все толкались, пробираясь к рукописным спискам детей, которых забрали в местные больницы. Причем не указывалось, насколько тяжело они ранены... если ранены, а не хуже. Алекс прочла первых три имени: Уитакер Обермейер, Кейтлин Харви, Мэттью Ройстон.

*Мэтт?*

– Нет! – застонала стоявшая рядом с Алекс миниатюрная женщина с темными пронзительными, как у птицы, глазами и с шапкой рыжих волос. – Нет, – снова произнесла она и заплакала.

Алекс лишь смотрела на нее, не пытаясь выразить соболезнования из страха, что горе окажется заразным.

Кто-то толкнул Алекс в левый бок, и она оказалась перед другим списком – тех, кого отвезли в медицинский центр Дартмут-Хичкок.

Эмма Алексис.

Мин Хорука.

Брейди Прайс.

Джозефин Кормье.

Если бы другие родители не напирали на Алекс со всех сторон, она бы упала.

– Прошу прощения, – пробормотала она, уступив место другой обезумевшей матери и пробивая себе дорогу в растущей толпе. – Прошу прощения.

Эти слова были уже не формулой вежливости, а мольбой об отпущении грехов.

Как только Патрик вернулся в участок, дежурный сержант указал ему на маленькую женщину, сидевшую в противоположном конце помещения, застыв от напряжения:

– Капитан, вот она.

Мать Питера Хоутона была совсем не похожа на сына. Она прибежала с работы в униформе медсестры и резиновых сабо, наскоро закрепив карандашом скрученные в пучок темные кудрявые волосы. В том, что эта женщина, по-видимому, врач, Патрик увидел иронию судьбы. «Не навреди», – вспомнилось ему. Она не выглядела как человек, породивший монстра. Патрик догадывался: поступок ее собственного сына оказался для нее не меньшей неожиданностью, чем для всего города.

– Миссис Хоутон?

– Я хочу видеть своего сына.

– К сожалению, нельзя. Он находится под стражей.

– У него есть адвокат.

– Вашему сыну семнадцать лет. С юридической точки зрения он взрослый. Значит, должен сам потребовать защитника.

– Но он, наверное, не знает... – Голос женщины дрогнул. – Он не знает, что нужно делать.

Мать Питера Хоутона в каком-то смысле тоже была жертвой его преступления. Патрик понимал это. Из своего достаточно богатого опыта общения с родителями несовершеннолетних правонарушителей он знал: сжечь мосты – это последнее, чего может захотеть человек в такой ситуации.

– Мэм, сейчас мы стараемся разобраться в произошедшем. Позже я обязательно приглашу вас. Надеюсь, вы поможете мне выяснить, что руководило вашим сыном. – Немного помолчав, Патрик добавил: – Мне очень жаль.

Открыв ключом служебную дверь, он взбежал по лестнице и вошел в помещение, примыкающее к изолятору. Питер Хоутон сидел на полу спиной к решетке и медленно раскачивался.

– Питер, ты в порядке?

Медленно повернув голову, он посмотрел на Патрика.

– Ты меня помнишь?

Питер кивнул.

– Кофе хочешь или еще чего-нибудь?

С секунду Питер не отвечал, потом кивнул еще раз. Патрик велел открыть клетку и вывел парня на кухню. Там уже была включена видекамера, чтобы, если получится, сразу зачитать задержанному его права и начать допрос. Патрик посадил Питера за испещренный царапинами стол и налил две чашки кофе. Не спрашивая, добавил в одну из них молоко с сахаром и придвинул ее мальчику. Сам тоже сел.

Из-за прилива адреналина он толком не рассмотрел Питера при задержании. Зато теперь внимательно изучал его – худощавого очкарика с веснушками на бледном лице. Один зуб стоял не на своем месте, на тонкой шее торчал непропорционально большой кадык. Кожа на выпирающих костяшках пальцев заветрела. Беззвучно плачущий, он пробуждал бы жалость, если бы его одежда не была забрызгана кровью других детей.

– Питер, у тебя ничего не болит? – спросил Патрик. – Есть хочешь? – (Мальчик помотал головой.) – Чем я могу тебе помочь?

– Я хочу к маме, – прошептал Питер, опустив голову на стол.

Патрик посмотрел на пробор в его волосах. Неужели утром, когда причесывался, он думал: «Сегодня я убью десятерых человек»?

– Давай поговорим о том, что произошло. Ты не возражаешь? – (Питер не ответил.) – Если ты объяснишь мне, что случилось, то, возможно, я смогу объяснить остальным.

Питер поднял лицо – теперь уже совсем заплаканное. Поняв, что от парня сейчас ничего не добьешься, Патрик встал.

– Ладно, – вздохнул он. – Идем обратно.

В камере Питер свернулся клубком на полу, лицом к цементной стене. Решив сделать еще одну попытку, Патрик опустился на колени рядом с ним:

– Позволь мне помочь тебе.

Но Питер, не переставая плакать, покачал головой. Только выйдя из камеры и повернув ключ в замке, Патрик услышал его шепот:

– Это они начали.

Доктор Гюнтер Франкенштейн работал судмедэкспертом шесть лет. В 1970-е он на протяжении такого же срока удерживал титул «мистер Вселенная», а потом сменил гантели на скальпель. Сам он любил говорить так: «Раньше я строил тела, а теперь расчлению». Шутками по поводу его фамилии доктора не донимали: к этому не располагала по-прежнему впечатляющая мускулатура, которая угадывалась под одеждой. Патрик относился к Гюнтеру с симпатией. Как не восхищаться тем, кто может одинаково легко взять вес, втрое превышающий его собственный, и с одного взгляда определить, сколько весит человеческая печень.

Иногда Гюнтер с Патриком пили вместе пиво: когда алкоголь делал «мистера Вселенная» разговорчивее, он начинал рассказывать историйки о женщинах, желавших намазать его маслом перед выступлением, и смешные анекдоты об Арнольде, еще не ушедшем в политику. Сегодня детектив и судмедэксперт не шутили и прошлого не вспоминали. Поглощенные заботами сегодняшнего дня, они молча ходили по коридорам, составляя список погибших. Патрик встретил Гюнтера после неудачной попытки допросить Питера Хоутона. Когда детектив Дюшарм доложил прокурору Ливен, что задержанный не хочет или не в состоянии говорить, она только пожала плечами:

– У нас есть свидетельские показания. Этого достаточно для ареста по обвинению в убийстве десяти человек.

Гюнтер склонился над телом шестой жертвы: девочку застрелили в туалете. Она лежала ничком перед раковинами. Патрик вопросительно посмотрел на Артура Макаллистера, директора школы, который согласился опознать убитых.

– Кейтлин Харви, – произнес он поникшим голосом, – с особыми образовательными потребностями. Славная девочка.

Гюнтер и Патрик переглянулись: директор каждый раз не только называл имя ребенка, но и говорил о нем хотя бы пару хороших слов. Было сразу видно, что этот человек, в отличие от полицейских, не привык смотреть на смерть как на каждодневное явление своей профессиональной жизни.

Патрик попытался восстановить траекторию движения Питера из вестибюля в кафетерий (жертвы 1 и 2 – Кортни Игнатио и Мэдди Шоу), затем на лестницу (жертва 3 – Уит Обермейер), оттуда в мужской туалет (жертва 4 – Тофер Макфи), потом по коридору (жертва 5 – Грейс Мерто) в женский (жертва 6 – Кейтлин Харви). Поднявшись на второй этаж, детектив, судмедэксперт и директор свернули налево, в ближайшую классную комнату. Размазанный кровавый след вел от порога к доске, перед которой лежал единственный убитый взрослый. Какой-то юноша сидел рядом, крепко прижимая руку к пулевой ране на животе мужчины.

– Бен? – произнес мистер Макаллистер. – Что ты здесь делаешь?

– Разве ты не врач «скорой помощи»? – спросил Патрик.

– Я... нет...

– Но ты же сказал мне, что ты врач!

– Я сказал, что прошел медицинскую подготовку.

– Бен – скаут-орел<sup>6</sup>, – объяснил директор.

---

<sup>6</sup> Бойскаут первой ступени, набравший по всем видам зачетов не менее 21 очка и получивший по результатам высшую степень отличия – значок скаута-орла.

– Я не мог отойти от мистера Маккейба. Я... надавил на рану и – видите? – помогло, кровь остановилась.

Гюнтер бережно снял руку мальчика с окровавленного живота убитого:

– Это потому, что он умер, сынок.

Лицо Бена сморщилось.

– Но я же...

– Ты сделал все, что было можно, – заверил его Гюнтер.

– Вам лучше увести парня отсюда и, может быть, показать его одному из врачей, – сказал Патрик директору и добавил одними губами: «Шок».

Выходя из кабинета, Бен схватил мистера Макаллистера за рукав и оставил на ткани ярко-красный отпечаток.

– Боже мой! – воскликнул Патрик, проводя ладонью по лицу.

Гюнтер встал:

– Идем дальше.

В спортзале они удостоверили смерть двоих мальчиков, чернокожего и белого, а оттуда зашли в раздевалку, где Питер Хоутон был задержан. Гюнтер осмотрел труп паренька, у которого пуля сшибла бейсболку с головы (того, что в хоккейном свитере, – Патрик его уже видел). Пройдя в душевую, детектив выглянул в окно: репортеры пока не разъехались, но почти всех раненых развезли по больницам. Еще недавно у школы стояло семь машин «скорой помощи». Теперь осталась одна. Начинался дождь. «К утру кровавые следы смоем, как будто ничего этого и не было», – подумал Патрик, закрывая окно.

– Интересно, – произнес Гюнтер.

– Что интересного? Этот мертвее других?

– В некотором роде. Он единственный, кто получил две пули – одну в живот и одну в голову. – Гюнтер поднял глаза и посмотрел на Патрика. – Сколько пистолетов было у стрелявшего?

– Один в руках, один здесь на полу, в рюкзаке два обреза.

– Ничего себе подстраховался!

– Сейчас можно определить, какая пуля была первой?

– Точно нельзя, но думаю, что Хоутон сначала выстрелил в живот, а потом в голову. Второй выстрел был смертельным. – Гюнтер опустился на колени возле тела. – Похоже, этого парня он ненавидел больше всех.

Дверь раздевалки распахнулась. На пороге появился постовой, вымокший под дождем, который внезапно перешел в ливень.

– Капитан, в машине Питера Хоутона найдена еще одна самодельная бомба.

Когда Джози была маленькой, Алекс часто снился один и тот же кошмар: самолет, на котором она летит, падает. Во сне у нее кружилась голова, она чувствовала давление, прижавшее ее к креслу, видела куртки и кошельки, валяющиеся в проходе, и сумки, падающие с багажных полок. «Надо найти телефон. Пусть Джози знает, что я думала о ней до конца», – говорила себе Алекс, собираясь послать дочке сообщение, чтобы та могла хранить его вечно как доказательство маминой любви. Алекс с трудом отыскивала мобильный в сумочке, но, прежде чем он успевал поймать сеть, самолет сталкивался с землей. От этого сна Алекс просыпалась вся в поту, дрожа, и начинала себя успокаивать: она никогда не летает в командировки и вообще редко куда-либо ездит без Джози. Но уговоры мало помогали. Алекс отбрасывала одеяло, шла в ванную и плескала себе водой в лицо, не переставая думать: «Я опоздала».

Сейчас, сидя в темной палате возле дочери, спящей под действием успокоительного, она чувствовала себя так же, как после ночного кошмара.

Ей сообщили, что во время перестрелки Джози потеряла сознание, получив небольшое сотрясение мозга и порез в области виска. Теперь на этом месте красовался пластырь-бабочка. Врачи решили оставить девочку на ночь в больнице, чтобы убедиться, что ей ничто не угрожает.

Словосочетание «ничто не угрожает» теперь приобрело совершенно иной смысл.

Из нескончаемых новостных репортажей Алекс узнала имена погибших, среди которых был Мэттью Ройстон.

*Мэтт.*

Вдруг Джози была с ним, когда он погиб?

С тех пор как Алекс приехала, дочка ни разу не приходила в себя. Под выцветшей простыней ее неподвижное тело в больничной рубашке казалось маленьким. Тесемки на груди развязались. Правая рука время от времени подергивалась.

«Пожалуйста, очнись! – мысленно просила Алекс, сжимая пальцы Джози. – Покажи мне, что с тобой все в порядке».

Если бы утром она, Алекс, не опаздывала на работу, может быть, они посидели бы вдвоем на кухне и поболтали бы о тех вещах, о которых, наверное, часто разговаривают матери и дочери, но на которые у нее никогда не хватало времени. Может быть, если бы она была внимательнее, то не пустила бы невыспавшуюся Джози в школу. Еще она могла просто так взять и увезти дочку в Пунта-Кану, в Сан-Диего или на Фиджи. Ей всегда хотелось поехать отдохнуть, и, сидя в своем кабинете, она часто заглядывала на туристические сайты, но так никуда и не собралась. Наконец, материнское чутье могло просто подсказать Алекс, что сегодня ее дочь должна остаться дома. Конечно, ту же ошибку совершили сегодня сотни других родителей, но это казалось слабым утешением. У других родителей другие дети. Разве можно сравнивать их с Джози?

«Когда все это закончится, – мысленно пообещала себе Алекс, – мы поедem в тропический лес, или к пирамидам, или на пляж, где песок белый, как слоновая кость. Мы будем есть виноград прямо с ветки, плавать в море вместе с черепахами и часами гулять по мощеным улочкам. Мы будем смеяться, болтать, откровенничать. Обязательно будем». В то же время другой внутренний голос тихо, но упрямо твердил, что эта мечта осуществится не раньше, чем закончатся слушания в суде.

Дело о стрельбе в школе должны были пустить вне очереди, а ей, Алекс, судье главного суда первой инстанции, полагалось занимать теперешнюю должность еще восемь месяцев. Джози была на месте происшествия, но серьезного ранения не получила и жертвой формально не являлась. Поэтому Алекс не должны были отстранить от рассмотрения этого дела. Ей предстояло разобраться в нем объективно – так, чтобы чувства матери не примешивались к профессиональным соображениям. От этого процесса, первого крупного процесса Александры Кормье в главном суде первой инстанции, зависела ее дальнейшая карьера.

Нет, сейчас она, конечно же, об этом не думала.

Вдруг Джози пошевелилась. Алекс наблюдала, как к дочери постепенно возвращается сознание.

– Где я? – спросила Джози.

– В больнице, – ответила Алекс, глядя дочь по волосам.

– Почему?

Рука Алекс остановилась.

– Ты помнишь, что сегодня произошло?

– Перед школой Мэтт заехал за мной... – Джози резко села: – Мы что, попали в аварию?

Алекс задумалась: может быть, не стоит сразу говорить дочке правду? Может быть, выбросив случившееся из памяти, ее сознание таким образом защищает себя?

– С тобой все в порядке, – осторожно сказала Алекс. – Ты не ранена.

Джози облегченно вздохнула.  
– А Мэтт?

Льюис отправился за адвокатом. В ожидании мужа Лейси лелеяла эти сведения, словно горячий камень на груди, сидя на кровати и раскачиваясь взад-вперед. «Все будет хорошо», – пообещал муж, однако Лейси не понимала, откуда у него такая уверенность. «Конечно, это какая-то ошибка», – сказал Льюис, но ведь он не был там, у школы, и не видел лица детей, которые сегодня перестали быть детьми. Лейси тоже хотелось верить, что все еще можно уладить. Но она помнила, как Льюис будил сына в четыре утра, чтобы взять с собой на утиную охоту. Он учил Питера стрелять в птиц, не предполагая, что тот может выбрать себе и другую мишень. Воспринимая эту забаву как спорт и как зов природы, Лейси научилась готовить отличное рагу из дичи и гуся в соусе терияки. Она с удовольствием поедала все, что оказывалось на столе благодаря хобби мужа. Теперь же Лейси винила мужа в произошедшем, стараясь таким образом снять вину с самой себя.

Как можно еженедельно менять сыну постель, кормить завтраками, возить к ортодонту, но при этом совершенно его не знать? То, что на любой вопрос Питер отвечал односложно, Лейси, как, наверное, и любая мать на ее месте, связывала с переходным возрастом. Она рылась в воспоминаниях, ища какой-нибудь красный флажок: слова, которые она могла неправильно понять, тревожный симптом, на который она могла не обратить внимания. Но в памяти всплыло только бесчисленное множество обыденных моментов.

Множество обыденных моментов, которые для некоторых матерей никогда больше не повторяются.

На глаза Лейси навернулись слезы. Она вытерла их тыльной стороной ладони, запретив себе думать о тех несчастных.

Может быть, и в голове Питера сейчас крутились те же самые мысли.

Сглотнув, Лейси встала и прошла в темную комнату сына. Постель, которую она, Лейси, застелила с утра, была не смята. На стене висел постер группы *Death Wish*. Только сейчас это заметив, Лейси спросила себя, зачем сыну такой плакат. В шкафу она нашла пустые бутылки, изоленту, рваные тряпки и всякую другую всячину, которой раньше не находила.

Стоп! Лейси могла уладить все сама. Для них обоих. Она сбегала на кухню, оторвала от рулона три больших черных пакета для мусора и быстро вернулась в комнату Питера. Начала со шкафа: в первый мешок покидала связки шнурков, упаковки сахара, селитры и – о боже! – железные трубки. Лейси должна была избавиться от всего этого, хотя еще не знала как.

Когда в дверь позвонили, она, с облегчением вздохнув, решила, что вернулся Льюис. На самом деле муж вошел бы без звонка, но Лейси в ее теперешнем состоянии это не пришло в голову. Оторвавшись от своего занятия, она спустилась и увидела полицейского с тонкой синей папкой в руках.

– Миссис Хоутон? – спросил он.

А кого еще они хотели? Ее сын уже у них.

– У нас ордер на обыск.

Сунув Лейси бумаги, полицейский отстранил ее и прошел в дом, а за ним еще пятеро копов.

– Джексон, Уолхорн, – скомандовал он, – в комнату парня. – Родригес, в подвал. Тевес и Гилкрист, начните с первого этажа. Всем в первую очередь проверять телефоны и компьютеры... – Только сейчас заметив, что хозяйка все еще здесь и смотрит на него расширенными глазами, полицейский сказал ей: – Миссис Хоутон, вам придется покинуть помещение.

И он повел ее в прихожую. Она, словно онемев, подчинилась. Что они скажут, когда доберутся до комнаты Питера и найдут мусорный мешок? Обвинят ли Питера в подготовке взрыва? Или ее, Лейси, в том, что не уследила за ним?

Может быть, уже обвинили?

– Сколько это продлится? – спросила она, когда из открытой входной двери ей в лицо ударил морозный воздух.

– Пока не закончим, – пожав плечами, ответил полицейский и оставил ее стоять на холоде.

Проработав адвокатом почти двадцать лет, Джордан Макафи искренне полагал, что видел и слышал все. Но сейчас они с женой Селеной стояли перед телевизором и смотрели на канале Си-эн-эн репортаж о трагедии в старшей школе Стерлинга.

– Как в школе «Колумбайн». Только на этот раз практически на нашем заднем дворе, – сказала Селена.

– Только на этот раз стрелявший остался в живых, – пробормотал Джордан и посмотрел на ребенка, которого держала на руках жена.

Обладательница длиннющих ног и изящных рук, чернокожая Селена родила от него типичного белого протестанта, голубоглазого мальчика кофейного цвета. Чтобы малыш подсознательно не впитывал ненужную информацию, Джордан взял пульт и убавил громкость.

Старшая школа находилась на одной улице с парикмахерской, где он стригся, и всего в двух кварталах от здания, где арендовал офис. Ему неоднократно приходилось защищать питомцев этого учебного заведения, когда у них в бардачке находили травку или они попадались на распитии спиртных напитков. Селена, которая была ему не только женой, но и помощницей, несколько раз ходила в школу поговорить с ребятами по поводу какого-нибудь дела.

В Стерлинге семья Макафи поселилась недавно. Томас, единственный положительный результат неудачного первого брака Джордана, окончил школу в Сейлем-Фоллзе и теперь учился на втором курсе в Йеле. Платя по сорок тысяч долларов в год, отец не успевал следить за планами сына, который, решая свою судьбу, мечтал стать то художником-перформансистом, то искусствоведем, то клоуном. Джордан наконец-то сделал предложение Селене, а когда вскоре после свадьбы она забеременела, они переехали сюда, в Стерлинг, потому что школа округа имела очень хорошую репутацию.

И вот те на!

Смотреть новости Джордан не хотел, но и оторваться от экрана не мог. Поэтому, когда зазвонил телефон, он не пошевелился. Селена, сунув ребенка ему в руки, ответила на звонок.

– Привет, – сказала она. – Как дела?

Джордан обернулся, приподняв брови.

«Томас», – произнесла жена одними губами, а вслух сказала: – Подожди, он сейчас подойдет, – и отдала Джордану телефон.

– Какого черта у вас там происходит? – спросил Томас. – На сайте Эм-эс-эн-би-си только о вашей школе и пишут.

– Я знаю не больше твоего, – ответил Джордан. – Тут совершенный хаос.

– С некоторыми вашими ребятами я пересекался на соревнованиях по легкой атлетике. Просто это... Не верится, что это правда.

С улицы все еще доносился вой сирен «скорой помощи».

– Это правда. Повиси, у меня вторая линия. Нужно ответить.

– Это мистер Макафи?

– Да...

– Я... гм... если я правильно понимаю, вы адвокат? Ваш номер мне дал Стюарт Макбрайд, мой коллега по колледжу Стерлинга...

На экране телевизора стали появляться имена опознанных погибших с фотографиями из школьного альбома.

– Извините, я разговариваю по другой линии, – сказал Джордан. – Может быть, вы представитесь и я вам перезвоню?

– Я хотел спросить, согласитесь ли вы защищать моего сына. Он тот самый... Тот парень из школы, который... – Человек запнулся и на несколько секунд замолчал. – Все говорят, что это сделал мой сын.

Последним подростком, которого защищал Джордан, был Крис Харт. У него тоже забрали из рук дымящееся оружие.

– Вы... Вы возьметесь?

Джордан забыл о Томасе, который висел на первой линии. Забыл о Кресе, чье дело чуть не высосало из него все соки. Он посмотрел на Селену и малыша на ее руках: Сэм извинялся, пытаясь достать материнскую сережку. Этот парень, который сегодня пришел в школу и устроил там бойню, тоже чей-то сын. Вопреки всему тому, что о нем еще много лет будут говорить в городе, вопреки тому, что уже сейчас кричат средства массовой информации, этот парень заслуживал справедливого рассмотрения его дела.

– Да, – сказал Джордан. – Возьмусь.

Уже вечером, после того, как саперы обезвредили самодельную бомбу из железной трубки, найденную в машине Питера Хоутона, после того, как в здании школы было собрано 116 стреляных гильз, после того, как специалисты по восстановлению картины происшествия начали изучать вещдоки и анализировать расположение тел и были готовы первые из сотен снимков для индексированного фотоотчета, детектив Патрик Дюшарм собрал всех участников расследования в актовом зале.

– Мы имеем дело с очень большим массивом информации, – сказал он, стоя на сцене и глядя в полумрак зала. – На нас будут давить, чтобы мы обработали ее быстро и вместе с тем правильно. Поэтому через двадцать четыре часа я снова хочу видеть вас всех здесь, и мы обсудим результаты нашей работы.

Люди стали расходиться. Через сутки к Патрику на стол должны были лечь готовые фотоотчеты, списки улик, отправленных на экспертизу, и списки улик, не отправленных на экспертизу. Все это обещало накрыть его, как лавиной, так что завтра ему уже не грозило отличать день от ночи.

Криминалисты разошлись по разным частям здания, чтобы продолжить работу без прерыва на сон, а детектив Дюшарм направился к своей машине. Дождь перестал. Патрику нужно было вернуться в отделение: ознакомиться с результатами обыска в доме Питера Хоутона и поговорить с его родителями, если они по-прежнему этого хотят. Но автомобиль словно бы сам собой повернул в сторону больницы и встал на парковку. Войдя в приемный покой и показав свой жетон, Патрик спросил у медсестры:

– К вам сегодня поступило много детей. Одной из первых была девочка Джози...

Медсестра занесла руки над клавиатурой:

– А как фамилия?

– В том-то и дело, что я не знаю.

Компьютер выдал длинный список имен. Медсестра ткнула пальцем в монитор:

– Кормье. Четвертый этаж, четыреста двадцать вторая палата.

Патрик поблагодарил медсестру и направился к лифту. Кормье. Какая-то знакомая фамилия. Довольно распространенная. Может, встречалась Патрику в газете или в каком-нибудь телешоу? Пройдя мимо медсестринского поста, он зашагал по коридору. Дверь в палату Джози оказалась открытой. В полутьме был виден силуэт девочки, сидящей на кровати, и женщины, стоящей рядом. Они разговаривали.

Тихонько постучав, Патрик вошел. Джози посмотрела на него, явно не узнавая. Женщина обернулась.

«Кормье! – осенило Патрика. – Судья Кормье. Ну конечно». Еще до своего перевода в главный суд первой инстанции она несколько раз вызывала его, детектива Дюшарма, в качестве свидетеля. Сам он, когда ему требовался ордер, обращался к ней в последнюю очередь: судья Кормье когда-то была государственным защитником, а это значило, что, как бы беспристрастно она ни судила сейчас, в прошлом она играла на стороне противника.

– Здравствуйте, Ваша честь, – сказал Патрик, подходя ближе. – Не знал, что Джози – ваша дочь. Как ты себя чувствуешь? – обратился он к девочке.

Джози по-прежнему смотрела на него удивленно:

– Мы знакомы?

– Я вынес тебя из... – Патрик замолчал, потому что судья Кормье тронула его за локоть и отвела в сторонку.

– Джози ничего не помнит, – прошептала судья. – Почему-то решила, что попала в аварию, а я... – Она осеклась. – Я не смогла сказать правду.

Патрик понимал: когда кого-то любишь, не хочешь, чтобы человек именно от тебя услышал те слова, из-за которых его мир рухнет.

– Хотите, я скажу?

Судья Кормье, с секунду подумав, благодарно кивнула.

Патрик снова повернулся к Джози:

– Ты в порядке?

– Голова болит. Врачи говорят, сотрясение. Поэтому меня оставили здесь на ночь. – Подняв на Патрика глаза, Джози добавила: – Наверное, я должна сказать вам спасибо за то, что вы спасли меня. – Вдруг на ее лице мелькнула тревога. – А вы не знаете, что с Мэттом? С парнем, который был со мной в машине?

Патрик сел на край кровати.

– Джози, – начал он мягко, – автомобильной аварии не было. Происшествие случилось в школе. Один из учеников начал стрелять.

Девочка замотала головой, чтобы не слышать следующих слов, но они все-таки прозвучали:

– Есть убитые. Один из них Мэтт.

Глаза Джози наполнились слезами.

– С ним все в порядке?

Патрик посмотрел на мягкую вафельную ткань одеяла:

– Мне очень жаль.

– Нет! Это неправда!

Джози набросилась на Патрика. Судья Кормье подскочила и постаралась удержать дочь, но та продолжала неистово кричать, плакать, царапать детектива по лицу и барабанить кулаками по его груди. Из дальнего конца коридора на шум примчались две медсестры. Выставив и мать, и детектива из палаты, они вкололи Джози успокоительное.

Оказавшись за дверью, Патрик прислонился к стене и закрыл глаза. Боже правый! Неужели ему придется каждому свидетелю причинять такую боль! Он уже хотел извиниться перед судьей за то, что вывел ее дочь из себя, но прежде, чем успел это сделать, судья Кормье набросилась на него точно так же, как Джози:

– Чем, черт возьми, вы думали, когда сказали ей про Мэтта?!

– Вы сами меня попросили, – оцетинился Патрик.

– Я просила, чтобы вы сказали ей о стрельбе в школе, а не о том, что ее парень убит!

– Вы прекрасно знаете, что Джози все равно узнала бы рано или...

– Поздно. А еще лучше гораздо позже.

Медсестры вышли из палаты.

– Девочка спит, – прошептала одна из них. – Мы еще зайдем к ней.

Когда они отошли достаточно далеко, Патрик раздраженно прошептал:

– Послушайте. Сегодня я видел детей, которые получили пулю в голову, которые никогда больше не смогут ходить, которые умерли только потому, что оказались не в том месте не в то время. Ваша дочь... Она испытала шок, но она среди тех, кому повезло.

Эти слова подействовали на судью Кормье, как оплеуха. Судья больше не выглядела фурией, серые глаза потяжелели от мыслей обо всем том, что, к счастью, миновало ее саму и дочь. Чувство облегчения сделало черты ее лица менее резкими.

– Извините, – сказала судья. – Обычно я так себя не веду. Просто... день был очень тяжелый.

Патрик попытался поймать то чувство, которое на миг надломило его собеседницу, но не увидел даже следа.

– Я понимаю, что вы хотели выполнить свою работу, – добавила она.

– Мне действительно нужно будет поговорить с вашей дочерью... но сейчас я приехал не за этим, а потому что Джози первая, кого... В общем, я хотел убедиться, что с ней все в порядке. – Патрик улыбнулся судье Кормье; улыбка была едва заметной, однако вполне могла болезненно тронуть сердце. – Берегите ее.

С этими словами Патрик развернулся и зашагал по коридору, явственно ощущая на своей спине взгляд, похожий на прикосновение горячей руки.

## Двенадцать лет назад

В день, когда он должен был в первый раз идти в школу, в подготовительный класс, Питер проснулся в 4:32, прошлепал в комнату родителей и спросил, скоро ли придет школьный автобус. Питер всегда с восхищением наблюдал, как в этот автобус садился Джоуи. Солнце било в курносый желтый нос, дверь открывалась, как драконья пасть, мотор при остановке мощно вздыхал. У Питера была машинка, похожая на автобус, дважды в день возивший его брата, а теперь он и сам собирался ехать.

Мама велела ему вернуться в постель, но Питер не смог заснуть. Надел костюмчик, специально купленный к первому школьному дню, лег в нем на кровать и стал ждать. К завтраку он спустился раньше всех. Мама испекла его любимые блинчики с шоколадом. Она поцеловала Питера в щеку и дважды сфотографировала: сначала за кухонным столом, потом в куртке и с пустым рюкзаком, похожим на черепаший панцирь.

– Поверить не могу, что мой малыш идет в школу! – воскликнула мама.

Джоуи, который уже шел в первый класс, сказал брату, чтобы перестал вести себя как дурак.

– Подумаешь, школа! Ничего особенного, – буркнул он.

– Для тебя этот день тоже был особенным, – возразила мама старшему сыну, застегивая младшему куртку. – Питер, у меня для тебя сюрприз.

Она вернулась в кухню и принесла оттуда ланч-бокс с летящим Суперменом на крышке. Супермен вытянул вперед руку, словно хотел выпрыгнуть из картинки. Изображение было выпуклым, как те буквы, которые читают слепые. Питер подумал, что здорово, ведь так он сможет отличить свою коробку от чужих, даже если ослепнет. Он взял у мамы подарок и обнял ее. В ланч-боксе перекачивался какой-то фрукт и шуршала оберточная бумага. И Питеру показалось, что внутри коробочки урчат внутренние органы какого-то монстра.

Вместе с мамой мальчики вышли на дорогу, и вскоре давнишняя мечта Питера сбылась: школьный автобус показался из-за гребня холма.

– Еще один снимок! – сказала мама и сфотографировала Питера, когда рычащий желтый зверь остановился рядом. – Джоуи, позаботься о братике. – На прощание она поцеловала младшего сына в лоб. – Мой мальчик, какой ты уже большой! – После этих слов ее губы сжались, как всегда, когда она старалась сдержать слезы.

Вдруг у Питера в животе что-то похолодело. Что, если ему совсем не понравится в школе? Что, если учительница похожа на ведьму, которую он видел по телевизору и которая иногда являлась ему в страшных снах? Что, если он забудет, в какую сторону пишется буква «Е» и все станут над ним смеяться?

С такими мыслями Питер медленно поднялся по ступенькам автобуса. За рулем сидел человек в камуфляжной куртке, у которого не хватало двух передних зубов.

– Сзади есть места, – сказал он.

Питер зашагал по проходу, высматривая Джоуи. Тот уже сел с каким-то мальчиком и, когда младший брат проходил мимо, только взглянул на него, но ничего не сказал. Неожиданно Питера окликнули. Он обернулся и увидел Джоуи: она хлопала по пустому сиденью рядом с собой:

– Я заняла тебе место!

Ее темные волосы были собраны в два хвостика; сегодня Джоуи пришлось надеть юбку, хотя, вообще-то, она их ненавидела. Питер сел и сразу немного успокоился. Он ехал в школьном автобусе. Рядом со своей самой-пресамой лучшей подружкой.

– Прикольный ланч-бокс! – сказала Джоуи.

Питер поднял коробочку, чтобы показать, что если ею покачивать, то Супермен как будто двигается. В этот момент кто-то протянул через проход руку и выхватил коробку.

– Эй, ты, придурок, хочешь поглядеть, как Супермен летает? – сказал мальчишка в бейсболке, надетой задом наперед.

Прежде чем Питер успел понять, что происходит, этот мальчик, который был старше его, выбросил коробочку в окно. Питер вскочил и, вытянувшись, стал высматривать ее через стекло задней двери. От удара об асфальт коробка раскрылась, яблоко покатилося по дороге, пересекло желтую пунктирную линию разметки и исчезло под колесами проезжавшей мимо машины.

– Ну-ка сядь! – рявкнул водитель.

Питер плюхнулся на свое место. Слезы жгли похолодевшее лицо. Смех мальчишка в бейсболке и его друзей казался таким громким, словно они сидели и хохотали прямо у Питера в голове. Потом он почувствовал в своей руке руку Джози.

– У меня есть арахисовое масло, – прошептала она. – Я с тобой поделюсь.

Алекс сидела в комнате свиданий напротив нового клиента Лайнуса Фрума. Рано утром, в четыре часа, он, одетый во все черное и с маской на голове, ограбил магазин при заправочной станции, угрожая продавщице оружием. Приехав на место происшествия после того, как преступник скрылся, полиция нашла на полу сотовый телефон. Через некоторое время, уже в отделении полиции, он зазвонил.

– Чувак, – сказал звонивший. – Это мой мобильник. Он у тебя?

– Да, – ответил полицейский. – Где вы его потеряли?

– В магазине на заправке, старик. Я был там с полчаса назад.

Полицейский пообещал вернуть телефон, предложив встретиться на пересечении шоссе 10 и 25А. Лайнус Фрум, естественно, явился и был арестован за ограбление.

Алекс смотрела на него, сидя по другую сторону обшарпанного стола. Ее дочка сейчас пила сок, ела печенье, или слушала сказку, или рисовала мелками, или делала что-то еще, чем занимаются подготовишки в первый учебный день, а она, Алекс, застряла в тюрьме с преступником, который оказался слишком глупым даже для того, чтобы успешно промышлять своим ремеслом. Внимательно изучив полицейский отчет, она сказала:

– Здесь говорится, что, когда детектив Чисхолм зачитывал вам ваши права, между вами произошел какой-то конфликт.

Лайнус поднял глаза. Это был еще совсем мальчишка (всего девятнадцать лет), прыщавый и со сросшимися бровями.

– Он считает, что я тупой, как кусок дерьма.

– Детектив так вам и сказал?

– Он спросил, умею ли я читать.

Все полицейские это спрашивали, чтобы убедиться в том, что задержанный ознакомился со своими правами.

– И вы ответили: «Чё за фигня? Я чё, похож на идиота?»

– А что я должен был ответить? – пожал плечами Лайнус.

Алекс потеряла переносицу. Работа государственным защитником была для нее сплошной мутной чередой таких моментов. Ей приходилось тратить огромное количество сил и времени на людей, которые если не через неделю, то через год наверняка снова окажутся ее клиентами. Но чем еще она могла зарабатывать себе на жизнь? Это был ее сознательный выбор.

Запищал пейджер. Выключая звук, Алекс взглянула на номер.

– Лайнус, я думаю, вы должны признать вину. Тогда можно будет рассчитывать на снисходительный приговор.

Передав подзащитного охраннику, Алекс зашла в офис, чтобы оттуда позвонить.

– Слава богу, – сказала она, когда ей ответили, – если бы не вы, я бы выпрыгнула со второго этажа тюрьмы.

– Вообще-то, там на окнах решетки, – засмеялся Уит Хобарт. – Я всегда подозревал, что их устанавливают не для того, чтобы преступников удерживать, а для того, чтобы государственные защитники не разбежались, когда увидят, насколько плохи дела.

Когда Алекс начала работать государственным защитником, Уит был ее начальником, но девять месяцев назад он ушел на пенсию. Этот человек, по праву пользующийся огромным уважением в адвокатских кругах, стал для Алекс кем-то вроде идеального отца, которого у нее никогда не было. Настоящий отец только ругал ее, а этот хвалил. Ей бы хотелось, чтобы сейчас Уит оказался рядом, а не в каком-нибудь гольф-клубе на побережье. Они бы пошли вместе на ланч, он рассказал бы ей пару историй, помогающих смириться с тем, что у каждого государственного защитника бывают такие клиенты, как Лайнус. А потом слинял бы, оставив молодой коллеге неоплаченный счет и запас свежих сил для продолжения борьбы.

– Чем занимаетесь? – спросила Алекс. – Пьете утренний чай?

– Да нет, чертов садовник разбудил меня своей воздуходувкой. Что нового на работе?

– Совершенно ничего. Но вас сильно не хватает. Особенно вашей энергии.

– Энергии? Надеюсь, Ал, вы не увлеклись гаданием на кристаллах?

– Нет, – усмехнулась Алекс.

– Хорошо. Потому что я, собственно, вот зачем позвонил: у меня есть для вас работа.

– Ох, работы у меня уже столько, что на двоих хватит.

– Три окружных суда в нашем регионе вывесили вакансию в «Судебных новостях».

Алекс, вы должны предложить свою кандидатуру.

– Чтобы я стала судьей? – Алекс засмеялась. – Уит, что вы курите в последнее время?

– У вас получится. Вы умеете принимать взвешенные решения, не идете на поводу у своих чувств, темперамент у вас ровный. Вы будете хорошо понимать обе стороны, потому что имеете опыт работы государственным защитником. Кстати, в этом качестве вы всегда отлично выступали в суде. – Немного помолчав, Уит добавил: – К тому же не так часто в Нью-Гэмпшире судью назначает губернатор-женщина от демократической партии.

– Спасибо за доверие, – сказала Алекс, – но я не гожусь для такой работы.

Она знала это, потому что судьей, причем в главном суде первой инстанции, был ее отец. Алекс помнила, как в детстве крутилась на его вращающемся стуле, считала скрепки, чертила ногтем на безукоризненно чистом зеленом сукне стола, снимала телефонную трубку и говорила сквозь гудки. А потом являлся отец и ругал ее за то, что она положила не на место какой-нибудь карандаш или папку, а что еще хуже – доставила беспокойство ему самому.

На поясе снова завибрировал пейджер.

– Извините, – сказала Алекс. – Мне пора в суд. Может, на следующей неделе нам удастся встретиться за ланчем.

– Между прочим, у судей нормированный рабочий день. В котором часу Джози возвращается из школы?

– Уит...

– Подумайте о моем предложении, – сказал он и повесил трубку.

– Питер, – вздохнула мама. – Как ты умудрился снова ее потерять?

Обойдя отца, наливавшего себе кофе, она порылась в недрах кладовки и извлекла оттуда коричневый бумажный пакет. Питер терпеть не мог эти пакеты: бананы в них не помещались, а бутерброды крошились. Но выбора не было.

– А что он потерял? – спросил отец.

– Ланч-бокс. Уже третий за месяц.

Положив на дно пакета фрукт и сок, а сверху сэндвич, мама посмотрела на Питера: вместо того чтобы есть, он ковырял вилкой салфетку, царапал на ней буквы.

– Будешь возиться – опоздаешь на автобус.

– Тебе уже пора стать ответственным, – прибавил отец.

Питеру слова отца часто казались дымом, который сначала заполняет собой комнату, но, не успеешь оглянуться, тут же рассеивается.

– Ради бога, Льюис, ему же всего пять лет! – возразила мама.

– Что-то не припомню, чтобы Джоуи в его возрасте по три раза за месяц терял ланч-бокс.

Иногда Питер наблюдал, как отец с Джоуи играют в футбол на заднем дворе. Их ноги мелькали, словно в каком-то бешеном танце. Но когда Питер пытался присоединиться к их игре, чувство недовольства собой сковывало все его движения, не позволяло сосредоточиться. В прошлый раз он забил в собственные ворота.

– Я не Джоуи, – произнес он, посмотрев на родителей через плечо.

Они ничего не сказали, но он услышал их ответ: «Мы знаем».

– Адвокат Кормье?

Алекс подняла глаза и увидела своего бывшего клиента: он улыбался во весь рот. Через секунду она вспомнила его. Тедди Макдугал или Макдоналд – как-то так. Судили его за домашнее насилие без отягчающих. Они с женой оба напились и подрались. Алекс добилась оправдательного приговора.

– Я кой-чѐ вам привез, – заявил Тедди.

– Надеюсь, вы ничего для меня не купили, – сказала Алекс без всякого кокетства.

Этот человек, приехавший с севера, жил так бедно, что пол в его доме был земляной, а холодильник заполнен тем, что он добыл на охоте. Алекс не любила охоту, но прекрасно понимала, что для некоторых ее подзащитных это не спорт, а способ пропитания. Если бы Тедди осудили, он лишился бы права на ношение оружия. Для него это стало бы катастрофой.

– Нет, – улыбнулся он, – не купил. Оно лежит у меня в кузове. Идемте поглядим.

– А не могли бы вы принести подарок сюда?

– Не, сюда никак нельзя.

«Превосходно! – подумала Алекс. – Что же у него там такое, что нельзя принести?» Она вышла следом за Тедди на парковку и увидела в кузове его грузовичка огромного мертвого медведя.

– Это для вашей морозилки!

– Тедди, но он же гигантский! Вы же можете есть его всю зиму!

– Верно, черт подери! Но я решил вам подарить.

– Спасибо большое. Я и правда очень это ценю, но... хм... я не ем мяса. Нельзя, чтобы такая добыча пропала. – Она тронула Терри за плечо. – Заберите его себе, прошу вас.

Терри запрокинул голову и прищурился:

– Ну ладно.

Кивнув, он залез в кабину и сорвался с места с такой скоростью, что тело медведя глухо ударилось о борта кузова. В этот момент Алекс окрикнула секретарша, стоявшая в дверях:

– Только что звонили из школы, где учится ваша дочка. Вас вызывают к директору.

Джози? Натворила в школе каких-то бед?

– А что случилось? – спросила Алекс.

– Она побила какого-то мальчика на игровой площадке.

Алекс зашагала к своей машине:

– Скажите им, что я уже еду.

По пути домой Алекс украдкой посматривала на дочь в зеркало заднего вида. Утром Джози отправилась в школу в штанах цвета хаки и белом кардигане; теперь кардиган был перемазан грязью, на локте зияла дыра. В растрепавшихся волосах запутались веточки. Ранка на губе по-прежнему кровила. Но – вот что удивительно – мальчику, с которым она подралась, досталось, по видимости, еще больше.

Дома Алекс отвела Джози в ванную, где продезинфицировала и заклеила пластырем ее ссадины. Потом села напротив дочери на коврик, который словно был сделан из шкуры Коржика из телешоу «Улица Сезам».

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Нижняя губка Джози задрожала, из глаз полились слезы.

– Это из-за Питера, – сказала она. – Дрю все время обижает его, и сегодня я решила, пускай сам получит.

– А учителей на площадке не было?

– Были помощники учителей.

– Так подошла бы к ним и сказала, что Питера дразнят. А если ты распускаешь руки, то сама становишься ничуть не лучше Дрю.

– Мы подошли. Они сказали Дрю и другим ребятам, чтобы не трогали Питера, но они не послушались.

– И тогда ты сделала то, что в сложившейся ситуации показалось тебе наилучшим решением.

– Да. Для Питера.

– И теперь ты всегда будешь поступать так, как тебе вздумается? Представь себе, что у кого-то куртка красивее, чем у тебя. Ты ее возьмешь?

– Нет. Это будет воровство.

– Вот именно. Существуют правила, которые нужно соблюдать, даже если тебе кажется, что все остальные их нарушают. Без этих правил в мире было бы страшно жить. Все воровали бы друг у друга куртки и дрались на игровых площадках. Бывают ситуации, когда нужно делать не то, что лучше, а то, что правильнее.

– А в чем разница?

– Хорошее – это то, что, как тебе кажется, надо сделать. А правильное – это то, как тебе следует поступить. Когда ты поступаешь правильно, то думаешь не только о себе и своих чувствах, но и о многом другом: кого еще касается это дело, что произошло раньше, что говорят правила. – Алекс посмотрела на Джози. – А почему Питер сам не стал драться?

– Он подумал, будет хуже.

– У меня больше нет вопросов.

Ресницы Джози были все еще влажными от слез.

– Ты на меня сердишься?

Алекс задумалась:

– Я сержусь на взрослых, которые смотрели, как Питера обижают, и ничего не делали. От того, что ты ударила мальчика в нос, я тоже не в восторге. Но тем, что ты попыталась защитить друга, я горжусь. – Она поцеловала Джози в лоб. – Иди надень что-нибудь без дырок, суперменша ты моя.

Девочка убежала к себе в комнату, а Алекс так и осталась сидеть на полу в ванной. Она вдруг очень остро почувствовала, что если ты стоишь на страже справедливости, то самое важное для тебя – всегда быть там, где в тебе нуждаются, и всегда проявлять неравнодушие. Нельзя вести себя так, как те помощники учителей на детской площадке. Не изображая большого босса, можно сохранять твердость, уважать правила и принимать во внимание все обстоятельства, прежде чем делать вывод. Алекс поняла: у хорошего судьи и хорошей матери довольно много общего.

Она встала, спустилась на первый этаж и взяла телефон. После третьего гудка Уит снял трубку.

– Ладно, – сказала Алекс. – Рассказывайте, что нужно делать.

Коленки Лейси упирались в крышку парты, стульчик был слишком маленьким для нее, а стены – слишком яркими. Учительница выглядела так молодо, что хотелось спросить, может ли она дома выпить бокал вина, не нарушив закон.

– Миссис Хоутон, – сказала учительница, – я бы с радостью объяснила это как-то иначе, но вижу только одну причину: некоторые ребята – своего рода магниты для насмешек. Другие дети чувствуют их слабость и пользуются ею.

– А в чем слабость Питера? – спросила Лейси.

– С моей точки зрения, это не слабость, – улыбнулась учительница. – Он чувствительный, и он милый. Поэтому он скорее сядет в уголке и будет рисовать вместе с Джози, чем побежит играть в полицейских с другими мальчиками.

Лейси вспомнила себя в начальной школе. Она была немногим старше Питера, когда их классу дали задание вырастить цыплят в инкубаторе. Все шесть птенчиков вылупились, но один из них родился хромым. Он всегда последним добирался до лотков с водой и кормом, медленнее всех набирал вес, был боязливым. Однажды, на глазах у потрясенных детей, другие цыплята насмерть заклевали калеку.

– Не подумайте, будто мы позволяем ребятам обижать Питера. Если мы что-то такое замечаем, то сразу отправляем зачинщика к директору. – После этих слов учительница открыла рот, явно собираясь продолжить свою мысль, но промолчала.

– Ну и что?

– Видите ли, – учительница опустила глаза, – подобные меры обычно имеют прямо противоположный эффект. Мальчики воспринимают Питера как причину своих неприятностей и вымещают на нем зло. В общем, процесс идет по кругу.

Кровь бросилась в лицо Лейси.

– А какие меры принимаете лично вы, чтобы предотвратить подобные инциденты?

Она рассчитывала, что сейчас ей расскажут про штрафной стул или какое-нибудь другое наказание для тех, кто издевается над ее ребенком, но вместо этого услышала:

– Я советую Питеру защищаться. Не терпеть, а сказать что-нибудь, если мальчики, например, дразнятся или в столовой влезают в очередь вперед него.

Лейси заморгала:

– Ушам своим не верю... То есть когда Питера толкают или сбрасывают на пол его еду, он должен ответить тем же?

– Нет, конечно...

– Вы рассказываете мне, что для того, чтобы чувствовать себя в безопасности, ребенок должен научиться вести себя так же, как те, кто его обижает?

– Нет, – поправила ее учительница, – я рассказываю вам, что такое детский коллектив. Послушайте меня, миссис Хоутон. Я могу сказать то, что вы от меня ждете. Могу сказать, что Питер – чудесный мальчик, и это правда, что детей, из-за которых ему так плохо, в нашей школе научат дисциплине и толерантности и что этого будет достаточно. Но есть один важный момент: если Питер действительно хочет, чтобы его перестали обижать, то должен сам принять участие в решении проблемы.

Лейси посмотрела на свои руки, которые на маленькой парте казались огромными.

– Спасибо. За честность, – произнесла она, осторожно встала – в мире, в который ты уже не вписываешься, всегда следует проявлять осторожность – и вышла из класса.

Питер сидел в коридоре на деревянной скамеечке возле шкафчиков. Как мать, Лейси была обязана расчищать ему дорогу, чтобы он не падал. Но не могла же она все время работать при нем бульдозером! Может быть, именно это учительница и пыталась ей сказать?

– Ты ведь знаешь, что я тебя люблю, правда? – спросила Лейси, садясь перед Питером на корточки и беря его за руки. – Я желаю тебе только самого хорошего.

– Да, – кивнул он.

– Я знаю про ланч-боксы. И про Дрю, и про то, что Джози его ударила. Я знаю, какие вещи он тебе говорил. – Лейси почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Если это повторится, ты должен будешь за себя постоять. Должен, Питер. Или... Или мне придется наказать тебя.

Жизнь – несправедливая штука. Как бы Лейси ни выкладывалась на работе, повышение получал кто угодно, только не она. На ее глазах женщины, которые всячески заботились о плоде, рожали мертвых младенцев, а наркоманки – живых и здоровых. На ее глазах четырнадцатилетние девочки умирали от рака яичников, не успев толком пожить. Бороться с несправедливостью судьбы нельзя. Можно только страдать и надеяться, что однажды счастье улыбнется тебе. И все-таки видеть несправедливость по отношению к своему ребенку особенно тяжело. Сердце Лейси разрывалось оттого, что именно ей приходилось сдернуть пелену блаженного неведения с глаз Питера, чтобы он понял: как бы сильно мама ни любила его и каких бы благ она ему ни желала, мир никогда не будет совершенным.

Сглотнув, она посмотрела на сына. Что же могло пробудить в нем желание защищаться, какое наказание могло заставить его измениться? На самом-то деле Лейси вовсе не хотелось, чтобы он менялся, но она сказала:

– Если это повторится, ты месяц не будешь играть с Джози.

Произнеся свой ультиматум, Лейси закрыла глаза. Ей неприятно было говорить Питеру такое, но, очевидно, ее прежние советы: «Будь добрым, будь вежливым, поступай с другими людьми так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой», не помогали мальчику. Если только под угрозой наказания Питер способен зарычать так, что Дрю и другие ужасные дети убегут, поджав хвост, значит Лейси обеспечит ему такую угрозу. Убрав волосы со лба сына, она увидела в его глазах тень сомнения. И неудивительно. До сих пор мама никогда не ставила ему подобных ультиматумов.

– Этот Дрю – маленький задира, из которого вырастет большой хулиган, а из тебя вырастет необыкновенный человек. – Лейси широко улыбнулась. – Однажды, Питер, все узнают твое имя.

На игровой площадке было всего двое качелей. Если они бывали заняты и приходилось ждать, Питер скреживал пальцы в надежде, что ему достанутся не те, сиденье которых пятиклассники подняли страшно высоко, обмотав цепи вокруг верхней перекладины. Он боялся упасть с этих качелей или, того хуже, не суметь на них взобраться. Когда он и Джози стояли в очереди вдвоем, те качели всегда брала себе она: делала вид, будто ей так хочется. Но Питер догадывался, что она просто знает, как он боится.

Сегодня на перемене они, вместо того чтобы раскачиваться, закручивали цепи на качелях, а потом поднимали ноги и быстро кружились. Питер запрокидывал голову, и ему казалось, что он летит. Когда они тормозили, их качели ударялись друг о друга и хохочущая Джози цеплялась своими ногами за его ноги.

– Хочу нравиться людям! – вдруг выпалил он.

Джози склонила голову набок:

– Ты и так нравишься людям.

– Я имел в виду, – сказал Питер, высвобождая ноги, – что хочу нравиться не только тебе.

Для того чтобы заполнить заявление кандидата на должность судьи, Алекс потребовалось целых два дня, а когда бумаги были готовы, произошло нечто удивительное: она действительно захотела быть судьей. Вопреки всему тому, что она говорила Уиту, вопреки всем своим прежним сомнениям она вдруг почувствовала правильность принятого решения.

Через какое-то время Алекс пригласили на собеседование. Это означало, что ее кандидатуру рассматривают всерьез и что она, вероятно, попадет в шорт-лист, который будет представлен губернатору Нью-Гэмпшира. Комиссия заседала в старом губернаторском особняке Бридж-Хаус в Восточном Конкорде. Каждому кандидату назначили свое время, причем войти в здание нужно было через одну дверь, а выходить через другую. Видимо, это было сделано для того, чтобы люди не знали, кто еще претендует на должность.

Комиссия состояла из двенадцати человек: юристов, полицейских, исполнительных директоров организаций, оказывающих поддержку жертвам преступлений. Все они смотрели так пристально, что Алекс казалось, будто ее лицо вот-вот загорится. К тому же Алекс провела бессонную ночь: Джози приснился сон про удава, после чего она никак не хотела возвращаться в постель. Имен своих конкурентов Алекс не знала, но была готова поспорить: среди них нет матерей-одиночек, которым в три часа ночи приходится стучать линейкой по батареям и тыкать в вентиляционные отдушины, доказывая, что там не прячется змея.

– Мне нравится жить в быстром темпе, – осторожно произнесла Алекс, отвечая на один из вопросов. В некоторых случаях она знала, каких слов от нее ждут. Фокус был в том, чтобы придать заготовленным «правильным» ответам налет спонтанности. – Мне нравится, когда приходится быстро принимать решение. Я строго соблюдаю нормы доказательного права. Как государственному защитнику, мне приходилось сталкиваться с судьями, которые не делают перед заседанием «домашнюю работу», и поэтому я точно знаю, что буду относиться к своим обязанностям иначе.

Алекс обвела взглядом лица мужчин и женщин, сидевших перед ней, и постаралась понять, как ей действовать: ни на шаг не отступать от стереотипного образа идеального кандидата, ведь наверняка такой тактики придерживались конкуренты – выходцы из привилегированных прокурорских кругов, или быть, по возможности, искренней, позволяя своему адвокатускому прошлому заявлять о себе. Чертовски трудный выбор!

– Я потому хочу получить эту должность, – продолжила Алекс, – что меня привлекает зал суда как территория равных возможностей. Человек входит в это помещение, и на какое-то время для всех, кто в нем находится, его дело – самая важная вещь в мире. Система работает на него. Не важно, кто он и откуда: решение определяется только буквой закона и никакие социальные или экономические факторы роли не играют.

Одна из женщин, сидевших за столом, посмотрела в свои записи и спросила:

– Миз Кормье, каковы, на ваш взгляд, отличительные качества хорошего судьи?

Алекс почувствовала, как между лопатками пробежала капля пота.

– Хороший судья должен быть терпеливым, но твердым, уметь контролировать свои эмоции, но не вести себя высокомерно, знать нормы доказательственного права и процессуальные нормы. – После небольшой паузы Алекс добавила: – Вы, наверное, не привыкли такое слышать, но я все-таки скажу: хороший судья должен мастерски решать танграммы.

Немолодая женщина, представитель организации, оказывающей помощь пострадавшим от преступлений, удивленно заморгала:

– Что, простите?

– Танграммы, китайские геометрические головоломки. У меня пятилетняя дочка, она любит играть в игру, где дается контур, например кораблика, паровоза или птички, и нужно заполнить его треугольничками и параллелограммами разной величины. Это легко удается людям, у которых развито пространственное мышление и которые умеют смотреть на вещи нестандартно. Судье тоже нужны эти умения. Нужно собрать все противоборствующие фак-

торы: показания сторон, нормы правопорядка, интересы общества, а также прецедент – и использовать все это для решения проблемы в существующих рамках закона.

Повисла неловкая тишина. Повернув голову, Алекс мельком увидела в окне следующего кандидата. Сначала она подумала, что обозналась, но невозможно ни с чем спутать завитки посеребренных волос, которые ты когда-то пропускала сквозь собственные пальцы. Невозможно ни с чем спутать черты лица, которое так хорошо изучили твои губы. Логан Рурк – ее профессор, ее бывший любовник, отец ее дочери – вошел в вестибюль и закрыл за собой дверь. Значит, он тоже захотел стать судьей. Алекс сделала глубокий вдох: теперь она еще решительнее, чем секундой раньше, вознамерилась получить эту должность.

– Миз Кормье? – произнесла все та же женщина, и Алекс поняла, что прослушала вопрос.

– Извините, вы не могли бы повторить?

– Я спросила, насколько хорошо вы сами решаете танграммы.

Алекс посмотрела ей прямо в глаза и широко улыбнулась:

– Мэм, я чемпион штата Нью-Гэмпшир.

Сначала цифры стали немного разбухать, потом начали вихлять, так что Питеру приходилось шуриться или подходить к доске поближе, чтобы отличить тройку от восьмерки. Учительница отправила его в медкабинет, пропахший чайными пакетиками и потными ногами. Там медсестра попросила Питера прочитать висящую на стене таблицу.

Новые очки оказались легкими как перышко. Стекла не должны были поцарапаться, даже если Питер упадет и они пролетят через всю песочницу. Проволочная оправа каким-то непостижимым для Питера образом удерживала изогнутые линзы, за которыми его глаза казались ярко-голубыми и огромными, как у совы. Впервые надев очки, он был поражен тем, что из тумана вдали выплыли очертания фермерских домов и силосных башен, а на полях появились коровы. Буквы на красном дорожном знаке сложились в слово «стоп», на костяшках пальцев у самого Питера и возле глаз мамы проступили тонкие линии. Все супергерои носили при себе какой-нибудь чудесный предмет: Бэтмен – пояс, Супермен – плащ, а он, Питер, – эти очки. С их помощью он, казалось, видел всех насквозь. Питер так радовался им, что даже взял их с собой в постель.

Но на следующее же утро от радости не осталось и следа. Придя в школу, Питер обнаружил, что вместе со зрением у него обострился и слух. «Четырехглазый», «слепой крот» – так его теперь называли. Из волшебного предмета очки превратились в шрам, который выделял Питера среди всех остальных.

Но это было не самое худшее. Когда окружающий мир обрел четкие очертания, Питер стал замечать, как другие дети на него смотрят. Он понял, что служит всеобщей мишенью для насмешек. Вернув себе стопроцентное зрение, он потерял желание им пользоваться и теперь ходил, опустив глаза.

– Мы мамыши-хулиганки, – сказала Алекс, складывая ругательное слово из разноцветных счетных палочек.

В школе был день открытых дверей, и они с Лейси сидели за маленькой партой, задрав колени, как кузнечики.

– Все это очень забавно, – укоризненно произнесла Лейси, смешивая палочки, – пока кто-нибудь из нас не окажется судьей.

– Боишься вылететь из подготовишек? – рассмеялась Алекс. – А что касается моего судейства, то праздновать победу пока рановато.

– Подождем, – сказала Лейси.

Учительница, наклонившись, дала женщинам по маленькому листочку бумаги:

– Теперь, пожалуйста, напишите по одному слову, которое наилучшим образом описывает вашего ребенка. Потом мы составим из этих слов коллаж любви.

Алекс искоса взглянула на Лейси:

– Коллаж любви?

– Не будь такой язвой! Это же школа, подготовительный класс!

– А кто сказал, что я умаляю значение подготовительного класса школы? Именно здесь учат самым важным вещам, которые нужно знать о законе: не дерись, не бери чужого. Не убивай, не насилуй.

– Да-да, как сейчас помню этот урок. Он был у нас сразу после большой перемены.

– Ты поняла, о чем я говорю. Об общественном договоре.

– Что, если ты станешь судьей и должна будешь утвердить закон, которого не одобряешь?

– Во-первых, еще не факт, что я окажусь в такой ситуации. Во-вторых, если окажусь, то, как бы отвратительно я себя ни чувствовала, я это сделаю. Тебе вряд ли захотелось бы зависеть от решения судьи, который подходит к делу необъективно. Поверь мне.

– Если ты с головой уйдешь в новую работу, то когда же ты будешь самой собой? – спросила Лейси, делая маленькие надрывы по периметру своего листочка.

Алекс, усмехнувшись, сложила из палочек другое бранное слово.

– На дне открытых дверей в подготовительном классе, наверное.

Вдруг подбежала раскрасневшаяся Джози.

– Мама, мы закончили! – объявила она и потянула Алекс за руку, а Питер тем временем устроился на коленях у Лейси.

Ребята приготовили для матерей какой-то сюрприз в игровом уголке. Женщины встали, и дети повели их за книжный стеллаж, мимо маленьких ковриков, сложенных в стопку, и стола для опытов, на котором лежала гниющая тыква, похожая на одного известного Алекса прокурора: та же рыхлая мякоть, та же кожа, испещренная оспинами.

– Это наш дом, – объявила Джози, отодвинув брусок, служивший дверью. – Мы поженились.

Лейси толкнула Алекс в бок:

– Я всегда мечтала породниться с кем-нибудь, с кем можно найти общий язык.

Питер встал перед деревянной кухонной плитой и принялся помешивать в пластмассовом горшочке воображаемую еду. Джози накинула огромный лабораторный халат:

– Мне пора на работу. Буду к обеду.

– Хорошо, – отозвался Питер, – приготовлю тефтельки.

– А кем ты работаешь? – спросила Алекс.

– Судьей. Целый день сажаю людей в тюрьму, а вечером прихожу домой и ем макаронки.

Джози обошла вокруг сложенного из кубиков домика и снова вошла.

– Садись, – сказал Питер. – Опять ты задержалась...

Лейси закрыла глаза, подумав: «Кого я сейчас вижу? Саму себя или свое отражение в зеркале, которое мне, мягко говоря, не льстит?»

Отставив в сторону игрушечные тарелки, дети перешли в другую часть своего «дома» – квадратик в квадратике:

– Это наша кровать.

Подошедшая учительница шепнула Алекс и Лейси:

– Они все время играют в семью. Прелесть, правда?

Питер лег на бок, поджав коленки, а Джози пристроилась к нему сзади и обняла его за талию.

«Интересно, – подумала Алекс, наблюдая за дочкой, – откуда у нее представление о том, как должна выглядеть счастливая пара, если она никогда не видела возле меня ни одного мужчины?»

Лейси оперлась о кубик и написала на своем кусочке бумаги слово «нежный». Алекс была согласна: Питер действительно был нежным мальчиком, и это делало его крайне ранимым. Он нуждался в ком-то вроде Джози, кто бы обнял его и защитил.

Алекс тоже взяла карандаш и разгладила свой листочек. Прилагательные вихрем закружились в голове. Их было очень много для одной маленькой девочки: «умная», «подвижная», «преданная», «потрясающая»... Но рука сама собой вывела другие буквы.

«Моя», – написала Алекс.

На этот раз, ударившись об асфальт, ланч-бокс разломился пополам. Сэндвич с тунцом и пакетик чипсов угодили под колеса проезжавшей мимо машины. Водитель школьного автобуса, как обычно, ничего не заметил. Мальчишки-пятиклассники теперь наловчились открывать и закрывать окно прежде, чем он успел бы крикнуть им: «Прекратите!» Сегодня они снова поздравили друг друга с удачей, в то время как глаза Питера наполнились слезами, а в ушах зазвенели слова матери. Сейчас он должен был, по ее мнению, каким-то образом дать обидчикам отпор, но она не понимала, что будет только хуже.

– Ох, Питер! – вздохнула Джози, когда он сел рядом с ней.

– Я, наверное, не смогу прийти к тебе в пятницу, – пробормотал он, глядя на собственные варежки.

– Почему?

– Мама сказала, что накажет меня, если я опять потеряю ланч-бокс.

– Это нечестно!

– Все нечестно, – пожал плечами Питер.

Никто не удивился больше самой Алекс, когда губернатор Нью-Гэмпшира выбрала ее из трех предложенных кандидатур на должность судьи окружного суда. Можно было ожидать, что, как губернатор от демократической партии и молодая женщина, Джин Шейхин остановит выбор на другой молодой женщине-демократке. И все-таки, когда Алекс шла на финальное собеседование, голова у нее немного кружилась от неожиданного известия.

Губернатор оказалась моложе и милевиднее, чем обыкновенно бывают те, кто занимает такие посты. «Видя меня на судейской скамье, многие будут удивляться точно так же, как я сейчас», – подумала Алекс и засунула руки под попу, чтобы не дрожали.

– Есть ли что-нибудь, что я должна знать, прежде чем утвержу вашу кандидатуру? – спросила губернатор.

– Вы имеете в виду скелеты в моем шкафу?

Шейхин кивнула. Для губернатора всегда важно, чтобы новые члены его команды не бросили тень на главу штата. Шейхин хотела расставить все точки над «i» до подписания приказа, и Алекс вполне понимала и одобряла эту предосторожность.

– Есть ли кто-нибудь, кто может прийти на заседание исполнительного совета с возражениями против вашей кандидатуры? – поинтересовалась губернатор.

– Не знаю. Если заключенным будет позволено по такому случаю временно покинуть тюрьму, то вероятно.

– Значит, – рассмеялась Шейхин, – в этом заведении собралось много недовольных вами клиентов?

– Они потому и остались недовольны, что им там самое место.

Губернатор встала и протянула Алекс руку:

– Думаю, мы сработаемся.

В стране оставалось только два штата, Мэн и Нью-Гэмпшир, где действовал исполнительный совет – орган, непосредственно контролирующий действия губернатора. Для Алекс это

означало, что между подписанием губернаторского приказа и слушанием по его утверждению она непременно должна была расположить к себе пятерых мужчин-республиканцев, чтобы они не стерли ее в порошок. Еженедельно она звонила им и спрашивала, нет ли у них каких-нибудь вопросов к ней. Ей также нужно было найти свидетелей, которые выступили бы на заседании в ее поддержку.

Несколько лет проработав государственным защитником, Алекс легко могла найти коллег, готовых сказать в ее адрес хвалебное слово, но адвокатов исполнительный совет слушать не желал. Ценились свидетельства жителей общины, где она, кандидатка, трудилась и жила: от учительницы начальных классов до полицейского, который уважает Алекс, несмотря на ее принадлежность к «темной стороне». Трудность заключалась в том, чтобы уговорить людей прийти и свидетельствовать в ее пользу, твердо зная: получив должность судьи, Алекс ничем не сможет им отплатить.

И вот наконец настал волнующий день. Как только Алекс явилась в капитолий штата, ее тут же пригласили в зал заседаний исполнительного совета и стали забрасывать вопросами, на которые она отвечала без запинки. При всем своем разнообразии – от «Как называется последняя книга, которую вы прочли?» до «Кто несет бремя доказательств в делах о домашнем насилии и преступном небрежении?» – они были вполне стандартными, пока один из членов совета не спросил:

– Миз Кормье, кто имеет право судить другого?

– Это зависит от того, – сказала Алекс, – говорим ли мы о суде с моральной или с правовой точки зрения. Морально никто не имеет права судить ближнего, но судить юридически – это не право, а обязанность.

– В свете сказанного вами как вы относитесь к ношению оружия?

Алекс задумалась. Вообще-то, она не была любительницей пострелять и дочке не разрешала смотреть фильмы, где показано насилие. Алекс знала, что будет, если дать оружие в руки неблагополучному подростку, рассерженному мужу или избитой жене. Она слишком часто работала с такими клиентами и прекрасно понимала: легализация хранения оружия – катализатор преступности. И все-таки... Алекс жила в Нью-Гэмпшире, консервативном штате, и в данный момент она сидела перед группой республиканцев, которые боялись, что она начнет активно претворять в жизнь свои левые взгляды. Кроме того, как судья, она должна будет иметь дело с людьми из таких уголков, где охота – занятие не просто традиционно одобряемое, но жизненно необходимое.

– Если смотреть с юридической точки зрения, – сделав маленький глоток воды, сказала Алекс, – я положительно отношусь к праву граждан на хранение и ношение оружия.

– С ума сойти! – воскликнула Алекс, стоя на кухне у Лейси. – На этих сайтах, где продаются мантии, все модели рассчитаны на футбольных полузащитников с женской грудью. В представлении общественности все женщины-судьи выглядят как актриса Беа Артур.

Выглянув в коридор и задрав голову, Алекс позвала дочку, которая играла на втором этаже:

– Джози! Считаю до десяти – и мы уходим!

– Что же, выбора совсем никакого? – спросила Лейси, возвращаясь к теме судейского гардероба.

– Почему же? Выбор есть, – ответила Алекс, сложив руки на груди, – черный цвет... или черный, хлопок с полиэстером или чистый полиэстер, расклешенные рукава или присборенные. Все они ужасны. Вот бы найти что-нибудь приталенное!

– Но Вера Вонг, к сожалению, мантий не шьет, – заметила Лейси.

Алекс снова высунула голову в коридор:

– Джози! Спускайся сейчас же!

Лейси, закончив вытирать сковородку, отложила полотенце и следом за Алекс вышла из кухни:

– Питер! Маме Джози нужно домой!

Дети не отзывались.

– Наверное, спрятались где-нибудь, – предположила Лейси, поднимаясь на второй этаж.

Войдя вместе с Алекс в комнату Питера, она заглянула в шкафчики и под кровать. Потом женщины проверили ванную, комнату Джоуи и спальню. Только вернувшись на первый этаж, они расслышали голоса, доносившиеся из подвала.

– Тяжелое, – сказала Джози.

– Смотри: надо вот так, – сказал Питер.

Алекс спустилась по деревянной лестнице в столетний погреб с земляным полом и паутиной, свисающей с потолка, как рождественские гирлянды. В углу, откуда доносился шепот, за нагромождением коробок и стеллажом с банками домашнего желе стояла Джози с винтовкой в руках.

– О боже! – ахнула Алекс.

Девочка, обернувшись, направила дуло на нее. Лейси выхватила оружие:

– Где ты это взяла?

Только теперь дети, видимо, поняли, что сделали что-то не то.

– У Питера был ключ, – ответила Джози.

– Какой еще ключ?! – закричала Алекс. – От чего?!

– От сейфа, – пробормотала Лейси. – Наверное, он видел, как отец доставал винтовку, когда в прошлый раз собирался на охоту.

– Я отпускаю дочь играть в вашем доме, а у вас тут оружие кругом валяется?!

– Оно не валяется, а хранится под замком в специальном сейфе.

– Который может открыть пятилетний ребенок!

– Льюис держит патроны...

– Где?! Или, может, просто Питера спросим?

Лейси повернулась к сыну:

– Ты же знаешь, что брать винтовку нельзя! Чего ради ты полез в сейф?!

– Мама, я только хотел показать ей. Она попросила.

Джози подняла испуганное лицо:

– Ничего я не просила!

– Значит, теперь, – возмутилась Алекс, – твой сын сваливает вину на мою дочь!

– Или твоя дочь лжет, – парировала Лейси.

Они уставились друг на друга – две подруги, разделенные проступком своих детей. Лицо Алекс вспыхнуло при мысли о том, что могло бы произойти, если бы она пришла на пять минут позже. Вдруг Джози была бы ранена?! Или даже убита?! Снова и снова задавая себе этот вопрос, Алекс в то же время вспомнила то, что говорила на заседании исполнительного совета. «Кто имеет право судить?» – спросили ее. «Никто», – ответила она. Тем не менее теперь она судила. А еще Алекс сказала: «Я положительно отношусь к праву граждан на хранение и ношение оружия». Значит, она лицемерка? Или просто хорошая мать?

Лейси опустилась на колени и заглянула сыну в лицо. Алекс посмотрела на этих двоих, и в сознании как будто что-то переключилось: в одно мгновение привязанность Джози к Питеру превратилась в груз, который тянет ее вниз. Может, девочке стоит поискать других друзей? Таких, из-за которых ее не вызовут к директору? Таких, которые не вложат ей в руки винтовку?

– Думаю, нам лучше уйти, – сказала Алекс, притягивая Джози к себе.

– Я тоже так думаю, – холодно согласилась Лейси.

В отделе замороженных продуктов Джози начала хныкать:

- Не люблю горошек!
- Тебя никто и не заставляет его есть.

Алекс открыла дверцу морозильника и, почувствовав, как холодный воздух поцеловал ее в щеку, достала пакет замороженных овощей.

- Хочу «Орео»!
- Нет, «Орео» ты не получишь. Я уже купила тебе крекеры в виде зверюшек.

После того случая в доме Лейси прошла целая неделя, и все это время Джози капризничала. Конечно, Алекс не могла помешать ей общаться с Питером в школе, но и поощрять эту дружбу не собиралась, разрешая дочке приглашать его домой после уроков.

Алекс погрузила в тележку большую упаковку минеральной воды. Потом бутылку вина. Подумав, взяла еще одну.

- Ты что больше хочешь на обед? Курицу или гамбургер?
- Хочу тофурки<sup>7</sup>.
- С чего это вдруг? – засмеялась Алекс. – Где ты про них услышала?
- Лейси готовила нам их на ланч. Это так же вкусно, как хот-дог, но для здоровья полезнее.

Дождавшись своего номера на табло, Алекс подошла к мясному прилавку:

- Полфунта куриного филе, пожалуйста.
- Почему ты всегда покупаешь то, что хочешь ты, и никогда не покупаешь того, что хочу я?! – воскликнула Джози.
- Поверь мне, ты далеко не такой обездоленный ребенок, каким тебе нравится себя воображать.

- Хочу яблоко!
- Пожалуйста, – вздохнула Алекс, – можешь обойтись без «я хочу» хотя бы пару минут?

Прежде чем Алекс успела опомниться, Джози сильно ударила ее в живот, дернув ногой, свисавшей с сиденья на тележке:

- Ненавижу тебя! Ты худшая мама на свете!

Эта сцена была вдвойне неприятна Алекс, поскольку она чувствовала на себе взгляды окружающих: старушки, шупавшей дыни, продавца отдела «Фрукты-овощи», раскладывавшего на прилавке свежую брокколи. Почему дети так любят устраивать истерики на людях? Алекс натянуто улыбнулась и сквозь зубы процедила:

- Джози, успокойся.
- Я хочу, чтобы ты была как мама Питера! Хочу жить у них!

Алекс схватила Джози за плечи, отчего та мгновенно ударилась в слезы, и сердитым голосом тихо сказала:

- Ну-ка послушай меня...

Вдруг ее ухо уловило слово «судья», произнесенное отдаленным шепотом. В местной газете писали о новом назначении на судейскую должность, и люди стали узнавать Алекс по фотографии. Еще в хлебобулочном отделе у нее, как искорка, мелькнуло ощущение, будто другие покупатели смотрят ей вслед: мол, глядите, это она! Но теперь ее не просто рассматривали, ее взвешивали и оценивали. От нее ждали, что она поведет себя... рассудительно.

Отпустив плечи Джози, Алекс громко, чтобы слышали все, произнесла:

– Я знаю, ты устала. Ты хочешь домой. Но когда мы в общественном месте, нужно держать себя в руках.

Джози моргала сквозь слезы, слушая голос Разума и спрашивая себя, что это существо сделало с ее настоящей мамой, которая сейчас должна была бы рассердиться и крикнуть: «Прекрати сейчас же!» Алекс неожиданно поняла: нельзя быть судьей только в зале суда. Теперь она

<sup>7</sup> Тофурки – это соевый заменитель мяса в виде буханки или запеканки с вегетарианским белком.

судья везде: и в ресторане, и в клубе, и на вечеринке, и в магазине, где у нее внезапно может возникнуть желание придушить собственного ребенка. Алекс почувствовала себя в ловушке: ей разрешили надеть мантию, но не сказали, что снять судейское облачение будет уже нельзя. Если всю жизнь концентрироваться на том, как ты выглядишь в глазах других людей, не забудешь ли, кто ты есть на самом деле? Что, если под маской, которую ты всем выдаешь за свое лицо, окажется пустота?

Алекс толкала тележку к кассе. Разбушевавшаяся Джози к этому времени успела при-  
смиреть. Она уже не плакала, а только икала, да и то все тише.

– Ну вот, – сказала Алекс, успокаивая не столько дочь, сколько себя, – так лучше, правда?

В свой первый рабочий день в качестве судьи Алекс отправилась в город Кин. Никто, кроме секретаря, не знал, что она дебютантка. Адвокаты, конечно, слышали, что ее назначили совсем недавно, но, когда именно она вступила в должность, им известно не было. Не зная, куда деваться от волнения, Алекс три раза переделалась, хотя под мантией ее наряд все равно никто не увидел бы. Перед выходом из дома ее дважды вырвало.

Как добраться до здания суда, Алекс знала, поскольку сотни раз выступала там, еще будучи государственным защитником. В секретари ей достался сухощавый мужчина по имени Измаил: они уже встречались раньше и она произвела на него не самое благоприятное впечатление, потому что прыснула со смеху, когда он представился: «Зовите меня Измаилом». Ну а сегодня он чуть ли не упал к ее ногам, обутым в туфли на высоком каблуке:

– Добро пожаловать, Ваша честь. Вот список дел к слушанию. Я покажу вам ваш кабинет, а оттуда, когда вы будете готовы, вас проводят в зал. Я могу вам еще чем-нибудь помочь?

– Нет, – сказала Алекс. – У меня все готово.

Он ушел. В кабинете было ужасно холодно. Отрегулировав термостат, Алекс достала из портфеля мантию, надела ее и посмотрелась в зеркало в туалете, смежном с кабинетом. Выглядела она хорошо, казалась уверенной в себе. Пожалуй, только излишне смахивала на хористку.

Сев за стол, Алекс сразу вспомнила отца. «Посмотри на меня, папа», – подумала она, хотя знала, что он ее не услышит. В памяти всплыли десятки дел, которые он разбирал и о которых потом рассказывал ей за обедом. Зато Алекс не могла припомнить таких моментов, когда бы он был не судьей, а просто отцом.

Пролистав документы, необходимые для предъявления обвинений, она взглянула на часы: до начала заседания оставалось целых сорок пять минут. И зачем было приезжать так рано? Все проклятые нервы! Алекс встала, потянулась. Кабинет был таким огромным, что хоть колесом куврыкайся. Но судьям не пристало проделывать такие акробатические номера. Алекс осторожно приоткрыла дверь, и перед ней тут же материализовался Измаил.

– Чем могу быть полезен, Ваша честь?

– Хорошо бы кофе.

Измаил выказал такую прыть, что Алекс поняла: если бы она попросила его купить подарок Джози ко дню рождения, еще до обеда коробка с бантиком уже стояла бы у нее на столе. Она пошла за своим секретарем в буфет, общий для судей и адвокатов, и хотела встать в очередь к кофейнику.

– Проходите, Ваша честь, – сказала молодая женщина-адвокат, тут же уступая место судье.

Беря бумажный стакан, Алекс подумала: «Надо будет привезти сюда свою кружку и оставить в кабинете». Кружек нужно было много, потому что должность окружного судьи предполагала постоянные перемещения: Кин, Лакония, Конкорд, Нашуа, Рочестер, Милфорд, Джефффри, Питерборо, Графтон, Кус – все было расписано по дням недели. Алекс нажала на кнопку, но пустой кофейник только зашипел. Недолго думая, Алекс потянулась за фильтром, чтобы заварить новый кофе.

– Ваша честь, вы не должны этого делать, – сказала все та же девушка-адвокат, смущенная неподобающим поведением судьи, и, забрав у нее фильтр, принялась за дело сама.

Алекс стояла и смотрела, спрашивая себя, назовут ли ее когда-нибудь по имени или теперь она бесповоротно переименована в «Вашу честь». Наверное, даже если к ее обуви приклеится кусок туалетной бумаги или шпинат застрянет у нее между зубами, никому не хватит духу сказать ей об этом. Странно было, с одной стороны, постоянно чувствовать на себе пристальные взгляды, а с другой – знать: если что-то будет не в порядке, никто не отважится тебе на это указать.

Адвокат принесла Алекс свежесваренный кофе:

– Я не знала, какой вы любите, Ваша честь, – сказала она, кладя на стол пакетики сахара и сливки в порционной упаковке.

Поблагодарив, Алекс протянула руку к чашке, но задела ее широким рукавом мантии. Кофе разлился. «Спокойно!» – мысленно сказала Алекс сама себе.

– О господи! – воскликнула адвокат. – Прошу прощения!

«За что ты просишь прощения, если чашку опрокинула я?» – подумала Алекс и, пока девушка вытирала лужу салфетками, сняла мантию. В какой-то момент у нее мелькнула мысль: а не раздеться ли совсем, до лифчика и трусов, чтобы прошествовать по зданию суда, как голый король из сказки? Если спрашивать людей: «Мое судейское облачение прекрасно, не правда ли?» – все наверняка будут отвечать: «О да, Ваша честь!»

Сполоснув рукав в раковине и высушив его, Алекс повесила мантию через руку и направилась было в свой кабинет, но перспектива просидеть там в одиночестве еще полчаса показалась ей слишком угнетающей, и она решила прогуляться по зданию, заходя даже туда, куда ей раньше не приходило в голову заглянуть. Спустившись на технический этаж, она увидела женщину в зеленом комбинезоне, которая курила снаружи, за открытой дверью служебного входа. Асфальт, покрытый изморозью, искрился, как будто его посыпали стеклянной крошкой. Обхватив себя обеими руками (кто бы мог подумать, что где-то еще холоднее, чем в ее кабинете), Алекс кивнула:

– Привет.

– Привет, – ответила женщина, выдохнув струю дыма. – Не видела тебя здесь раньше. Как звать?

– Алекс.

– Я Лиз. Отдел техобслуживания в одном лице. – Женщина улыбнулась. – А ты кем работаешь?

Алекс принялась рыться в кармане в поисках коробочки «Тик-така». Не то чтобы ей уж очень хотелось пососать мятное драже. Просто она тянула время до того момента, когда разговор заглохнет сам собой.

– Я... э-э-э... судья.

Лиз тут же изменилась в лице и сделала шаг назад.

– Понимаешь, я не хотела этого говорить, потому что мы так хорошо разговаривали. Здесь со мной больше никто нормально не разговаривает, и поэтому... поэтому мне стало слегка одиноко. – Подумав, Алекс добавила: – Может, ты забудешь, что я судья?

Лиз загасила сигарету ботинком:

– Посмотрим.

Алекс, кивнув, перевернула над раскрытой ладонью коробочку с драже. Конфетки музыкально застучали о пластик.

– Будешь «Тик-так»?

Через секунду Лиз протянула руку и улыбнулась:

– Почему бы и нет, Алекс.

В последнее время Питер приобрел привычку бродить по дому, как привидение. Гулять ему запретили – по той же причине, по которой Джоуи больше не приходила в гости, хотя раньше они три-четыре раза в неделю встречались после уроков. Джоуи отказывался играть с Питером, потому что если не занимался в футбольной секции, то резался в компьютерную игру, где надо было очень быстро проехать по трассе, изогнутой, как скрепка. Никакой из этих двух способов проведения досуга не предполагал участия младшего брата.

Однажды вечером, после обеда, Питер услышал шорох в подвале. Он еще ни разу не был там после того случая с Джоуи и винтовкой, но теперь его, как мотылька, привлек свет, горевший над отцовским верстаком. Сам отец сидел на высоком табурете, положив перед собой ту винтовку, которая навлекла на Питера такие неприятности.

– Тебе разве не пора готовиться ко сну?

– Я не устал, – ответил Питер, глядя, как отцовские руки скользят по лебединой шее винтовки.

– Красивая, правда? Это «Ремингтон-721», под патрон 7,62 ´ 63 миллиметра. – Отец повернулся к Питеру: – Хочешь помочь мне ее почистить?

Питер бросил взгляд на лестницу, опасаясь, как бы мама, мывшая на кухне посуду, не спустилась.

– Я думаю, Питер, что раз уж ты интересуешься оружием, тебе надо научиться уважительно относиться к нему. Лучше перестраховаться, чем потом пожалеть. Даже твоя мама с этим не поспорит. – Отец бережно, как ребенка, взял винтовку к себе на колени. – Ружье – это очень-очень опасная вещь. Но оно потому настолько опасно, что многие люди не понимают, как оно работает. А когда поймешь, оно превращается в обычный инструмент наподобие молотка или отвертки. Ничего не произойдет, пока ты не возьмешь его в руки и не применишь как полагается. Понимаешь?

Питер не понимал, но сообщать об этом отцу было не обязательно. Сейчас он, Питер, узнает, как устроено настоящее ружье! Никто из этих придурков в классе не мог похвастаться таким достижением!

– Сначала нужно открыть затвор – вот так – и убедиться, что в стволе нет патрона. Посмотри глубже, в магазин. Видишь патроны? – (Питер помотал головой.) – Проверь еще раз. Это никогда не помешает. Теперь погляди на эту маленькую кнопочку под ствольной коробкой, нажми на нее, и вынешь затвор полностью.

Отец легко снял большую серебристую штуковину, соединявшую приклад со стволом, взял с верстака бутылку с растворителем «Хопс-9» (Питер сумел прочесть надпись на этикетке) и капнул на чистую тряпочку.

– С охотой, Питер, ничто не сравнится. Идти по лесу, когда весь мир еще спит, видеть оленя, который поднимает голову и смотрит прямо на тебя...

От запаха растворителя у Питера закружилась голова. Отец принялся тереть тряпочкой затвор:

– Почему бы тебе не попробовать?

Питер разинул рот: неужели после случая с Джоуи ему предлагают взять в руки настоящее ружье? Получается, под отцовским присмотром можно? Или это проверка и, если он согласится, его накажут? Он осторожно потянулся к винтовке и, как и в прошлый раз, удивился ее тяжести. У Джоуи в компьютерной игре «Big Buck Hunter» персонажи размахивали ружьями так, будто те ничего не весят.

Нет, никакого подвоха не было: папа действительно хотел, чтобы он, Питер, ему помог. Отец взял другую жестянку, с ружейным маслом, и снова капнул на чистую тряпочку:

– Протираем затвор и капаем чуть-чуть на ударник... Хочешь узнать, как «ремингтон» работает? Вот смотри. – Он указал на крошечное острие бойка в круглом торце затвора. – Там внутри большая пружина. Спусковой крючок, когда ты на него нажимаешь, отпускает ее,

она выталкивает ударник вот настолько. – Отец большим и указательным пальцем показал крошечную долю дюйма. – Боек ударяет в торец латунной гильзы и накаливает маленькую серебристую штучку, которая называется «капсюль». Капсюль поджигает пороховой заряд. Вот патрон: видишь, как он сужается к концу? Этот узкий конец и есть собственно пуля. И когда порох горит, создается давление, которое эту пулю выталкивает. – Отец забрал у Питера затвор, покрыл тонким слоем смазки и отложил. – Теперь посмотри на ствол. – Он взял ружье так, будто собирался стрелять в лампочку, свисавшую с потолка. – Что видишь?

Питер заглянул в ствол со стороны затвора:

– Похоже на макаронины, которые мама варит на обед.

– Ты имеешь в виду ротины – те, которые как спиральки? Да, верно. Нарезы тоже вьются внутри ствола спиралевидно. Эти углубления заставляют пулю вращаться наподобие крученого мяча.

На заднем дворе, когда они с отцом и братом играли в футбол, Питер пробовал освоить крученую подачу, но то ли руки у него были слишком маленькие, то ли мяч слишком большой... В общем, ничего не получалось.

– Если пуля вращается, она летит прямо, никуда не отклоняясь. – Отец взял длинный металлический прут с отверстием вроде игольного ушка на конце, просунул в это ушко клочок ветоши и капнул немного растворителя. – Порох оставляет в стволе грязь. Сейчас мы ее уберем.

Он просунул стержень в ствол и стал двигать им вверх-вниз, как будто сбивал масло. Достав почерневшую тряпочку, Льюис заменил ее на новую и так несколько раз, пока лоскут не вышел из дула чистым.

– Когда я был в твоём возрасте, мой отец тоже учил меня всему этому. Однажды мы с тобой пойдем на охоту.

Питер чуть с ума не сошел от радости. Он, не умеющий ни обращаться с мячом, ни хотя бы хорошо плавать, пойдет с отцом на охоту, а Джоуи останется дома! Интересно, а сколько нужно ждать? До чего же это будет круто – делать что-то с папой вдвоем!

– Посмотри-ка в ствол еще раз, – сказал отец.

Питер заглянул в дуло.

– Господи, да не так же! Не с того конца! – Отец перевернул ружье. – Даже когда затвор вынут и никакой опасности нет, в дуло смотреть нельзя. Никогда не направляй оружие на того, кого ты не хочешь убивать.

Питер заглянул в ствол со стороны основания и увидел идеальную чистоту, ослепительное сияние металла. Протерев тряпочкой и наружную поверхность тоже, отец сказал:

– Теперь выжми спуск.

Питер остолбенел.

– Жми, – повторил отец. – Это безопасно. Это нужно, чтобы собрать ружье.

Питер нерешительно положил палец на металлический полумесяц и потянул его на себя. Затворная задержка отошла, и отец вставил затвор на место.

– Оружия боится тот, кто его не знает, – сказал он, возвращая винтовку в сейф и поворачивая ключ в замке. – Для того, кто умеет с ним обращаться, оно не опасно.

Питер понял, что отец пытался до него донести. Винтовка утратила в его глазах ту таинственность, под влиянием которой он выкрал ключ из отцовского бельевого ящика, чтобы удивить Джоуи. Теперь, увидев ружье разобранным и собранным снова, он понял: это просто механизм, совокупность подогнанных друг к другу металлических частей – не больше и не меньше. Ружье ничто без человека, в чьих руках оно находится.

*Разница между людьми, которые верят в судьбу и которые не верят в нее, заключается в том, кого они винят, когда происходит что-нибудь плохое. Одни списывают все на обстоя-*

тельства, а другие думают: «Если бы я приложил больше усилий или если бы я не совершил ошибку, этого бы не произошло».

Когда кто-нибудь умирает, одни говорят, что такова Божья воля, а другие, что бедняге не повезло. А вот мой любимый вариант ответа: «Он оказался не в том месте не в то время».

Обо мне тоже можно так сказать, правда?

## День спустя

Когда Питеру было пять лет, ему на Рождество подарили рыбку – японскую бойцовую с вуалевидным хвостом, похожим на платье кинозвезды. Питер назвал свою питомицу Росомахой и часами любовался ею: чешуей, которая мерцала, как лунный свет, глазками-блестками... Но через несколько дней он начал задумываться о том, каково это – всю жизнь прожить в одном аквариуме. Он спрашивал себя, почему, проплывая мимо пластикового растения, Росомаха всегда как бы зависает в воде? Ей каждый раз видится что-то новое в колыхании этих водорослей или таким образом она отмечает начало нового круга?

Питер стал просыпаться среди ночи, чтобы проверить, спит ли рыбка, но она все время плавала. Он пытался представить себе, что она видит. Возможно, когда он приближался к ней, его глаза, увеличенные толстым стеклом аквариума, выглядели как два солнца. В церкви пастор Рон говорил, что Бог смотрит на нас всех сверху. Может быть, он сам, Питер, был для Росомахи кем-то вроде бога?

Сейчас, в графтонской тюрьме, он попытался вспомнить, что стало с его рыбкой. Скорее всего, она умерла. Может быть, он слишком долго на нее смотрел. Питер поднял глаза на камеру, установленную в углу под потолком: она равнодушно мигала. Эти люди, кто бы они ни были, не хотели допустить, чтобы он покончил с собой прежде, чем его публично распнут. Не случайно в этих четырех стенах не было ни подушки, ни койки, ни хотя бы матраса. Только жесткая скамья и тупая видеокамера.

Но может, так даже лучше. И уж точно хорошо, что в соседних камерах вроде бы никого не было. Питер похолодел от страха, когда полицейская машина подъехала к зданию тюрьмы. Он смотрел телевизор и знал, что происходит в таких местах. Пока его оформляли и досматривали, он крепко стискивал челюсти – не от избытка крутизны, а из боязни заплакать.

Раздался лязг металла, словно из ножен вынули меч, потом послышались шаги. Питер не пошевелился: остался сидеть, сгорбив спину и зажав руки между колен. Ему казалось, что он будет выглядеть совсем жалким, если выкажет волнение. Скрывать свои чувства – это он умел очень хорошо. Наловчился за двенадцать лет.

– К вам посетитель, – сказал охранник, открывая дверь.

Питер медленно поднялся, посмотрел в объектив камеры и пошел за охранником по серому щербатому коридору. Можно ли сбежать из этой тюрьмы? Что, если, как в видеоигре, вырубить ногой сначала этого охранника, потом следующего и так далее, пока не вырвешься наружу и не вдохнешь свежего воздуха, запах которого он уже начал забывать? Или придется провести здесь всю оставшуюся жизнь?

Питер вдруг вспомнил, что произошло с его рыбкой: насмотревшись передач о защите животных, он смыл ее в унитаз. По его представлениям, канализационные трубы вели прямо в огромный океан вроде того, на берегу которого он с родителями и братом отдыхал летом. Оказавшись на воле, Росомаха могла вернуться в Японию и разыскать там своих родственников. Потом Питер по секрету рассказал об этом Джоуи, и тот объяснил ему, что он не освободил свою рыбку, а убил ее.

Охранник остановился перед дверью с надписью «Комната свиданий». Питер понятия не имел, кто мог к нему прийти, кроме родителей. Их он пока видеть не хотел. Они начнут задавать вопросы, на которые он не сможет ответить. Вроде того, как можно вечером уложить сына в постель и подоткнуть ему одеяло, а наутро не узнать его. Уж лучше, пожалуй, вернуться в свою клетку, где камера пляшет с потолка, но хотя бы не судит.

– Сюда, – сказал охранник, открывая дверь.

Питер сделал судорожный вдох, думая о том, как почувствовала себя его рыбка, когда вместо прохладного синего моря, о котором мечтала, оказалась в дерьме.

Джордан вошел в здание тюрьмы округа Графтон и остановился возле пропускного пункта. Чтобы он мог встретиться с Питером Хоутоном, полицейский, сидевший по другую сторону перегородки из органического стекла, должен был зарегистрировать его и выдать ему удостоверение посетителя. Написав свое имя, Джордан хотел просунуть журнал в предназначенную для этого щель, но заметил, что за стеклом никого нет: полицейские (их было двое) сидели перед маленьким черно-белым телевизором, который, как и все телевизоры планеты, показывал репортаж о трагедии в старшей школе Стерлинга.

– Добрый день, – произнес Джордан, но никто не обернулся.

– Когда началась стрельба, – рассказывал журналист, – Эд Маккейб, который вел урок математики в девятом классе, выглянул в коридор и встал между своими учениками и стрелявшим.

На зернистом экране появилось лицо плачущей женщины и надпись: «Джоан Маккейб, сестра погибшего».

– Эд любил детей, – говорила она, всхлипывая. – Все семь лет, что он проработал в школе, Эд заботился о своих учениках. Вот и в последнюю минуту своей жизни он пытался их защитить.

Джордан переступил с ноги на ногу:

– Извините...

– Сейчас, приятель, – отозвался один из полицейских и, не глядя, махнул рукой в его сторону.

По телевизору снова показали репортера: он стоял на фоне унылой коробки школьного здания, ветер раздувал его волосы, как парус.

– Эд Маккейб запомнился коллегам как человек, преданный своему делу, который никогда не жалел ни сил, ни времени, чтобы помочь ученику. При этом он любил активный отдых и часто говорил в учительской о походе на Аляску. Это была его мечта. Мечта, – выразительно повторил репортер, – которая, увы, уже никогда не сбудется.

Джордан с такой силой пропихнул журнал в щель, что тот упал на пол. Оба полицейских тут же обернулись.

– Я пришел на встречу с клиентом, – сказал адвокат.

За девятнадцать лет работы в колледже Льюис Хоутон ни разу не пропустил лекцию. Сегодня он сделал это впервые. Когда Лейси позвонила ему, он убежал в такой спешке, что даже не повесил записки на дверь аудитории. Теперь он представлял себе, как студенты ждут его, держа ручки наготове, чтобы ловить каждое слово, которое он произнесет. До нынешнего момента все, что он говорил, считалось безупречным...

Какое слово, какая банальность, какое замечание, сделанное им, довело Питера до такого?

Какое слово, какая банальность, какое замечание могло бы остановить Питера?

Они с Лейси сидели у себя на заднем дворе, ожидая, когда полицейские покинут их дом. Строго говоря, один из них уже ушел, но, скорее всего, только затем, чтобы получить какую-нибудь новую санкцию. Льюису и Лейси не разрешили присутствовать во время обыска. Сначала они стояли перед домом и смотрели, как оттуда выносят мешки и коробки с вещами. Некоторые из них: компьютеры и книги Питера – Льюис ожидал увидеть, а некоторые нет: например, теннисную ракетку и огромную упаковку водостойких спичек.

– Что же нам теперь делать? – пробормотала Лейси.

Льюис покачал головой, не в силах выдать из себя ни слова. Как-то для одной из своих статей о цене счастья он опрашивал пожилых людей, склонных к суициду. «А чего ждать от жизни?» – говорили они. Тогда он, Льюис, не понимал, что такое полная безнадежность. Ему

казалось, будто мир не может стать настолько мрачным, чтобы человек не видел хотя бы какого-нибудь способа улучшить ситуацию.

– Мы ничего не можем сделать, – сказал Льюис, и теперь он действительно так думал.

Полицейский вынес стопку комиксов, которые Питер читал в детстве. Когда Льюис причался с работы, Лейси, мерившая шагами подъездную дорожку, бросилась ему на шею.

– Почему? – заплакала она. – Почему?

В этом вопросе заключалась целая тысяча вопросов, и ни на один из них Льюис не знал ответа. Обняв жену, как спасительный плот посреди бурного потока, он вдруг заметил соседа напротив, который выглянул из-за своей занавески. Тогда они с Лейси перешли на задний двор и сели на скамейку-качели, стоявшую на талом снегу в окружении голых деревьев. Льюис сидел совершенно неподвижно: его губы и пальцы онемели от холода и от шока.

– Думаешь, – прошептала Лейси, – это наша вина?

Он посмотрел на жену, поражаясь ее мужеству: она произнесла вслух то, о чем он сам боялся даже подумать. Но что теперь им оставалось сказать друг другу? Совершенно преступление, в котором замешан их сын. Спорить с фактами бесполезно. Можно только менять линзы, сквозь которые смотришь на них. Льюис уронил голову:

– Не знаю.

Где следовало начинать искать причину? Может, когда Питер был маленьким, Лейси слишком часто брала его на руки? Может, Льюис напрасно смеялся, когда Питер падал? Но ведь он делал это для того, чтобы малыш видел, что ничего страшного не произошло, и не плакал. Может, нужно было тщательнее проверять книги, которые сын читает, фильмы и передачи, которые смотрит? Или строгий контроль привел бы к тем же результатам? А может, они двое, Лейси и Льюис, – просто неудачная комбинация? Если воспринимать ребенка как спортивное достижение, тогда их пара потерпела фиаско. Дважды.

Лейси молча разглядывала кирпичный узор под ногами. Льюис вспомнил, как мостил это патио: сам выравнивал песок и выкладывал кирпичи. Питер хотел помочь, но Льюис не разрешил: «Кирпичи тяжелые, еще уронишь себе на ногу!» Может, нужно было меньше оберегать сына? Если бы он сам знал, что такое боль, то не причинил бы ее другим?

– Как звали мать Гитлера? – спросила Лейси.

– Что?

– Она была ужасной женщиной?

Льюис обнял жену:

– Не нужно мучить себя такими сравнениями.

Она уткнулась лицом ему в плечо:

– Теперь все будут это делать.

На долю секунды Льюис позволил себе поверить, что произошла ошибка, что его сын ни в кого не стрелял. В каком-то смысле это действительно был не Питер. Вернее, тот, кто открыл стрельбу на глазах у сотен свидетелей, не был тем мальчиком, который накануне перед сном разговаривал со своим отцом. Речь шла о машине Питера. «До конца месяца ты должен пройти техосмотр», – напомнил Льюис. – «Да, я уже подал заявку».

Получается, это тоже была ложь?

– Адвокат... – начала Лейси.

– Он обещал позвонить.

– Ты сказал ему, что у Питера аллергия на моллюсков? Если он съест...

– Сказал, – ответил Льюис, хотя на самом деле не говорил.

Он представил себе Питера в одиночной камере графтонской тюрьмы – они каждое лето проезжали мимо этого здания по дороге в Хаверхилл на ярмарку. Он подумал о Питере, который на второй день запросился из детского лагеря домой. Он подумал о сыне, который остался его сыном даже после того, как совершил ужасное – настолько ужасное, что он, Льюис, больше

не мог закрыть глаза и не увидеть самых страшных на свете вещей. Вдруг ему стало трудно дышать, собственные ребра как будто сдавили легкие.

– Льюис? – Чуть отстранившись, Лейси заметила, как он глотает воздух. – Все в порядке?

Он кивнул, улыбнулся, но ничего не смог сказать.

– Мистер Хоутон? – (Они оба подняли глаза и увидели стоящего перед ними полицейского.) – Сэр, прошу вас ненадолго пройти со мной.

Лейси тоже встала, но Льюис ее отстранил. Он не знал, куда этот коп ведет его и что собирается показать. Вероятно, жене лучше было не видеть этого. Льюис прошел следом за полицейским в собственный дом, где люди в белых перчатках перерывали кухонные шкафы и полки кладовой. Поняв, что его ведут в подвал, Льюис покрылся испариной. Значит, дело было в том, о чем он так упорно старался не думать с тех самых пор, как Лейси ему позвонила.

В подвале уже стоял другой полицейский, заслонявший Льюису поле зрения. Здесь, внизу, было холоднее, чем в жилой части дома, но Льюис продолжал потеть. Ему даже пришлось промокнуть лоб рукавом.

– Эти винтовки, – спросил полицейский, – принадлежат вам?

– Да, я охочусь, – сглотнув, ответил Льюис.

– Скажите, мистер Хоутон, все ли ваше оружие на месте?

Полицейский сделал шаг в сторону, чтобы Льюис мог увидеть содержимое сейфа через стеклянную дверцу. Три винтовки стояли у стенки ящика, как девушки, которых никто не приглашает танцевать. Двух не хватало. У Льюиса подкосились ноги. До сих пор он позволял себе не вполне верить тем ужасам, которые люди говорили о Питере. Позволял себе надеяться, что произошел какой-то кошмарный несчастный случай. Теперь он начал испытывать чувство вины.

Льюис посмотрел полицейскому прямо в лицо, не выдавая своих эмоций, и подумал: «Этому я научился у сына».

– Нет, – сказал он, – не все.

Первое неписаное правило адвоката гласит: веди себя так, будто все знаешь, даже если на самом деле не знаешь ничего. Когда берешься защищать неизвестного тебе человека, у которого, возможно, есть все шансы быть оправданным, а возможно, и никаких, ты должен держаться с ним бесстрастно и вместе с тем произвести на него впечатление. Нужно сразу же установить рамки: босс здесь я, поэтому ты будешь говорить только то, что я хочу услышать.

Джордан уже сто раз успел побывать в такой ситуации. Сто раз он сидел в этой самой комнате свиданий, ожидая, когда появится его новый временный источник дохода. Казалось, он все здесь видел, никто и ничто его больше не удивит. Потому-то он и был так поражен, когда Питеру Хоутону это удалось. Количество убитых и раненых, ужас на лицах свидетелей, дававших интервью тележурналистам, – принимая во внимание все это, он, опытный адвокат, рассчитывал увидеть кого угодно, только не тощего веснушчатого очкарика.

Преодолев первоначальную растерянность, Джордан подумал: «Это можно обернуть в пользу подзащитного».

– Здравствуйте, Питер, – сказал он. – Меня зовут Джордан Макафи, я адвокат. Ваши родители наняли меня, чтобы вас защищать.

Ответа не последовало.

– Садитесь.

Мальчик остался стоять.

– Ну, если не хотите, то и не садитесь. – Джордан, приняв деловой вид, посмотрел на Питера. – Завтра вам предъявят обвинение. Шансов на освобождение под залог нет. Завтра, перед тем как вас повезут в суд, у нас будет возможность ознакомиться с пунктами обвине-

ния. – Помолчав, чтобы Питер переварил информацию, адвокат продолжил: – С этой минуты вы не один. Я буду вас поддерживать.

Может быть, Джордану это только показалось, но два последних предложения как будто бы зажгли в глазах его подзащитного какую-то искру, которая, однако, мгновенно погасла. Питер безучастно уставился в пол.

– Ну хорошо, – сказал Джордан, вставая. – Вопросы есть?

Вопросов, как и следовало ожидать, не оказалось. «Общаться с таким „разговорчивым“ клиентом то же самое, что болтать с кем-нибудь из его наименее удачливых жертв. А может, он тоже жертва», – подумал Джордан, поймав себя на том, что его мысли стали чертовски похожи на мысли жены.

– Увидимся завтра.

Он уже постучал в дверь, чтобы охранник увел мальчика, когда тот вдруг заговорил.

– Скольких я убил? – спросил он.

Джордан, уже взявшийся за дверную ручку, на секунду замер. Потом, не поворачиваясь к клиенту, повторил:

– До завтра.

Доктор Эрвин Пибоди жил на другом берегу реки, в Норвиче, штат Вермонт, и по совместительству преподавал психологию в колледже Стерлинга. Шесть лет назад в соавторстве с несколькими другими исследователями он опубликовал работу на тему насилия в школе. Это было для него просто академическим экзерсисом, о котором он уже почти забыл. Тем не менее филиал компании Эн-би-си в Берлингтоне пригласил Пибоди принять участие в утренней новостной передаче, которую он сам иногда смотрел, пока ел хлопья с молоком, – смотрел исключительно для того, чтобы посмеяться над ошибками безграмотных дикторов. Но когда продюсер сказал: «Мы ищем кого-нибудь, кто может проанализировать ситуацию с психологической точки зрения», Эрвин тут же ответил: «Я к вашим услугам».

– На какие тревожные признаки родителям следует обращать внимание? – спросил ведущий.

– Тревожные признаки? – повторил Эрвин. – Ну, во-первых, молодые люди, склонные к насилию, часто сторонятся своих сверстников и вообще держатся обособленно. Во-вторых, они могут говорить о желании причинить вред себе или другим. В школе у них, как правило, плохо с учебой или их подвергают дисциплинарным взысканиям. Им недостает общения с кем-нибудь, кто помог бы им ощутить собственную значимость.

Эрвин понимал: телевизионщики хотят услышать от него не научные факты, а нечто успокаивающее. Весь Стерлинг, да и весь мир предпочитает думать, будто ребят вроде Питера Хоутона можно распознать. Как если бы способность однажды превратиться в убийцу была родимым пятном на видном месте.

– Значит, можно составить обобщенный психологический портрет школьника, склонного к насилию? – подсказал ведущий.

Эрвин посмотрел в камеру, прекрасно осознавая, что если он сейчас скажет, будто потенциальные убийцы одеваются в черное, слушают странную музыку и отличаются раздражительностью, то под это описание подпадет каждый второй подросток мужского пола. Эрвин знал и то, что человек с серьезным психическим расстройством, захотев пролить свою или чужую кровь, скорее всего, преуспеет в этом. Но, будучи психологом, он понимал и другое: на него смотрят тысячи, если не миллионы глаз, а ему неплохо бы получить должность в Стерлинге. Немного саморекламы не помешает.

– Да, можно, – ответил он.

В семье Хоутон порядок в доме перед сном наводил Льюис: загружал посудомоечную машину, запирали входную дверь и выключал свет, затем поднимался на второй этаж. Лейси обычно уже лежала в постели с книжкой, если ее не вызывали в больницу принимать роды. По пути в свою спальню Льюис заглядывал к сыну, чтобы сказать: «Выключай компьютер и ложись».

Вот и сейчас ноги будто бы сами собой привели его к комнате Питера, в которой полиция во время обыска учинила полный разгром. Может, стоит аккуратно сложить оставшиеся книги и вернуть в выдвижные ящики содержимое, вышвырнутое на ковер? Нет, сейчас это ни к чему. Льюис тихо закрыл дверь.

Лейси не оказалось ни в спальне, ни в ванной. Льюис прислушался. Откуда-то снизу доносились приглушенные голоса. Он снова спустился на первый этаж. С кем же Лейси могла разговаривать в двенадцать часов ночи?

В темном кабинете экран телевизора горел мистическим зеленоватым светом. Этот телевизор так редко включали, что Льюис и забыл про него. Взглянув на привычную бегущую строку срочных новостей Си-эн-эн, он подумал: «А ведь до теракта 11 сентября ее не было. Это с тех пор люди так напуганы, что им каждую секунду нужно быть в курсе происходящего в мире». Лейси сидела на ковре и слушала ведущего, который говорил:

– На данный момент у нас мало информации о том, какое оружие использовал преступник и каким образом он им завладел.

– Лейси, – сглотнув, позвал жену Льюис, – Лейси, идем спать.

Она не шелохнулась, словно не слышала его. Он подошел, дотронулся до ее плеча и выключил телевизор. Прежде чем картинка исчезла, диктор успел сказать:

– По предварительным данным, у стрелявшего было два пистолета.

Лейси повернулась к Льюису, и ее глаза напомнили ему небо в иллюминаторе самолета – бесконечное серое пространство, на которое смотришь и тебе кажется, что ты можешь быть где угодно, или нигде, или везде сразу.

– Они говорят о нем как о взрослом, – сказала Лейси, – а ведь он еще мальчик.

– Лейси, – повторил Льюис.

Она встала и обняла его, как будто принимая приглашение на танец.

В больнице, если внимательно слушать, можно услышать правду. Когда ты лежишь неподвижно, притворяясь спящей, медсестры шепчутся над твоей кроватью. Полицейские обсуждают свои тайны в коридоре. Врачи заходят к тебе в палату, разговаривая о состоянии другого пациента.

Джози мысленно составляла список раненых, вспоминая, когда и где она в последний раз видела каждого из них и далеко ли от нее они находились в роковой для себя момент. Сейчас здесь, в больнице, был Дрю Жирар, который поймал их с Мэттом в коридоре и предупредил о том, что Питер Хоутон открыл стрельбу. Здесь была Эмма, сидевшая в кафетерии через три стула от Джози. И Трей Маккензи, футболист, известный своими домашними вечеринками. И Джон Эберхард, который в тот день съел у Джози ее картошку фри. И Мин Хорука, приехавший по обмену из Токио; в прошлом году, когда они учились преодолевать препятствия по канату, Мин спяну написал в открытое окно машины директора. И Натали Зленко, стоявшая в очереди перед Джози. И мисс Ритолли с тренером Спирсом, у которых Джози училась в прошлом году. И Хейли Уивер с Брейди Прайсом – золотая парочка выпускников.

Были здесь и те, кого Джози знала только по именам: Майкл Бич, Стив Бабуриас, Анджела Флюг, Остин Прокиов, Алисса Карр, Джаред Вайнер, Ричард Хикс, Джада Найт, Зои Паттерсон. Со всеми этими почти неизвестными ей людьми Джози была теперь связана навсегда.

Разузнать имена погибших оказалось труднее. Их произносили так тихо, будто те, кому повезло чуть больше и кто теперь занимал больничные койки, могли заразиться смертью. Поговаривали, что убиты мистер Маккейб и школьный наркотореклер Тоуфер Макфи. Чтобы как-то собрать крупницы информации воедино, Джози пыталась смотреть новостные передачи, в которых сутками напролет только и говорили что о стрельбе в старшей школе Стерлинга. Но мама всегда появлялась не вовремя и выключала телевизор. Погибли десять человек – больше ничего выяснить не удалось.

Одним из погибших был Мэтт.

Каждый раз, когда Джози об этом думала, с ее телом что-то происходило. Она переставала дышать. Слова, словно камень, застревали в горле. Благодаря успокоительным средствам многое из того, что Джози припоминала, казалось ей ненастоящим. Она словно бы шла по зыбкой почве ночного кошмара. Но стоило ей подумать о Мэтте, все становилось слишком реальным и слишком болезненным.

Она никогда больше не поцелует Мэтта.

Она никогда больше не услышит его смеха.

Она никогда больше не почувствует на своей талии его руку и не прочтет записку, которую он обычно просовывал в ее шкафчик в раздевалке. Никогда больше ее сердце не забьется от его прикосновения, как в те моменты, когда он расстегивал ей блузку. Она помнила только половину из того, о чем знала. Произошедшее не только раскололо жизнь Джози на «до» и «после», но и отняло у нее определенные способности: не плакать хотя бы в течение часа, не испытывать тошноты при виде красного цвета, выстраивать скелет правды из голых костей памяти. Теперь, после смерти Мэтта, это казалось почти кошунством – вспоминать о ком-то или о чем-то, кроме него.

Поэтому Джози, как пьяная, ходила по кругу связанных с ним воспоминаний: от смутных картин, предшествовавших катастрофе, к самым ужасным моментам и обратно. Ей постоянно вспоминалась строчка из «Ромео и Джульетты», которая так бесила ее в девятом классе. «Здесь поселюсь я, в обществе червей, твоих служанок новых»<sup>8</sup>, – говорит Ромео над телом Джульетты в склепе Капулетти. Прах к праху... Но ведь человек обращается в прах не сразу... Ночью, когда возле нее никого не было, Джози принялась думать о том, сколько времени должно пройти, прежде чем истлеют кожа и мясо, что происходит с глазами и похож ли еще Мэтт на самого себя или уже нет... На ее крик сбегались врачи и медсестры, вкололи ей успокоительное, а она все спрашивала себя: если отдать кому-нибудь свое сердце и этот человек умрет, ты так и будешь всю оставшуюся жизнь ходить с незаделанной дырой в груди?

Дверь палаты открылась, вошла мама.

– Ну? – произнесла она, и фальшивая улыбка разделила ее лицо, как экватор. – Готова?

Было всего семь утра, но Джози уже выписали. Она кивнула матери, которую теперь почти ненавидела за то, что та стала такой заботливой – не слишком ли поздно. Неужели без этого кровавого ужаса нельзя было понять, что между ними нет совершенно никаких отношений? Мать постоянно говорила: «Я всегда тебя выслушаю, если захочешь поговорить». Какая нелепость! Во-первых, Джози не хотела говорить, во-вторых, если бы даже и захотела, то уж точно не с мамой. Мама не поняла бы ее, да и никто бы не понял, кроме ребят, которые лежали в соседних палатах. Просто какое-то убийство на улице – это было бы страшно. Но произошло то, что страшнее страшного, причем там, куда Джози, хочет она того или нет, придется вернуться.

На ней была не та одежда, в которой она была в школе. Та непостижимым образом исчезла. Никто ни в чем не признавался, но Джози предполагала, что джемпер и джинсы

---

<sup>8</sup> У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт V, сцена 3. Пер. Б. Пастернака.

забрызганы кровью Мэтта. В таком случае их действительно следовало выбросить: сколько ни стирай, сколько отбеливателя ни лей, Джози все равно видела бы пятна.

Голова все еще болела от ушиба. Потеряв сознание, Джози упала и рассекла себе висок. Швы решили не накладывать, но врачи все же настояли на том, чтобы она провела ночь под их присмотром. «Зачем? – думала Джози. – На случай удара? Тромба? Суицида?»

Как только она встала, мать подскочила к ней и обняла, чтобы поддержать. Это заставило ее вспомнить, как летом они с Мэттом гуляли по улицам, засунув руки в задние карманы джинсов друг друга.

– Джози! – протянула мама, заметив, что дочь опять плачет; в последнее время слез было столько, что и не разберешь, когда они начинают капать, а когда перестают. – Вернемся домой, – мама достала из сумочки бумажный платок, – и тебе станет лучше. Вот увидишь.

Надо полагать. Уж хуже-то точно быть не может. Тем не менее Джози состроила гримасу, которая, если не приглядываться, могла сойти за улыбку. Она знала: маме сейчас это нужно. Пройдя пятнадцать шагов от кровати до двери палаты, Джози оказалась в коридоре, где одна из медсестер сказала ей:

– Береги себя, милая!

Другая – она давала Джози сосать ледяное драже и нравилась ей больше всех – улыбнулась:

– Не попадай к нам больше!

Джози медленно побрела к лифту, который с каждым шагом как будто все сильнее удалялся от нее. Проходя мимо одной из палат, она прочла на двери знакомое имя: «Хейли Уивер». Хейли училась в выпускном классе и уже два года считалась королевой школы. Джози надеялась, что скоро они с Мэттом унаследуют титул звездной пары от Хейли и ее парня Брейди. В том, что эти двое встречаются, была некая справедливость, очевидная даже для девчонок, которые сами засматривались на туманную улыбку и скульптурный торс Брейди. Уж очень Хейли, первая красавица школы, ему подходила. Голубоглазая, с белокурыми локонами, которые струились водопадом, она всегда напоминала Джози фею из сказки – чудесное безмятежное существо, спустившееся на землю, чтобы исполнять чьи-то желания.

О них рассказывали многое: что Брейди, как футболисту, несколько колледжей предлагали стипендию, но он отказывался ехать туда, где нет искусствоведческой программы для Хейли; что она сделала себе тату с его инициалами в интимном месте; что перед первым свиданием он усыпал пассажирское сиденье своей «хонды» лепестками роз. Джози вращалась с Хейли в одной компании и знала: все это в основном чепуха. Хейли сама призналась, что татушка временная и на сиденье были не лепестки роз, а сирень, которую Брейди наломал в соседском саду.

– Джози? – шепотом позвала ее Хейли из палаты. – Это ты?

Алекс взяла Джози за руку, стараясь удержать, но родители Хейли, заслонявшие кровать, расступились. Волосы сбриты, вся правая половина лица забинтована, нос сломан, открытый глаз налит кровью. Джози попыталась улыбнуться, а ее мама только медленно втянула в себя воздух.

– Он убил их, – сказала Хейли. – Кортни и Мэдди. Потом наставил пистолет на меня, но Брейди меня заслонил. – По щеке, свободной от бинтов, скатилась слеза. – Ты ведь знаешь, они часто говорят, что на все готовы ради нас...

Джози затряслась. Она задала бы Хейли сотню вопросов, но зубы так стучали, что она не могла выговорить ни слова. Хейли взяла Джози за руку, и Джози вздрогнула. Ей захотелось отпрянуть. Захотелось притвориться, будто она никогда не видела школьную королеву красоты в таком состоянии.

– Если я тебя кое о чем спрошу, – прошептала Хейли, – ты ведь ответишь мне честно, да? – (Джози кивнула.) – Мое лицо. Оно совсем изуродовано?

Джози посмотрела на Хейли:

– Нет, все в порядке.

Они обе знали, что это неправда.

Попрощавшись с Хейли и ее родителями, Джози схватилась за маму и зашагала к лифтам гораздо быстрее, чем раньше, хотя каждый шаг по-прежнему отдавался в черепной коробке, как раскат грома. Она вдруг вспомнила, как однажды на уроке биологии им рассказывали про человека, которому воткнули в голову стальной прут и он заговорил на португальском, хотя никогда не изучал его. Может быть, и с Джози случилось нечто подобное? Теперь у нее новый родной язык – язык лжи?

К утру, когда Патрик вернулся в здание школы, оно уже превратилось в одну огромную паутину. От тех точек, где Питер Хоутон останавливался, прежде чем двинуться дальше, лучами расходились ленты, ведущие к контурам жертв. Линии пересекались, создавая сетку паники, график хаоса.

Патрик постоял немного в эпицентре рабочей суеты, среди криминалистов, тянувших свои нити по коридорам, между рядами шкафчиков в раздевалке и через дверные проемы. Он представил себе, каково это: услышать выстрелы и броситься бежать, чувствуя, как сзади волной накатывает толпа, и слишком поздно понимая, что лететь быстрее пули ты все равно не сможешь, что ты в ловушке, ты добыча паука.

Патрик стал пробираться сквозь паутину, стараясь не испортить работу коллег. Эти линии помогут ему проверить показания свидетелей. Всего тысяча двадцать шесть человек.

Главным событием утреннего эфира трех местных каналов было предъявление обвинения Питеру Хоутону. Алекс с чашкой кофе в руках стояла перед телевизором в своей спальне и смотрела поверх голов взволнованных репортеров на здание, перед которым они стояли. Показывали ее прошлое место работы – окружной суд.

Джози была у себя в комнате. Спала тяжелым сном человека, напичканного успокоительным. По правде говоря, Алекс тоже нуждалась в том, чтобы побыть наедине с собой. Кто бы мог подумать, что женщине, которая так превосходно умела держаться на публике, будет настолько трудно не выдавать своих чувств в присутствии собственной дочери! Хотелось выпить. Уронить голову на руки и зареветь. Зареветь оттого, что ей так повезло: ее ребенок спит в соседней комнате, и скоро они будут завтракать вместе, а некоторые родители больше не смогут позавтракать со своими детьми, и им еще предстоит это осознать.

Алекс выключила телевизор, чтобы средства массовой информации не мешали ей быть объективной. Она знала: кто-нибудь обязательно потребует ее отстранения от дела на том основании, что ее дочь была на месте трагедии. Если бы Джози получила ранение, Алекс согласилась бы с этим требованием. Если бы Джози до сих пор дружила с Питером Хоутоном, Алекс взяла бы самоотвод. Но при сложившихся обстоятельствах сомневаться в беспристрастности Александры Кормье следовало не больше, чем в беспристрастности любого другого судьи, который жил в этих местах, знал кого-нибудь из учеников старшей школы или был родителем подростка. На севере страны судьям не приходилось особенно удивляться, если они видели перед собой в зале суда знакомое лицо. На предыдущей должности Алекс рассматривала и дело своего почтальона, когда у него в машине нашли наркотики, и дело своего автомеханика, когда он подрался с женой. Если предмет спора не касался лично Алекс, никакие законные ограничения на нее не распространялись. Нужно было просто исключить себя из уравнения: сейчас я судья и больше ничего.

Стрельбу в школе, по убеждению Алекс, следовало рассматривать как рядовой случай судебной практики: любое преступление – это совокупность определенных обстоятельств, просто в данном случае масштаб увеличен. А если учесть шумиху, поднятую в прессе, то по-

настоящему беспристрастным здесь сможет быть только судья с адвокатским прошлым. Такой, как Алекс. Чем дольше она об этом думала, тем тверже верила: без ее участия правосудие не восторжествует. Любые сомнения в том, что судьей на этом процессе должна быть именно она, теперь казались ей нелепыми.

Сделав глоток кофе, Алекс на цыпочках прошла из своей спальни в комнату дочери. Но дверь оказалась открытой настежь, Джози не было.

– Джози?! – запаниковала Алекс. – Джози, ты где?

– Я внизу.

Почувствовав себя так, будто внутри развязался тугой узел, Алекс спустилась на кухню и увидела Джози за столом – в юбке, колготках и черном свитере. Волосы еще не просохли после душа, а челка была зачесана так, чтобы хотя бы частично прикрыть пластырь. Джози посмотрела на мать:

– Я нормально одета?

– Для чего? – спросила Алекс в полном недоумении.

Куда ее дочь могла собраться? Не в школу же? Врачи сказали, что Джози, вероятно, никогда не вспомнит деталей произошедшего. Но нормально ли это, если она попытается стереть из сознания сам факт?

– Для предъявления обвинения.

– Дорогая, сегодня ты и близко не подойдешь к зданию суда.

– Я должна.

– Никуда ты не пойдешь! – твердо сказала Алекс.

– Это еще почему? – спросила Джози, очевидно с трудом сдерживая ярость.

Алекс открыла было рот, но в первый момент не нашлась что ответить. Ее запрет был продиктован не логикой, а чутьем. Она не хотела, чтобы дочь воскрешала пережитое в своей памяти.

– Потому что я так сказала.

– Это не ответ.

– Потому что журналисты поднимут вой, если увидят тебя в зале суда. Потому что на этом заседании не будет никаких сюрпризов. И потому что сегодня я хочу все время быть с тобой.

– Тогда пойдем со мной.

– Не могу, Джози, – покачала головой Алекс и уже гораздо мягче добавила: – Это дело вести буду я.

Джози побледнела. Видимо, до сих пор ей не приходило в голову, что такое возможно. Алекс тоже только теперь поняла: из-за этого процесса стена между ними станет еще толще. Как судья, она не всем сможет поделиться с дочерью и не всякое ее признание сможет хранить в тайне. Пока Джози будет пытаться выбраться из этого кошмара, ей, Алекс, придется увязнуть в нем по колено. Почему же она так много думала о своем судействе и так мало о том, как оно скажется на дочери? Джози в данный момент было все равно, насколько объективно ее мама рассмотрит дело. Ей была нужна именно мать, а материнство всегда давалось судье Кормье тяжелее, чем карьера.

Ни с того ни с сего Алекс вспомнила Лейси Хоутон, которая сейчас находилась в совершенно другом круге ада. Лейси взяла бы Джози за руку, с сочувствием присела бы рядышком, и все это вышло бы у нее абсолютно естественно. Но Алекс была мамой другого типа: чтобы вновь ощутить близость с дочерью, ей нужно было мысленно вернуться на несколько лет назад и вспомнить то, что они любили делать вдвоем.

– Давай ты сходишь наверх и переоденешься, а потом мы с тобой испечем блинчики. Тебе ведь раньше нравилось.

– Да. Когда мне было пять.

– Тогда, может, шоколадное печенье?

Джози, моргнув, посмотрела на мать:

– Ты, случайно, не обкурилась?

Алекс и сама себе казалась нелепой, но ей отчаянно хотелось показать дочери, что она способна позаботиться о ней и что работа для нее на втором месте. Алекс встала, принялась открывать шкафчики и, найдя в одном из них игру «Эрудит», сказала:

– Спорим, я тебя сделаю?

– Считай, что уже выиграла, – ответила Джози и, задев Алекс плечом, вышла из кухни.

Парень, дававший интервью репортеру Си-би-эс из Нашуа, помнил Питера Хоутона по урокам английского языка в пятом классе:

– Нам задали написать рассказ от первого лица. Рассказчика можно было взять любого. Питер выбрал Джона Хинкли<sup>9</sup>. В начале рассказа можно было подумать, что он в аду, а в конце оказалось, что это рай. Учительница перепугалась. Показала сочинение директору и все такое... – Парень задумчиво потер большим пальцем шов на джинсах. – А Питер им сказал, что это такой прием. Что он специально использовал ненадежного рассказчика. Мы тогда проходили эту тему. – Парень посмотрел в камеру. – По-моему, ему поставили «А».

На светофоре Патрик задремал. Ему приснилось, что он бежит по школьным коридорам, слыша выстрелы. При каждом повороте пол почему-то уходит у него из-под ног, и Патрик повисает в воздухе.

Водитель соседней машины посигналил. Патрик резко проснулся и, махнув рукой в знак извинения, поехал в лабораторию, где в срочном порядке должны были провести баллистическую экспертизу. Технические специалисты, как и Патрик, работали круглосуточно.

Больше всех других лаборантов он симпатизировал и доверял Сельме Абернати, бабушке четверых внуков, которой не было равных во владении новейшими технологиями. Когда Патрик вошел, она посмотрела на него, приподняв бровь, и констатировала:

– Ты спал.

Он помотал головой:

– Слово скаута: глаз не сомкнул.

– Для того, кто глаз не сомкнул, у тебя слишком свеженький вид.

– Да ты просто в меня влюбилась, – улыбнулся Патрик.

Сельма поправила на носу очки:

– Дорогой мой, я не настолько глупа, чтобы влюбляться в таких раздолбаев. Результаты экспертизы нужны?

Патрик подошел вместе с ней к столу, на котором лежали два пистолета и два обреза с ярлыками соответственно «А», «В», «С», «D». Пистолеты он узнал: один был у Питера Хоутона в руках, а другой валялся рядом, на кафельном полу раздевалки.

– Сначала я проверила на скрытые отпечатки, – сказала Сельма, показывая Патрику заключение. – На пистолете А обнаружен отпечаток, совпадающий с отпечатками подозреваемого, на пистолете В отпечаток смазанный, обрезы чистые.

Сельма кивком указала на огромные емкости с водой, которые использовались для баллистической экспертизы: при выстреле в воду пуля почти не деформируется и на ней отчетливо видны следы, оставшиеся после прохождения через ствол. По этим бороздкам можно понять, какое оружие использовалось в каждом конкретном случае. Это было нужно Патрику, чтобы собрать воедино картину передвижений Питера Хоутона: где он остановился и из чего выстрелил.

---

<sup>9</sup> *Джон Хинкли* – гражданин США, в 1981 г. совершивший покушение на президента Рональда Рейгана.

– Стрельба производилась в основном из пистолета А. Обрезы С и D лежали в рюкзаке, обнаруженном на месте преступления. И это хорошо: от них было бы больше ущерба. Все пули, извлеченные из тел жертв, были выпущены из пистолета А.

«Где Питер Хоутон умудрился все это раздобыть?» – спросил себя Патрик, хотя прекрасно понимал, что в Стерлинге совсем не трудно найти кого-нибудь, кто занимается охотой или любит пострелять по мишеням на месте старой свалки в лесу.

– По остаткам пороха я заключила, что из пистолета В тоже стреляли. Но пуль от него нет.

– Они еще исследуют...

– Погоди. Вот что интересно: после выстрела пистолет заклинило.

Патрик скрестил руки на груди:

– А отпечатка, ты говоришь, нет?

– Есть, на курке, но недостаточно четкий. Возможно, смазан в тот момент, когда стрелявший выронил пистолет. Но точно сказать не могу.

Патрик, кивнув, указал на пистолет А:

– В раздевалке, при задержании, Питер Хоутон выронил вот этот. Значит, из него, скорее всего, и сделан последний выстрел.

– Наверное. – Сельма взяла щипцами пулю: – Это извлечено из мозга Мэттью Ройстона. Судя по бороздкам, выстрел произведен из первого пистолета.

Мэттью Ройстон... Парень, который лежал в раздевалке рядом с Джози Кормье. Единственный, в кого стреляли два раза.

– А из какого оружия он был ранен в живот?

Сельма покачала головой:

– Из первого или из второго пистолета. Узнаем, когда принесешь пулю. Она прошла навывлет.

Патрик задумался, глядя на оружие:

– Получается, Питер Хоутон везде стрелял из пистолета А. Не могу понять, зачем он вдруг решил взять другой.

Сельма посмотрела на Патрика, и только теперь он заметил, что срочная работа в ночное время оставила на ее лице следы – темные круги вокруг глаз.

– А я вообще не могу понять, зачем он взялся за пистолет – не важно какой.

Мереди Виейра смотрела в камеру, старательно удерживая на лице выражение, соответствующее общенациональному масштабу трагедии.

– По делу о стрельбе в Стерлинге ежечасно выясняются новые детали, – сказала она, – ну а пока я передаю слово студии и Энн Карри. Энн?

Диктор кивнула:

– Вчера вечером стало известно, что в старшую школу Стерлинга было пронесено четыре единицы огнестрельного оружия, две из которых преступник применил. Питер Хоутон, предполагаемый виновник произошедшего, был поклонником хардкор-панк-группы *Death Wish*: он размещал посты на веб-сайте рок-коллектива и скачивал их музыку. Тексты этих песен заставляют задуматься о том, что можно, а что нельзя слушать детям.

На зеленом экране за спиной ведущей появились строки:

Падает черный снег,  
По городу бродит мертвец,  
Ублюдки хохочут во тьме.  
Но скоро день Судный придет и с ними счета сведет.  
Не знают ублюдки  
Моей крови лютой.

Расцветает смерть-незабудка.  
Скоро день Судный придет и с ними счета сведет.

– Песня «Judgment Day» звучит как пугающее пророчество того, что случилось в Стерлинге, штат Нью-Гэмпшир, вчера утром. Рейвен Напалм, солист группы *Death Wish*, провел в этой связи пресс-конференцию.

Показали человека с пятью кольцами на нижней губе, золотыми теньями на веках и черным ирокезом.

– В нашей стране, – сказал он, – пацаны умирают оттого, что их отправляют воевать за нефть. И всех это устраивает. Но стоит одному парню, который дошел до кипения и не видит в жизни смысла, выместить свою ярость на тех, кто попался под руку, все сразу начинают винить хеви-метал. Проблема не в текстах песен, а в том, как устроено общество.

На экране снова появилась Энн Карри:

– Мы будем следить за ходом расследования трагедии в Стерлинге. Перейдем к смежным темам: сенат отклонил законопроект об ограничении прав граждан на хранение и ношение оружия, но, по мнению сенатора Романа Нельсона, эта борьба будет продолжаться. Сегодня он вышел с нами на связь из Южной Дакоты. Сенатор?

Питеру казалось, что ночью он совсем не спал, однако не заметил, как охранник заглядывал к нему в камеру. Сейчас Питер вздрогнул от скрежета открываемой металлической двери.

– Вот, надевайте! – Вошедший что-то протянул Питеру.

Питер знал, что сегодня его повезут в суд. Так сказал Джордан Макафи. Видимо, по такому случаю полагалось натянуть костюм или что-то типа того. Люди почему-то всегда являются в суд в костюме. Даже если прямо из тюрьмы. Считается, что так человек вызовет к себе больше сочувствия. Питер видел подобные картины по телевизору.

Но ему принесли не костюм. А бронежилет.

Когда Джордан приблизился к решетке конвойного помещения в здании суда, клиент лежал на полу, заслонив глаза рукой. На нем был бронежилет – молчаливое признание того факта, что зал будет полон желающих его убить.

– Доброе утро, – произнес Джордан.

– Кому как, – пробормотал Питер, садясь.

Оставив это замечание без комментариев, Джордан подошел ближе и, взявшись за прутья, сказал:

– План такой. Вас обвиняют в убийстве десяти человек первой степени тяжести и в попытке убийства девятнадцати человек при отягчающих обстоятельствах. От зачитывания обвинений я откажусь. Потом мы пройдемся по всем пунктам отдельно, ну а сейчас у нас одна задача: заявить о том, что вы не признаете себя виновным. Вам самому ничего говорить не нужно. Будут вопросы – задавайте их мне шепотом. Но вслух не произносите ни слова. На ближайший час вы онемели. Ясно?

– Предельно, – угрюмо ответил Питер, глядя Джордану в лицо.

Тот посмотрел на его руки: они тряслись.

В комнате Питера Хоутона были найдены, кроме прочего, следующие предметы:

- 1) ноутбук «Делл»;
- 2) компакт-диски с компьютерными играми: «Doom 3», «Большая кража машин в городе порока»;
- 3) три рекламных плаката с изображением оружия;
- 4) обрезки труб различной длины;

- 5) книги: «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «О войне» К. фон Клаузевица, графические романы Фрэнка Миллера и Нила Геймана;
- 6) DVD с фильмом «Боулинг для Колумбины»<sup>10</sup>;
- 7) альбом выпускного класса средней школы Стерлинга; несколько лиц обведено черным маркером; фотография девушки с подписью «Джози Кормье» обведена и вычеркнута; рядом на поле приписано: «Пушай живет».

---

<sup>10</sup> «Боулинг для Колумбины» (Bowling for Columbine, 2002) – документальный фильм Майкла Мура, посвященный массовому убийству в школе «Колумбайн».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.